

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 19 · № 1

• 2022 •

Vol. 19 · No. 1

SIBERIAN LAW REVIEW

DOI: 10.19073/2658-7602

Учредитель и издатель:

частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

Адрес издателя и редакции:

ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение», 2022

Founder and publisher:

private educational institution of higher education
“Siberian Law University”

Address of the publisher and the editorial office:

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© The editorial board of the scientific journal
“Siberian Law Review”, 2022

Журнал включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- каталог Ulrich’s Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

The journal is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
 - the database “Russian science citation index”;
- Ulrich’s Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
 - legal information database “GARANT System”;
- scientific electronic library “CyberLeninka” and others.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Председатель редакционной коллегии –
главный редактор**

Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора

Караманукян Давид Тониевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь

Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Бабурин Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Гатт Лусилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсола Бенинкасой, Неаполь, Итальянская Республика);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гундур Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Университет Флиндерс, Аделаида, Содружество Австралии);

Деришев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация);

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Второй арбитражный апелляционный суд г. Кирова, Киров, Российская Федерация);

Козн-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мэггс Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Амрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Республика Ирландия);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Паризи Франческо – профессор права (Университет Миннесоты, Миннеаполис, Миннесота, Соединенные Штаты Америки), профессор экономики (Болонский университет, Болонья, Итальянская Республика);

Пфандер Джеймс Э. – профессор права (Юридическая школа Северо-Западного Притцкера, Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Пьеткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Торнхилл Кристофер – профессор права (Манчестерский университет, Англия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Фор Майкл Дж. – профессор сравнительного частного права и экономики (Маастрихтский университет, Маастрихт, Королевство Нидерландов);

Хамедов Иса Ахлиманович – доктор юридических наук, профессор, имеет дипломатический ранг (Университет мировой экономики и дипломатии МИД Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан);

Хоссейн Мд Саззат – доктор философии в области защиты прав человека (Азиатско-Тихоокеанский университет, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Мин – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Контент доступен под лицензией
Creative Commons Attribution 4.0 License

Настоящий журнал в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» не маркируется знаком информационной продукции

EDITORIAL BOARD

The Chairman of the Editorial Board – Editor-in-Chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

David T. Karamanukyan – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Vasili V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Maxim V. Bavsun – Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Michael G. Faure – Professor of Comparative Private Law and Economics, Maastricht University, Maastricht, Kingdom of the Netherlands;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, Flinders University, Adelaide, Commonwealth of Australia;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, University of Asia Pacific, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Denis N. Karkhalev – Doctor of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Isa A. Khamedov – Doctor of Legal Sciences, Professor, has a diplomatic rank, University of World Economy and Diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan;

Sergei V. Kodan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Second Arbitration Court of Appeal of Kirov, Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Francesco Parisi – Professor of Law, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota, United States of America; Professor of Economics, University of Bologna, Bologna, Italian Republic;

James E. Pfander – Professor of Law, Northwestern Pritzker School of Law, Chicago, Illinois, United States of America;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Manchester, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

А. Я. Козинцев

Вклад Анатолия Федоровича Кони в развитие уголовного процесса в начале XX века 6

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Г. В. Елисеева

Эвтаназия: отечественный и зарубежный опыт правового регулирования 23

А. А. Суханова

Конституционные ценности в содержании государственных программ
Российской Федерации 39

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, АГРАРНОЕ ПРАВО

С. А. Шестовская

Становление и развитие законодательства Республики Беларусь в области обращения
с отходами атомной энергетики. 54

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Б. А. Лукичев, С. Г. Алексеев

Производство судебной экспертизы и процессуальный статус сведущих лиц
в уголовных процессах России и Латвии 68

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Д. Т. Караманукян, П. Квоста

Право на справедливое судебное разбирательство в публичном праве
России и Австрии 91

В. Е. Севрюгин

Административно-процессуальное право России: состояние, проблемы
и перспективы 109

Информация для авторов 124

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, HISTORY OF LAW AND STATE STUDIES

A. Ya. Kodintsev

The Contribution of Anatoly Fedorovich Koni to the Development of the Criminal Process at the Beginning of the 20th Century	6
--	----------

CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL JUDICIAL PROCEEDINGS, MUNICIPAL LAW

G. V. Eliseeva

Euthanasia: Domestic and Foreign Experience of Legal Regulation	23
--	-----------

A. A. Sukhanova

Constitutional Values in the Content of State Programs of the Russian Federation	39
---	-----------

LAND LAW, NATURAL RESOURCES LAW, ECOLOGICAL LAW, AGRICULTURAL LAW

S. A. Shastouskaya

The Formation and Development of the Legislation of the Republic of Belarus in the Field of Nuclear Waste Management	54
---	-----------

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENITENTIARY LAW

B. A. Lukichev, S. G. Alexeev

The Production of a Forensic Examination and the Procedural Status of Knowledgeable Persons in Criminal Proceedings in Russia and Latvia	68
---	-----------

ADMINISTRATIVE LAW, ADMINISTRATIVE PROCESS

D. T. Karamanukyan, P. Chvosta

The Right to a Fair Trial in the Area of Russian and Austrian Public Law	91
---	-----------

V. E. Sevryugin

Administrative Procedural Law in Russia: Status, Problems and Prospects	109
--	------------

Information for Authors	126
--	------------

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Theory and History of Law and State, History of Law and State Studies

УДК 343.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-6-22

EDN: ATNSCV

Оригинальная научная статья

Вклад Анатолия Федоровича Кони в развитие уголовного процесса в начале XX века

А. Я. Козинцев

Санкт-Петербургский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ balsak1@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе комплекса архивных материалов показана эволюция взглядов известного российского юриста Анатолия Федоровича Кони в 1900–1910 гг. на сущность и принципы уголовного процесса. А. Ф. Кони развивал свой творческий потенциал в трех аспектах: практическом, теоретическом и законодательном. В начале XX в. на первый план выступает его теоретическая и законодательная деятельность. Как практический юрист он активно участвовал в составлении комментариев к Уставу уголовного судопроизводства (давал научную оценку заключительным прениям в суде, обвинительной речи прокурора, частному обвинению, защитительной речи адвоката, заключению прокурора в кассационном производстве и пр.). В качестве участника законодательного процесса Кони отстаивал в Государственном Совете (в начале 1910-х гг.) законопроекты, направленные на улучшение процессуального права. Выступал за сохранение обряда предания суду, настаивал на изменении разъяснения присяжным заседателям вопроса о наказании в отношении обвиняемого, ограничении полномочий мирового судьи и пр. Особенно активно роль А. Ф. Кони как сенатора проявилась в 1917 г., когда, будучи председателем подкомиссии по изменению Устава уголовного судопроизводства, он оказал решающее влияние на изменение судебного процесса в России. Значительный вклад в развитие основ уголовной юстиции внесла работа А. Ф. Кони «Судебная этика». В ней он установил высокую этико-правовую планку поведения для всех участников процесса. В исследовании подробно разбираются те правовые институты уголовного процесса, которые стали объектом изучения со стороны сенатора. В том числе принципы процессуального права, порядок рассмотрения дел о преступлениях печати, процедура обряда предания суду, порядок разъяснения присяжным заседателям последствий вынесенного ими приговора, статус частного поверенного, статус прокурора в суде и пр. Отдельно рассматриваются представления сенатора об эволюции процессуальных норм. Целью данной работы является установление вклада А. Ф. Кони в развитие уголовного судопроизводства через его научную и законодательную деятельность. При подготовке публикации использовался проблемно-хронологический и исторический методы.

Ключевые слова: Сенат; стадия предания суду; Государственный Совет; присяжные заседатели; заключительные прения; частный обвинитель; речь адвоката; речь прокурора; Устав уголовного судопроизводства; судебная этика.

© Козинцев А. Я., 2022

Для цитирования: Козинцев А. Я. Вклад Анатолия Федоровича Кони в развитие уголовного процесса в начале XX века // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 1. С. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-6-22>. EDN: <https://elibrary.ru/atnscv>

Original scientific article

The Contribution of Anatoly Fedorovich Koni to the Development of the Criminal Process at the Beginning of the 20th Century

A. Ya. Kodintsev

*Saint Petersburg Institute (branch) of All-Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ balsak1@yandex.ru

Abstract. Based on a set of archival materials, the article shows the evolution of the views of the famous Russian lawyer Anatoly Fedorovich Koni in the 1900-1910's on the essence and principles of the criminal process. Koni developed his creative potential in three aspects: practical, theoretical and legislative. At the beginning of the twentieth century, the theoretical and legislative activities of the senator came to the fore. As a practical lawyer, he actively participated in the drafting of comments on the Charter of criminal proceedings (where he gave a scientific assessment of the final debate in court, the accusatory speech of the prosecutor, the private prosecution, the defense speech of the lawyer, the conclusion of the prosecutor in cassation proceedings, etc.). As a participant in the legislative process, Koni defended in the State Council (in the early 1910s) bills aimed at improving procedural law. He defended the preservation of the rite of trial, insisted on changing the clarification to jurors of the issue of punishment for the accused, limiting the powers of the justice of the peace, etc. The role of the senator was especially active in 1917, when, as chairman of the subcommittee to change the Charter of Criminal Procedure, Koni had a decisive influence to change the judicial process in the Russian Republic. A huge contribution to the development of the foundations of criminal justice was made by the work of Anatoly Fedorovich – Judicial Ethics. In it, he set a high ethical and legal standard of conduct for all participants in the process. The study analyzes in detail those legal institutions of the criminal process that have become the object of study by the senator. Including the principles of procedural law, the procedure for considering cases of crimes of the press, the procedure for the rite of passage to court, the procedure for explaining to jurors the consequences of their sentence, the status of a private attorney, the status of a prosecutor in court, etc. The senator's ideas about the evolution of procedural norms are considered separately. The purpose of this work is to establish the contribution of A.F. Koni in the development of criminal justice through his theoretical and legislative activities. In preparing the publication, the problem-chronological method, as well as the historical method, were used.

Keywords: Senate; the stage of bringing to trial; State Council; jurors; closing debate; private prosecutor; lawyer's speech; speech of the prosecutor; Criminal Procedure Charter; judicial ethics.

For citation: Kodintsev A. Ya. The Contribution of Anatoly Fedorovich Koni to the Development of the Criminal Process at the Beginning of the 20th Century. *Siberian Law Review*. 2022;19(1):6-22. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-6-22>. EDN: <https://elibrary.ru/atnscv> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Уголовный процесс – объект большого интереса Анатолия Федоровича Кони, в силу своей деятельности постигшего

мельчайшие элементы судебных процедур. Знаменитый юрист написал множество работ по уголовному процессу. Более того, он участвовал в выработке

стандартов в этой сфере, которые оказывают влияние и на современное уголовное судопроизводство. Неудивительно, что и советские, и современные российские ученые обращались и обращаются к трудам А. Ф. Кони. В рамках данного исследования мы отметим только некоторые из них.

При жизни А. Ф. Кони его уголовно-процессуальные изыскания редко становились объектом глубоких исследований. Как правило, они рассматривались в контексте его этической теории. В 1924 г., когда Кони исполнилось 80 лет, прошли торжественные мероприятия, вышел юбилейный сборник. Российский ученый-правовед и специалист в области уголовного права и криминологии А. А. Жижиленко сделал доклад о А. Ф. Кони как о криминалисте, указав, что Кони был ученым-практиком, эмпириком и моралистом. В своей работе «А. Ф. Кони как криминалист» он представил подробный анализ уголовно-правовых и процессуальных воззрений выдающегося российского юриста, акцентировав внимание на оценке его заслуг как юриста и судебного деятеля с непривычной стороны, а именно – как криминалиста. А. А. Жижиленко верно отмечает, что благодаря сочетанию в одном лице свойств, с одной стороны, опытного практика – судебного деятеля, горячо преданного идеям Судебных Уставов, а с другой стороны, видного ученого – юриста-догматика, закон для А. Ф. Кони не является безжизненной формулой, ведь, изучая право, он всегда имел в виду его воплощение в жизни. Оценивая значение А. Ф. Кони как криминалиста, автор анализирует его работы, относящиеся к области уголовного права, уголовного процесса и истории процесса, определяя научные убеждения А. Ф. Кони как примыкающие к классической школе уголовного права и решительно отвергающие антропологическое направление, подвергая его беспощадной критике. Интересным представляется

анализ отдельных рассуждений автора об отношении А. Ф. Кони к личности преступника, которой последний придавал огромное значение и считал, что особенно тщательно в любом уголовном деле должны быть исследованы элементы общего состава преступления, которые относятся к внутренней его стороне (вменяемость, душевные болезни преступника, намерения, умысел, заведомость, предумышленность, запальчивость и т. п.). Особое внимание уделяется вопросам особенной части уголовного права и догматическому анализу, который А. Ф. Кони дает отдельным преступлениям. Каждое преступление рассматривается А. Ф. Кони не только абстрактно, не только в том виде, в каком оно изображено в законе, но как явление, наполненное конкретным жизненным содержанием, в возможной реальной обстановке, которой он всегда придает особенное значение для оценки преступления. А. А. Жижиленко отмечает ценность А. Ф. Кони как процессуалиста, благодаря его не превзойденным до сих пор образцам обвинительных речей, резюме председателя суда, кассационных заключений и докладов по делу в кассационном разбирательстве. В работе отмечается: «Он создал нам образцы особого прокурорского красноречия без пафоса и громких фраз, но с углубленным анализом преступления и преступника». Исследуется и вопрос нравственных начал, возникающих при отправлении правосудия, по словам А. Ф. Кони, «мерилом дозволенности приемов судового разбирательства должно служить то соображение, что цель не может оправдывать средства, и что высокая задача правосудного ограждения общества и вместе защиты личности от несправедливого обвинения должна быть достигнута способами, не идущими в разрез с нравственным чувством». Отмечается, что, по мнению великого ученого, юристу следует изучать не только судебную практику, но и судебную этику как учение

о приложении общих понятий о нравственности к той или иной отрасли специальной судебной деятельности, и что поэтому в общий курс уголовного судопроизводства должен быть введен особый раздел, посвященный судебной этике. [1, с. 24–39]. Полная характеристика работ А. Ф. Кони содержалась в 8-томном сборнике трудов, вышедшем в 1966–1969 гг.

В последние десятилетия интерес к работам Кони возрос. В 2019 г. вышла интересная статья профессора О. Л. Васильева. Она построена в форме диалога автора с А. Ф. Кони о нравственной стороне процесса. По мнению Васильева, все основные проблемы уголовного процесса были раскрыты при А. Ф. Кони, нарушение демократических основ процесса ведет к драматическим последствиям. Эти нарушения произошли, и последствия наступили – современная реформа судопроизводства в России [2, с. 104–116].

В 2005 г. была защищена диссертация А. В. Шаповалова по правовым взглядам А. Ф. Кони на судебную реформу¹. В работе автор обращается к традиционным темам: нравственность в уголовном судопроизводстве, судебная этика, принципы уголовного судопроизводства. Исследуя влияние Кони, ученый приходит к важным выводам о причинах его популярности. Комплекс положительных качеств юриста постоянно востребован. Проведя серию социологических исследований, Шаповалов доказывает рост влияния Кони на правосознание российских юристов. К сожалению, интересное направление изучения наследия Кони не получило дальнейшего развития. Шаповалов перестал заниматься этой темой.

Современные юристы большое значение придают анализу основ уголовного процесса, используя этическую (нравственную) теорию Кони. Это работы

Ю. А. Потапова [3, с. 64–70], В. Л. Кудрявцева [4, с. 89–96]. Например, Ю. А. Потапов в своей статье перечислил условия, в которых приходится действовать судье, среди которых: доверие к судье, внутреннее убеждение судьи, судебская независимость, влияние общественного мнения и т. д. Значительное внимание А. Ф. Кони уделял качествам судьи. В их числе следование закону и нравственному долгу, ораторские способности, наблюдательность, справедливость. Кроме того, вышла наша публикация, в которой вопросы этики А. Ф. Кони связаны с уголовным процессом. Следует упомянуть серию заграничных публикаций, в которых затрагиваются процессуальные аспекты деятельности А. Ф. Кони [5–8].

Труды одного из ведущих специалистов в области уголовного процесса Российской империи хорошо известны современным российским юристам. Между тем влияние А. Ф. Кони на уголовное судопроизводство было более значительным, чем это можно было бы предположить, исходя из его опубликованных работ. На протяжении многих лет, находясь на разных постах, он вносил проекты изменений в Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС). Большинство из них было принято высшей властью. Кроме того, в 1890-х гг. и 1917 г. А. Ф. Кони входил в состав различных государственных комиссий по переработке УУС и выдвигал множество предложений по усовершенствованию законодательства. Ведущие ученые-процессуалисты (И. Я. Фойницкий, Н. Н. Полянский, М. Н. Гернет и др.) воспринимали его как коллегу и друга. Они вместе с Кони участвовали в разработке теоретических аспектов уголовного процесса, составлении Систематических комментариев к Уставу уголовного судопроизводства.

¹ Шаповалов А. В. Правовые взгляды А. Ф. Кони и их влияние на проводимую в России судебно-правовую реформу : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 209 с.

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Формирование А. Ф. Кони-процессуалиста происходило во второй половине XIX в. Он занимался различными видами теоретической процессуальной деятельности — разрабатывал законодательные предположения, проводил теоретические изыскания, комментировал УУС. Накопленный опыт и багаж знаний позволил Кони перейти от практических работ в сфере уголовного процесса к теории.

Оставив все должности в Уголовно-кассационном департаменте (далее — УКД) Сената А. Ф. Кони приступил к систематизации своих знаний. Период 1901–1917 гг. был чрезвычайно плодотворным для популяризации уголовно-процессуальных законов. Сенатор делился с читателями своими знаниями о процессе и предлагал новые идеи по совершенствованию судопроизводства. В то время процессуальные работы Анатолия Федоровича включали как теоретические, так и узкопрактические исследования.

Как известно, в начале XX в. А. Ф. Кони подробно разрабатывал теорию судебной этики. При этом он неизбежно распространял этическую «линию» на процессуальные вопросы. Он формировал нравственную концепцию уголовного процесса. Это важнейшая идея, воспринятая в России, существовавшая до А. Ф. Кони, но благодаря ему внедрившаяся в сознание юристов и попавшая во многие законодательные акты, вплоть до наших дней.

В своем труде «Нравственные начала в уголовном процессе» (один из вариантов «Судебной этики», 1902) Кони утверждал, что справедливые процессуальные стандарты, утвердившиеся в XIX в., «прочно установились» [9, с. 33–34.]. Дальнейшее развитие целесообразно в сторону «этической и общественно-правовой деятельности судьи во всех ее проявлениях» [9, с. 34]. Признавая судью центром судебной

системы, А. Ф. Кони определял три сферы его деятельности: приговор, обстановка суда, взаимоотношения с участниками процесса.

Проследивая историю свободы усмотрения судьи, ученый отмечал, что в XIX в. произошел возврат к относительной свободе античного судьи. Но в новых усложненных условиях. Судья подвержен субъективизму, давлению со стороны государства и общества. Определяя содержание приговора, судья может впасть в две крайности: либо превысит пределы, установленные законом и фактически превратится в законодателя, либо будет формально следовать букве закона. Ему необходимо определить справедливую меру наказания, род наказания.

А. Ф. Кони «поет гимн» Э. Канту. Необходимо поставить нравственный долг, счастье ближнего и собственное нравственное совершенство на первое место. Человек не может быть средством, а только целью. Уважение и эмпатия — вот ценности, на которые должен ориентироваться человек. Неуважение человеческого достоинства означает неуважение собственной души. А. Ф. Кони перечисляет нравственные примеры из УУС, в том числе: право родственников не свидетельствовать друг против друга (ст. 705 УУС), если же все-таки они дают показания, то без присяги и несут небольшую ответственность за ложные показания; священники не могут раскрывать тайну исповеди (ст.ст. 93 и 704 УУС); подсудимый имеет право молчать на суде (ст. 685 УУС), молчание не означает признания вины.

А. Ф. Кони настаивал, что необходимо учитывать тяжелое состояние подсудимого, свидетелей и потерпевшего на суде, судья должен быть внимателен, участлив, терпелив и гуманен. Более того, он требовал эстетизировать процесс, ввести в него вкус, меру и такт. Ставил вопрос об этичности использования тех или иных доказательств в процессе (не все признания

вины равнозначны, не всем данным дневников стоит доверять) [9, с. 35–60].

А. Ф. Кони рассматривал личности защитника и обвинителя. По его мнению, в России выработался свой тип обвинителя, включающий такие качества, как спокойствие, отсутствие личного озлобления, «опрятность» приемов обвинения, отсутствие лицедейства, простота языка. Автор рисует образ объективного и беспристрастного прокурора. Беспристрастность придает ему, по мнению А. Ф. Кони, черты «говорящего публично судьи». Не менее важна роль адвоката, тоже «совершенного» [9, с. 60–66].

Такой обзор позволяет предположить, что А. Ф. Кони хотел бы увидеть совершенный процесс, где закон торжественно шествует вместе с этикой (нравственностью) к победе правосудия, где учитываются мелкие нюансы настроения, мнения, потребностей всех участников процесса. А в центре этого круговорота справедливости находится мудрый человек – судья. Можно сказать, что это иллюзия, но на наш взгляд, это не так. А. Ф. Кони высоко поднимал планку и ставил работников юстиции в положение постоянно стремящихся за совершенством. Христианство предполагает постоянное совершенствование, работник правосудия также должен постоянно совершенствоваться. Сам же суд, по выражению Кони, «школа для народа, из которого помимо служения закону он должен выносить уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству» [9, с. 66].

ИЗМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА В НАЧАЛЕ XX в.

Анатолий Федорович Кони вернулся к проблематике уголовного процесса в Государственном Совете империи. С 1905 г.

то ускоряясь, то замедляясь протекала судебная реформа. Ее частью была реформа уголовного процесса. Собственно, реформа сводилась к бесконечным мелким переделкам законодательства «на злобу дня».

Зимой 1909–1910 гг. в Государственном Совете обсуждался вопрос об отмене существующего обряда предания суду. А. Ф. Кони сделал несколько докладов по этому вопросу. Он сразу же предал проблеме первостепенное значение. Решался вопрос – отменять ли стадию предания суду, когда Судебная палата непосредственно решала, принимать ли дело к судебному рассмотрению или оставить эту функцию только за прокурором? Анатолий Федорович Кони, приводя множество примеров, доказывал, что отменять эту стадию категорически нельзя (хотя палаты отменяли только 4 % обвинительных актов, поступающих из прокуратуры). Эта дополнительная проверка следственных и прокурорских материалов была необходима. В то же время он утверждал, что необходимо ввести защиту на стадии предания суду. До второй русской революции такая защита в уголовный процесс не была введена.

Оппонировал А. Ф. Кони Н. С. Таганцев. Однако позиция последнего была подробно раскритикована Кони, утверждавшим, что в условиях несоблюдения прав человека в России еще одна гарантия прав не будет лишней [10, с. 635–669].

29 апреля 1909 г. министр юстиции инициировал внесение изменений в УУС (ст.ст. 673 и 801) по вопросу о порядке объяснения присяжным заседателям последствий принятого им решения. Предполагалось информировать присяжных о существенных обстоятельствах дела и о последствиях принятого ими решения для обвиняемого. После рассмотрения в Совете Министров и Государственной Думе проект поступил в Государственный Совет².

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 5. Д. 87. Л. 1–21.

25 февраля 1910 г. А. Ф. Кони выступил перед Государственным Советом с докладом по законопроекту об изменении разъяснения присяжным заседателям вопроса о наказании в отношении обвиняемого. Он подчеркивал, что по действующему уголовно-процессуальному законодательству защитник лишен права объяснять присяжным заседателям меру наказания, которую получит обвиняемый в случае признания его виновным. Вслед за защитником по традиции от разъяснения воздерживаются судья и прокурор. Проект закона, поступивший из Государственной Думы, предполагал обязать председателя суда сообщать присяжным о такой мере.

Против законопроекта были возражения. Во-первых, утверждалось, что присяжные – судьи факта, а не права. Информация о наказании может повлиять на их решение. Однако, по мнению А. Ф. Кони, российские присяжные отчасти решают и вопрос вины. Например, в Англии вопрос факта и права вообще не разделялся, присяжных спрашивали о том согласны ли они с обвинительным актом. В Шотландии присяжные еще могли добавить: «не доказано», как и во Франции и Германии. Российское законодательство (ст. 754 УУС) прямо требовало постановки вопроса о виновности, за исключением сомнений в событии преступления или вменяемости подсудимого.

Присяжные подбирались из народа, но согласно ст. 95 Основных законов империи «никто не может отговариваться незнанием законов». Как же такое требование сочеталось с неинформированием присяжных о наказании для подсудимого? По мнению А. Ф. Кони, не сочеталось. Согласно российской уголовно-процессуальной традиции оценивалось не только само преступление, но и личность преступника. Это приводило к частым оправданиям, переквалификациям или снижению ответственности преступников (дела о детоубийстве (переквалификация

с детоубийства на сокрытие трупа), дела о паспортных преступлениях (оправдательные приговоры) и пр.). Опровергая нецелесообразность информирования, Кони указывал, что присяжные освобождались от боязни, что их используют, поскольку часто они выносили неправосудные приговоры именно в условиях неопределенности.

Отменялись ли приговоры, если присяжные узнавали о возможном наказании? Согласно определениям Сената 1866 и 1869 гг. – нет, это не был кассационный повод для отмены приговора. В большинстве случаев, как правило, присяжные знали, каким будет наказание, особенно по очевидным делам (кражи и пр.). По неочевидным делам в словах поверенного, подсудимого, его родственников содержалась информация о возможном наказании. Если же такая информация не поступала, ситуация могла развиваться двояким образом. Приговор мог быть чрезмерно строгим или чересчур мягким. Следовало, по мнению Кони, предоставить право информировать присяжных председателю и сторонам процесса. По его словам «тут надо решить определенно – да или нет!» [11, с. 677–687].

Изменения процессуального законодательства продолжались вплоть до падения империи. Так, в 1911–1912 гг. обсуждался законопроект о реформе местного суда. Кони не включили в состав особой комиссии Государственного Совета, но регулярно приглашали на ее заседания. Например, 13 декабря 1911 г. он выступал в поддержку обновленного проекта УУС. В частности с удовлетворением отмечал, что новый проект расширял полномочия мировых судей в отношении полиции, вводился судебный приказ и прочее. Участвуя в обсуждении полномочий мирового судьи, 17 декабря А. Ф. Кони выступил против мнения члена особой комиссии А. А. Нарышкина о необходимости наделения мирового судьи следственными полномочиями. По его мнению, мировой судья не обладал

соответствующей компетенцией и его решения можно было легко обжаловать. Н. С. Таганцев поддержал А. Ф. Кони и поправка А. А. Нарышкина не была принята³.

В результате А. Ф. Кони все-таки был включен в состав особой комиссии и участвовал в ее голосовании, выступал с докладами и речами. Частью реформы стало преобразование волостного суда, деятельность которого решили привести в порядок и нормативно урегулировать. Кони активно участвовал в обсуждении проекта Временных правил о волостном суде, поступившего из общего собрания Государственного Совета. Он, и 16 членов комиссии (против трех) подвергли критике ст. 59 проекта, определявшую подсудность волостного суда по преступлениям. Проект предполагал передачу части компетенции мировых судей волостным судьям. Большая часть таких преступлений следовало оставить в компетенции мировых судей, за исключением словесной обиды, которую А. Ф. Кони предложил передать в волостные суды. Интерес вызвал проект ст. 69. Некоторые члены комиссии предложили разрешить частным и присяжным поверенным принять участие в работе волостного суда. Большинство членов комиссии, включая Кони, выступили против, полагая, что это усложнит работу простого суда. Также Кони и еще 14 советников посчитали, что не следует вводить право обязательного вызова свидетелей в волостной суд (ст. 72 проекта). Изменения, вносимые в УУС и относящиеся главным образом к компетенции мировых судей, а также к расширению их судебных полномочий, Кони однозначно поддержал и голосовал «за»⁴.

История уголовно-процессуального законодательства в изложении А. Ф. Кони

Хорошо знакомый с нюансами уголовного процесса, Анатолий Федорович

Кони, используя свои обширные знания, не только описал уголовно-правовые истории из XIX в., но и в дидактической манере сформулировал основные приемы работы следователей, прокуроров, судей и адвокатов, в основе которых должна лежать нравственность. Данная информация изложена в его научно-популярных очерках, вошедших в 1912 г. в первый том воспоминаний «На жизненном пути»: «Приемы и задачи обвинения» [12, с. 94–148], «Судебные следователи» [13, с. 218–249], «Обвиняемые и свидетели» [14, с. 306–350].

Постоянная экстраполяция в прошлое натолкнула ученого-правоведа на подготовку исследования «История развития уголовно-процессуального законодательства в России» (1913 г.). Работа явилась введением к Систематическому указателю УУС, подготовка которого началась в том же году. Кони выделял три важных аспекта уголовного судопроизводства: исторический, политический и этический. По его мнению, феодальный европейский процесс являлся новым этапом после античного правосудия. Однако такое утверждение сомнительно, прямой связи между ними не было. Раннефеодальный процесс был более примитивной формой, чем античный, скорее, его можно было сравнить с раннеантичным.

А. Ф. Кони образно определял переходы статуса судей от свободы внутреннего убеждения (античность) к «ненадобности внутреннего убеждения» (средневековье), затем к предвзятости судебного убеждения (позднее средневековье), наконец к «связанности» внутреннего убеждения судьи (раннее Новое Время). Формальный процесс первой половины XIX в. в России он беспристрастно анализировал, выделяя волокиту, безграмотность, секретарский произвол, коррупцию.

А. Ф. Кони подробно анализировал проекты судебной реформы начала

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 945. Л. 379–380, 398–399.

⁴ Там же. Л. 933–940.

1860-х гг. Он выделял группы: теоретиков, подражателей, эволюционеров и практиков. Наиболее жаркие споры разгорелись из-за суда присяжных. Кони был на стороне реформаторов. Дань памяти он отдавал тем малоизвестным деятелям, которые сыграли важную роль в демократизации норм уголовного процесса: Н. А. Буцковскому и С. И. Зарудному. В итоге прений были сформированы основы УУС, которые заключались, во-первых, в полном отрицании предшествующего опыта судопроизводства, во-вторых, выражали доверие к русскому народу, в-третьих, обеспечивали максимальную защиту участников процесса.

Новый суд и Устав уголовного судопроизводства были настолько чужеродны системе, что вызвали недовольство и мощное давление. Анатолий Федорович Кони разделял все основные аспекты УУС на положительные, нейтральные и негативные. К первым относились: закон о несовершеннолетних (1897 г.), защищающий их права; расширение прав прокуроров по прекращению следственных дел (ст.ст. 528–529 УУС), ускорившие расследование преступлений; отмена лишних процедур в мировом суде; изменение функций обер-прокурора Сената при вынесении заключения (ст. 991 УУС); ограничение права отвода присяжных заседателей; отстранение из числа присяжных заседателей крайне бедных людей (ст. 82 Учреждения судебных установлений); введение единой присяги для присяжных заседателей и пр. [9, с. 317–346].

К неоднозначным изменениям А. Ф. Кони относил прежде всего искажение подсудности присяжных заседателей. Они постепенно исключались или ограничивались по делам о должностных преступлениях, против порядка управления, о злоупотреблениях должностных лиц банков, о многобрачии, об убийстве, о насильственных действиях против должностных лиц, о производстве и хранении

взрывчатых веществ и т. д. Все эти дела передавались в судебные палаты с участием сословных представителей. При этом процесс немного упрощался. Сокращалась публичность (ст. 620 УУС). Изменился порядок рассмотрения дел о государственных преступлениях, было отменено право Сената возбуждать дела против губернаторов, был затруднен вызов свидетелей со стороны обвинения [9, с. 346–348].

К негативным изменениям А. Ф. Кони относил фактическую отмену несменяемости судебных следователей, которая была предусмотрена Уставом 1864 г. Крайне вредной мерой он считал введение института земских начальников, который нарушил стройность судебной системы, в том числе кассационной практики. Дальнейшее ухудшение предполагалось в проектах комиссий Н. В. Муравьева (конец XIX в.). Предварительное следствие планировали передать в полицию, отменить апелляционное обжалование, понизить статус работников юстиции, возможно ликвидировать суд присяжных [9, с. 348–353]. Однако, обращаясь к современности (1913 г.), А. Ф. Кони с облегчением отмечал, что парламент взял курс на восстановление основ Судебных уставов. Возрождалась мировая юстиция, вновь расширялись полномочия суда присяжных с передачей ему ряда дел (о должностных преступлениях) и т. д. [9, с. 353–357].

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В 1913 г. знакомый А. Ф. Кони, молодой профессор М. Н. Гернет решил провести самую крупную научно-систематическую работу по уголовному процессу. В качестве комментаторов он пригласил ведущих ученых-процессуалистов и криминологов. В том числе Н. С. Таганцева, В. К. Случевского, С. К. Гогеля, А. А. Жижиленко, А. И. Люблинского, М. П. Чубинского, А. Н. Трайнина и др. На роль

главного комментатора Гернет «назначил» А. Ф. Кони. Сохранилась переписка М. Н. Гернета и А. Ф. Кони по комментированию УУС. Систематизация сблизила старого сенатора и молодого профессора. Их дружба продолжалась до смерти А. Ф. Кони. Всего с 1913 по 1916 гг. было подготовлено 5 выпусков, охватывающих 1 и 2 книги УУС. Шестой выпуск, который должен был охватывать 3 книгу УУС был подготовлен, но революция помешала его опубликованию. Анатолий Федорович Кони подготовил общую вводную статью, а также написал серию комментариев для разных разделов Устава. Можно сказать, что комментарии А. Ф. Кони – вершина его мысли как ученого-процессуалиста.

Таким образом, брошюра Анатолия Федоровича «Введение к систематическому комментарию УУС» предвляла 6-томный комментарий (1913 г.)⁵. В 1915 г. в 4 выпуске УУС им подготовлен комментарий к 8 главе (о заключительных прениях по судебному следствию), книге 2, разделу 4 УУС (о производстве в окружных судах).

Разбирая главу (ст.ст. 735–749-1 УУС), А. Ф. Кони, как обычно, совершил экскурс в историю вопроса и рассказал о европейской судебной практике. Во Франции после прочтения обвинительного акта председатель вновь напоминал подсудимому о выслушанном. А. Ф. Кони считал это бессмысленным действием. В англосаксонских странах обвинитель произносил вступительную речь, в которой указывал, какими доказательствами он намерен подтвердить виновность подсудимого, и приводил доказательства обвинения. В Шотландии обвинительная речь не произносилась, обвинение подсудимый получал заранее. В итоге заключительные прения, более или менее похожие, существовали в России, Германии, Шотландии и отчасти, во Франции.

Статья 736 УУС предполагала, что заключительные прения включали обвинительную речь прокурора или частного обвинителя, объяснения гражданского истца, защитительную речь защитника или объяснения самого подсудимого. А. Ф. Кони приводил перечень лиц, участвующих в заключительных прениях, а также много примеров решений Сената, расширяющих и уточняющих применение норм УУС. Например, именно решением Сената понятие гражданский истец было распространено на всех потерпевших от преступления, в том числе родственников, супруга. Он расширил перечень ответчиков, включив в него родственников и опекунов малолетних преступников, душевнобольных; господ и хозяев приказчиков и слуг; принявших наследство наследников умершего, после предания его суду; владельцев разных заводов и предприятий за вред, причиненный их служащими. Устаревшая статья не включала понятия «гражданский ответчик», содержала много неточных формулировок.

Анализируя прения, сенатор указывал, что они являются «самой живой» частью процесса. УКД в 1870-е гг. серией решений ограничил прения обстоятельствами, которые рассматривались в судебном следствии. А. Ф. Кони приводил множество случаев, когда в силу неясности норм уголовного права допускалось рассмотрение на прениях вопросов, не изученных предварительно на судебном следствии. Он также тщательно рассматривал все основные виды доказательств, разбираемых на этой стадии процесса. Количество защитников и обвинителей не имеет значения, и регулировать их число законом бессмысленно. Способ прений допускается только словесный, без чтения заготовленных заранее речей.

В статье 736¹ УУС говорилось о возможном удалении несовершеннолетних

⁵ Кони А. Ф. Введение к систематическому комментарию Устава уголовного судопроизводства. М., 1913. 30 с.

из зала суда по особому определению. Такой случай мог возникнуть, когда появлялась угроза повреждения нравственности. Кони предлагал разделить эту статью и распределить ее в разные разделы УУС⁶.

Статья 737 УУС определяла границы и состав обвинительной речи прокурора: она не должна была выходить за пределы предмета судебного следствия. Прокурор не должен касаться вопросов, которые не были проверены на судебном следствии; не подлежащих прочтению показаний свидетелей, не допрошенных в судебном заседании; прежней судимости обвиняемого; данных обвиняемым на предварительном следствии показаний, от которых он в суде отказался. В состав речи прокурора должны были входить рассуждения о свойстве и степени вины подсудимого. При отсутствии присяжных заседателей прокурор излагал в заключительной речи не только вопрос о виновности подсудимого, но и о наказании (ст. 738 УУС). Однако он не мог представлять дело в одностороннем виде, извлекая те факты, которые изобличали подсудимого (ст. 739 УУС).

Особенно подробно А. Ф. Кони рассмотрел ст. 740 УУС. Если прокурор понимал, что оправдания подсудимого уважительны, он должен был поступить по совести, т. е. отказаться от поддержки обвинительного заключения. Аналогичных норм в европейских странах не было, это была «русская» норма, имеющая христианские корни. Разбирая речи прокурора, А. Ф. Кони, перечислял их разновидности, со знанием дела рассказывая о дидактической, эпической (точнее патетической), словообильной речи. Сенат, неоднократно апеллируя к ст. 739 УУС, указывал, что из-за неполноты, ошибочности, неправильности и односторонности речи прокурора приговор не может быть отменен. Если же при попустительстве председателя засе-

дания и под воздействием прокурора присяжные принимали решения на основании политических, племенных или религиозных побуждений, Сенат их отменял.

В УУС была определена обязанность прокурора составлять речь объективно и нравственно. Особенно важен был отказ прокурора от обвинения, когда на суде было бы установлено, что подсудимый дал признание под насилием, угрозами, обещаниями и прочими вымогательствами или желанием принять на себя чужую вину, или пострадать за свои религиозные убеждения, или прочими обстоятельствами, которые их опровергают. Сенат определял обстоятельства такого отказа: доводы защитника, опровергнувшего обвинительный акт (что технически почти невозможно) или изменение обстоятельств на суде, которые приводят к уничтожению улик и доказательств. Был возможен частичный отказ от обвинения, при этом важна мотивировка отказа⁷.

Статья 741 УУС была посвящена положению частного обвинителя в делах, которые прекращались примирением сторон. В этом случае обвинитель в силу недостатка знаний оказывался в затруднительном положении в суде. В европейских странах (Англия, Шотландия, Австрия, Германия) часто прокурор получал право поддерживать обвинение даже в случае отказа частного обвинителя или напрямую вместо него с самого начала. Существовало старое представление, что нарушение частных прав разрушало общественный порядок вообще. УУС строго отделял прокурора от частного обвинителя. Но Военно-судебный устав такое совмещение допускал. Комиссия министра юстиции Российской империи, генерал-прокурор Н. В. Муравьева предполагала почти полную замену частного обвинения на прокурорский надзор.

⁶ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под ред. М. Н. Гернета. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1915. Вып. 4. С. 1206–1214 ; ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–8.

⁷ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий ... Вып. 4. С. 1214–1219.

А. Ф. Кони сформулировал два вопроса: обладал ли частный обвинитель правами прокурора в процессе и, в частности, мог ли он выдвинуть вместо себя поверенного, а также мог ли отказаться от обвинения, как прокурор, согласно статье 740 УУС? По его мнению, поверенный однозначно может представлять интересы частного обвинителя, обладая при этом правами прокурора: это и справедливо, и равноправно. На второй вопрос тоже стоило ответить положительно. Конечно, поверенный мог отказаться от обвинения, но в любом случае дело должно было быть прекращено с согласия частного обвинителя⁸.

На примере ст. ст. 744–745 УУС А. Ф. Кони рассматривал защитительную речь адвоката. Тут российское законодательство имело преимущество перед европейским: в отличие от последнего, УУС давал точное определение речи защитника. Это опровержение или ослабление возведенного на подсудимого обвинения. Она может содержать обстоятельства, разрывающие цепь улик, доводы, которые представляют выводы обвинителя в ином свете. Защитник должен всегда защищать подсудимого, добиваясь снисхождения к нему при его виновности.

В целом защитник не должен быть ограничен, за исключением норм ст. 745. Тем не менее, опровергая точку зрения прокурора, он мог быть слишком односторонен, освещать доказательства ненадлежащим образом, разбирать их пристрастно и неравномерно. Ослабляя доводы, защитник подводит участников процесса к определенным выводам, порождает сомнение. Эти «промахи» адвоката могут быть исправлены в напутственном слове председателя суда, которое он произносит перед присяжными заседателями.

Статья 745 УУС прямо запрещала защитнику распространяться о предметах,

не имеющих отношения к делу, соблюдать уважение к религии, закону и власти, не допускать никаких оскорбительных выражений. Сенат в свою очередь уточнил эти положения статьи. Защитник должен был быть остановлен не только в случаях, указанных в статье, но и если он извращал понятия о дозволенном и разрешенном с целью избежать правосудия; искажал представления присяжных о пределах их власти; полемизировал и критиковал председателя суда. Что относится к обстоятельствам, не имеющим отношения к делу? Это вторжение в различные житейские обстоятельства в связи с делом, а не по делу. Сенат прямо указывал, что личность подсудимого имеет значение только в связи с обстоятельствами дела. Кроме того, Сенат и Совет присяжных поверенных выносили много постановлений, запрещающих применять вульгарные, провоцирующие и оскорбительные обороты и выражения. Не допускались такие слова, как «простое сутяжничество», «пустяки и ерунда», «кумир безмозглых девиц» и т. п. Сенат запрещал адвокатам извращать понятия, применяя термины «шалость», «легкомыслие», «неряшливость», он также запрещал применять термины, «приподнимающие» присяжных в их глазах. При опорочивании государственного строя Сенат указывал, что было необходимо отличать его состав от обычной критики⁹.

При комментировании ст. 746 УУС А. Ф. Кони вновь обратился к своему выступлению 1910 г., подчеркивая, что старая редакция УУС исключала информирование присяжных заседателей о мере наказания, которой подвергнется подсудимый. В XIX в. это считалось серьезным нарушением. В итоге Государственный Совет утвердил изменения в УУС и присяжные получили право выслушивать информацию о будущем наказании.

⁸ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий ... Вып. 4. С. 1214–1221.

⁹ Там же. С. 1226–1230.

Статью 749 УУС А. Ф. Кони комментировал вместе с К. К. Случевским. В ней было закреплено положение о вопросе председателя к подсудимому о прекращении прений. Рассмотрев французский и немецкий опыт прений, он отмечал, что российский порядок прений был ближе к немецкому. Председатель суда как продолжал, так и возобновлял прения. Он мог их возобновить по требованию присяжных заседателей или прокурора. Председатель суда после прений мог возобновить допрос сторон для освежения в памяти отдельных обстоятельств дела. Как и во всех европейских странах подсудимый мог воспользоваться правом последнего слова, отказать ему в этом было противозаконно. По делам о несовершеннолетних (ст. 749¹ УУС) могли выступать их опекуны и родители¹⁰.

Комментарии А. Ф. Кони отличались тщательностью, многочисленными ссылками на решения Сената. Интересно отметить, что весь комментарий построен в форме полемики с пояснительной запиской к проекту изменения Судебных Уставов, разработанных Комиссией министра юстиции Российской империи Н. В. Муравьева в конце XIX в. Поведение судьи и прокурора А. Ф. Кони рисовал в максимально идеализированном варианте, задавая высокий уровень для работников юстиции. Уровень, которому не соответствовало большинство работников юстиции.

В 1916 г. вышли в свет комментарии Анатолия Федоровича к 3 отделению 4 главы 5 раздела 2 части УУС «О порядке рассмотрения кассационных протестов». В них он вновь возвращался к своему рапорту министру юстиции Н. А. Манасеину 1886 г. Комментируя ст. 921 УУС сенатор повторял многие из своих старых тезисов, говорил о значении прокуратуры. Увлеч-

шись, А. Ф. Кони вышел далеко за пределы указанной статьи и подробно объяснял, в каких случаях прокурор должен делать заключение.

Первоначальная редакция ст.ст. 920–921 УУС предполагала следующий порядок. После дачи заключения обер-прокурора первоприсутствующий сенатор обязан спросить участвующих в деле лиц, не желают ли они представить объяснения в защиту своих прав. После их объяснений допускался сенатор-докладчик с проектом вопросов. На практике, чаще всего, стороны выступали с возражениями против заключения обер-прокурора. Иначе говоря, прокурор ставил вопросы до прений, ему не отводилась обвинительная роль. При этом в гражданском процессе положение прокурора было иным. В УКД Сената обер-прокурор оказывался в положении обвинителя, что не соответствовало его кассационной роли. В итоге, в 1887 г. Государственный Совет по предложению министра юстиции внес изменения в ст.ст. 920–922 УУС и заключение обер-прокурора стало предоставляться после объяснений сторон процесса¹¹.

А. Ф. Кони – активный участник РЕФОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ГОДЫ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В 1917 г. в разгар бурных революционных событий Анатолий Федорович Кони привлекался к работе различных комиссий. В том числе он возглавил подкомиссию по пересмотру УУС, которая входила в состав Комиссии по восстановлению основных положений судебных уставов. В составе данной Комиссии оказались специалисты по процессу, в их числе: А. С. Зарудный (в тот момент товарищ министра юстиции), В. А. Маклаков, С. М. Зарудный, В. П. Носович (обер-прокурор УКД Сената), А. А. Жижиленко,

¹⁰ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий ... Вып. 4. С. 1230–1235.

¹¹ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под ред. М. Н. Гернета. М., 1916. Вып. 5. С. 1508–1513.

Н. Н. Таганцев, С. К. Гогель, М. Н. Гернет, П. И. Люблинский, Н. Н. Полянский, Л. Я. Таубер, М. П. Чубинский, П. А. Ифлянд, Н. П. Карабчевский, П. Н. Малянтович и др.¹² В состав подкомиссии по УУС входили как практики, так и теоретики процесса.

Подкомиссия особенно интенсивно заседала с 13 мая по 10 августа 1917 г., 13 мая юристы рассмотрели вопрос об оглашении показаний подсудимых в суде (докладчиком вступил В. П. Ширков). А. Ф. Кони, С. К. Гогель и Н. Н. Розин выступили против оглашения показаний, это привело бы к отказу от процессуальных прав подсудимого, давлению на него. В. П. Носович же, напротив, считал, что это возможно. П. И. Люблинский поддерживал позицию – можно, но с ограничениями. При голосовании 11 членов подкомиссии выступили против, 8 предложили внести в ст. 627 УУС указание, что показания подсудимого, данные на предварительном следствии, могут быть оглашены только по его просьбе.

Далее 20 мая 1917 г. подкомиссия заслушала доклад А. Н. Лазаренко о подсудности дел о должностных преступлениях окружным судам. А. Ф. Кони считал, что новые виды дел в окружные суды передавать было не нужно и достаточно было часть передавать в судебные палаты с участием присяжных заседателей. Члены подкомиссии Н. К. Муравьев, В. П. Ширков, М. Л. Гольдштейн и другие выступили против, определив, что должно существовать равенство для всех. В. П. Носович предложил создавать особый суд для высших должностных лиц. П. И. Люблинский предложил все дела о должностных преступлениях рассматривать только в столичных окружных судах. Состоялось единое голосование: передать все дела о должностных преступлениях в окружные суды, дела чиновников 3-х высших классов – в столичные окружные суды.

25 мая состоялся доклад П. А. Ифлянда по судебно-психиатрической экспертизе (ст. 353 УУС), в котором он предлагал ограничить количество обвиняемых. В записке врачей-психиатров А. Э. Бари, В. Н. Чехова и Л. О. Финкельштейна предлагалось допустить психиатра как обязательного участника следствия, привлечь его к участию в управлении тюрьмами. Комиссия отвергла их предложение. На общем собрании комиссии по пересмотру судебных уставов (во главе с П. Н. Переверзевым), А. Ф. Кони доложил, что подкомиссия по УУС рассмотрела общие положения УУС, а также гл. гл. 4 и 5. Комиссия успела рассмотреть вопросы: введения защиты на стадии предварительного следствия и стадии предания суду; о правах милиции на производство арестов и других принудительных мер; о дополнительном обвинении и праве общества на уголовный иск, о частной жалобе; о вызове свидетелей и экспертов, о назначении защитников; о производстве психиатрической экспертизы; об участии присяжных заседателей в определении наказания; о публичности судебных заседаний, о подсудности; о судопроизводстве по делам о малолетних.

П. Н. Переверзев просил подкомиссию закончить работу до начала августа. По докладу А. Ф. Кони комиссия одобрила без прений вопрос о пересмотре подсудности всех дел о должностных преступлениях окружным судам с участием присяжных заседателей. Его предложение о подчинении окружным судам дел о государственных, религиозных, печатных преступлениях комиссия отложила.

30 мая П. А. Ифлянд подготовил доклад по редакции ст.ст. 353–356 УУС (освидетельствование обвиняемого). А. Ф. Кони предлагал оставить ст. 353, новый вариант был слишком сложен и не вызывался практической необходимостью. Большинство членов подкомиссии проект

¹² Рукописный отдел Института русской литературы (далее – РО ИРЛИ). Ф. 134. Оп. 4. Д. 327. Л. 1–3.

по ст. 353 отвергли, в остальные внесли мелкие правки. Обсуждение этих статей продолжилось позже.

6 июня 1917 г. состоялось обсуждение ряда статей: ст.ст. 218–248, 1030–1076 УУС. После доклада А. Н. Лазаренко о подсудности решили передавать дела на военнослужащих в суды общей подсудности. Далее члены подкомиссии обсуждали вопрос о частном обвинении, о порядке вызова свидетелей в суд (часть выступала за удлинение срока вызова, часть против, решили определить срок на усмотрение суда от 1 до 2 недель). С. К. Гогель в докладе о судопроизводстве по должностным преступлениям, он призвал создавать дисциплинарные суды. А. Ф. Кони отмечал, что это замедлит начало предварительного следствия, виновные могут скрыть следы преступления и имущество, решение вопроса о преследовании отдаленной инстанцией приведет к формальному отношению, лишение начальства права дисциплинарной власти подорвет дисциплину, а дисциплинарные суды запутают судебную систему России.

События августа–сентября 1917 г. прервали работу комиссии, которая продолжилась активно в октябре. М. Л. Гольдштейн сделал доклад о введении защиты на предварительном следствии. Все были согласны, но встал вопрос о пределах следствия. А. Ф. Кони отмечал, что надо допускать защиту только на стадии предания суду. Иначе следователь, чтобы не допустить защитника к производству, постановит привлечь обвиняемого в последний момент следствия. Остальные выступили против мнения А. Ф. Кони и настаивали на привлечение защитника с момента открытия следственного производства.

Мы видим, что члены данной подкомиссии и персонально А. Ф. Кони фактически выступали законодателями,

разработчиками норм уголовно-процессуального законодательства. Эти новые нормы могли быть введены в действие постановлением Временного правительства, но история распорядилась иначе¹³.

Интерес к уголовному процессу у А. Ф. Кони был настолько велик, что он с энтузиазмом изучал эксперименты новой советской власти в этой сфере. Получив в 1922 г. первый УПК РСФСР, он написал небольшой комментарий к нему. Изначально А. Ф. Кони констатировал, что советский кодекс «лучше», чем УУС 1864 г. К его преимуществам он относил возможность вызова новых свидетелей в ходе судебного заседания, ст. 24 УПК РСФСР, которая указывала на необходимость выяснить характер отношений между преступником и его деянием, расширение прав следователя при производстве экспертизы и обеспечение прав подсудимого на активное участие в судебном заседании. К минусам УПК РСФСР он относил отсутствие в нем права подсудимого на молчание, которое в УУС присутствовало, исчезло право подсудимого при возвращении на заседание услышать точное сообщение, что происходило в его отсутствии¹⁴. Через несколько месяцев Анатолий Федорович Кони в своих заметках по судебным вопросам вновь вернулся к соотношению УУС и УПК РСФСР. Об УПК РСФСР он отзывался нейтрально и продолжал подчеркивать его преимущества, например, наличие субсидиарного обвинения, право прокурора поддерживать обвинение на всех стадиях процесса, существенное расширение прав судьи, уменьшение количества норм о правах защитника. К сожалению, разрозненные заметки А. Ф. Кони по советскому процессу не сложились во что-то законченное и так и сохранились в качестве его комментариев¹⁵.

¹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1514. Л. 1–200.

¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–5.

¹⁵ Там же. Д. 200. Л. 79–81.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неослабевающий интерес Анатолия Федоровича Кони к уголовному процессу показывает, что он был центральной частью его профессиональных исследований. Ни один процессуальный институт не миновал его пристального взгляда. Про судопроизводство А. Ф. Кони писал много и подробно, перемежая свои тексты большим количеством практических примеров

из западного законодательства. Для нас важны не только теоретические основы процесса, но и практические рекомендации юриста. Многие из них не утратили актуальности и в наши дни. Что касается теоретических положений, они настолько значимы, что отражаются в текущем законодательстве и к ним прибегают в поисках основы для идеологии уголовного процесса современные российские юристы.

Список литературы

1. Жижиленко А. А. А. Ф. Кони как криминалист // Анатолий Федорович Кони. 1844–1924. Юбилейный сборник. Л. : Атеней, 1935. С. 24–39.
2. Васильев О. Л. Мысли А. Ф. Кони о нравственных началах уголовного процесса: исторический анахронизм или ориентир для реформ? // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2019. № 2. С. 104–116.
3. Потанов Ю. А. Нравственно-правовые аспекты судопроизводства в творчестве А. Ф. Кони // Ученые записки Института управления и экономики. 2005. № 2 (12). С. 64–70.
4. Кудрявцев В. Л. Идеи А. Ф. Кони о нравственной составляющей в деятельности прокурора в суде через призму современного законодательства и правоприменения // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 8. С. 89–96.
5. Cordin C. Anatolij F. Koni (1844–1927) zwischen Herrscher und Volk: Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion. Köln : Böhlau Verlag, 2019. 448 S. DOI: <https://doi.org/10.7788/9783412513740>
6. Ballantine E. Koni and the Russian Judiciary, 1864–1917. New Haven : Yale University, 1986. 160 p.
7. Spalinger-Bichsel R. A. F. Koni und die russische Gerichtsrhetorik. Zürich, 1993.
8. Pomar M. G. Anatoly Fedorovich Koni. Liberal Jurist as Moralism // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1996. № 1202. 47 p. DOI: <https://doi.org/10.5195/cbp.1996.66>
9. Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1967. Т. 4. 543 с.
10. Кони А. Ф. Об отмене существующего обряда предания суду // На жизненном пути : в 5 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 635–669.
11. Кони А. Ф. Разрешение объяснять присяжным заседателям угрожающее подсудимому наказание // На жизненном пути : в 5 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 677–687.
12. Кони А. Ф. Приемы и задачи обвинения // На жизненном пути : в 5 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 94–148.
13. Кони А. Ф. Судебные следователи // На жизненном пути : в 5 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 218–249.
14. Кони А. Ф. Обвиняемые и свидетели // На жизненном пути : в 5 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 306–350.

References

1. Zhizhilenko A. A. A. F. Koni as a Criminalist. In: *Anatoly Fedorovich Koni. 1844–1924 Anniversary collection*. Leningrad: Atenei Publ.; 1935. P. 24–39. (In Russ.).
2. Vasil'ev O. L. Contemplations of A. F. Koni on the Moral Principles of the Criminal Process: Historical Anachronism or a Guideline for Reforms? *The Moscow University Herald*. Series 11. Law. 2019;2:104–116. (In Russ.).
3. Potapov Yu. A. Moral and Legal Aspects of Legal Proceedings in the Works of A. F. Koni. *Uchenye zapiski Institute of Management and Economics*. 2005;2:64–70. (In Russ.).
4. Kudryavtsev V. L. The Ideas of A. F. Koni About the Moral Component in the Activities of the Prosecutor in Court Through the Prism of Modern Legislation and Law Enforcement. *Legal Science: History and the Presence*. 2018;8:89–96. (In Russ.).
5. Cordin C. *Anatolij F. Koni (1844–1927) zwischen Herrscher und Volk: Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion*. Köln: Böhlau Verlag, 2019. 448 S. DOI: <https://doi.org/10.7788/9783412513740> (In German).
6. Ballantine E. *Koni and the Russian Judiciary, 1864–1917*. New Haven: Yale University, 1986. 160 p.
7. Spalinger-Bichsel R. *A. F. Koni und die russische Gerichtsrhetorik*. Zürich, 1993. (In German).
8. Pomar M. G. Anatoly Fedorovich Koni. Liberal Jurist as Moralism. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 1996;1202:1–47. DOI: <https://doi.org/10.5195/cbp.1996.66>
9. Koni A. F. *Collected Works. Vol. 4*. Moscow, 1967. 543 p. (In Russ.).

10. Koni A. F. On the Abolition of the Existing Rite of Trial. In: *On the Path of Life. Vol. 2.* St. Petersburg, 1912. P. 635–669. (In Russ.).
11. Koni A. F. Permission to Explain to the Jurors the Punishment Threatening the Defendant. In: *On the Path of Life. Vol. 2.* St. Petersburg, 1912. P. 677–687. (In Russ.).
12. Koni A. F. Receptions and Tasks of the Prosecution. In: *On the Path of Life. Vol. 1.* St. Petersburg, 1912. P. 94–148. (In Russ.).
13. Koni A. F. Forensic Investigators. In: *On the Path of Life. Vol. 1.* St. Petersburg, 1912. P. 218–249. (In Russ.).
14. Koni A. F. Accused and Witnesses. In: *On the Path of Life. Vol. 1.* St. Petersburg, 1912. P. 306–350. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Яковлевич Козинцев, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (10-я линия В. О., д. 19, лит. А, Санкт-Петербург, 199178, Российская Федерация), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2269-6788>; SPIN-код: 9315-3825; e-mail: balsak1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexandr Ya. Kodintsev, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (19, lit. A 10th line V. O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2269-6788>; SPIN-код: 9315-3825; e-mail: balsak1@yandex.ru

Поступила | Received
31.01.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
02.02.2022

Принята к публикации | Accepted
02.02.2022

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Constitutional Law, Constitutional Judicial Proceedings, Municipal Law

УДК 343.6+341

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-23-38

EDN: AUXZRU

Оригинальная научная статья

Эвтаназия: отечественный и зарубежный опыт правового регулирования

Г. В. Елисеева

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ galina.eliseeva.88@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к преждевременному прекращению жизни неизлечимо больного пациента как на уровне отдельно взятого государства, так и на международном уровне. Целью проведенного исследования является пересмотр установленного ранее подхода к применению эвтаназии на территории Российской Федерации. Иной взгляд на это явление необходим в том числе потому, что в некоторых случаях лишь преждевременное прекращение жизни человека может быть единственным способом прекратить его страдания от напрасной борьбы с неизлечимой болезнью. Трудности, связанные с применением процедуры эвтаназии, на протяжении длительного периода являются темой для обсуждения множества ученых. Актуальность данной темы подчеркивают стремительно изменяющиеся взгляды на возможность применения эвтаназии с этической точки зрения. Все больше международных организаций выражают свое мнение об эвтаназии и ассистируемом суициде. Что касается правопорядков отдельных государств, то здесь прослеживается тенденция применения одного из трех подходов к прекращению страданий пациента путем причинения ему смерти: первый подход характеризуется запретом на применение эвтаназии под угрозой уголовного наказания и квалификацией подобного деяния в качестве убийства в отсутствие специального состава преступления; при втором подходе эвтаназия также является уголовно наказуемой, однако в уголовном законе государств, использующих данный подход, установлен специальный состав преступления, предусматривающий более мягкое наказание, в сравнении с убийством; при третьем подходе законом предусматривается право на применение эвтаназии. В статье приводится сравнительный анализ процедуры эвтаназии, применяемой в Бельгии, и процедуры ассистируемого самоубийства, применяемой в Швейцарии. Кроме того, приведена точка зрения Европейского Суда по правам человека на рассматриваемую проблему. Основными методами исследования являются анализ научной литературы по теме исследования, анализ нормативных актов отечественного и зарубежного законодательства, сравнительный анализ правопорядков государств, осуществляющих различные подходы к применению процедуры эвтаназии.

Ключевые слова: эвтаназия; ассистируемое самоубийство; смерть; пациент; неизлечимая болезнь.

Для цитирования: Елисеева Г. В. Эвтаназия: отечественный и зарубежный опыт правового регулирования // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 1. С. 23–38. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-23-38>. EDN: <https://elibrary.ru/auxzru>

Original scientific article

Euthanasia: Domestic and Foreign Experience of Legal Regulation

G. V. Eliseeva

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ galina.eliseeva.88@mail.ru

Abstract. The article discusses various approaches to the premature discontinuing of the life of a terminally ill patient both at the state and international level. The purpose of this study is to revise the previously established approach to the use of euthanasia in the Russian Federation. A different view of the use of euthanasia is necessary, among other things, because in some cases, only the premature termination of a person's life may be the only way to end his suffering from a vain struggle with an incurable disease. The difficulties associated with the use of the euthanasia procedure over a long time period are a topic of discussion for many scientists. The relevance of this topic is emphasized by the rapidly changing views on the possibility of using euthanasia from an ethical point of view. More and more international organizations are expressing their own views on euthanasia and assisted suicide. As for the legal order of individual states, there is a tendency to use one of three approaches to ending the suffering of a patient by causing death: the first approach is characterized by a prohibition on the use of euthanasia under the threat of criminal punishment and qualifying such an act as murder in the absence of a special corpus delicti; in the second approach, euthanasia is also a criminal offense, however, the criminal law of states using this approach establishes a special offense that provides for a milder punishment than murder; in the third approach, the law provides for the right to use euthanasia. The article provides a comparative analysis of the euthanasia procedure used in Belgium and the assisted suicide procedure used in Switzerland. In addition, the point of view of the European Court of Human Rights on the issues under consideration is given. The main research method is the analysis of scientific literature on the research topic, the analysis of normative acts of domestic and foreign legislation, a comparative analysis of the legal order of states that carry out various approaches to the application of the euthanasia procedure.

Keywords: euthanasia; assisted suicide; death; patient; incurable disease.

For citation: Eliseeva G. V. Euthanasia: Domestic and Foreign Experience of Legal Regulation. *Siberian Law Review*. 2022;19(1):23-38. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-23-38>. EDN: <https://elibrary.ru/auxzru> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., включает значительное количество положений, присущих правовым, прогрессивным, социальным странам. Основной закон государства наметил курс развития, в соответствии с которым Россия должна преобразоваться и соответствовать признакам такого государства, в котором человек, а также его права и свободы являются высшей ценностью. Именно такое положение установлено ст. 2 Конституции РФ.

В то же время ч. 1 ст. 20 Конституции РФ провозглашает право каждого чело-

века на жизнь. Несмотря на достаточно короткую и ясную (на первый взгляд) формулировку указанной правовой нормы, между многими учеными-юристами до сих пор идут споры о ее толковании. Одним из самых актуальных вопросов, касающихся предоставления человеку права на жизнь, является предоставление ему и «зеркального» права – права на смерть.

Множество ученых ранее высказывали свои позиции по данному вопросу. Так, по мнению Ю. А. Дмитриева и Е. В. Шленевой, «конституционное установление права на жизнь логически означает

юридическое закрепление права человека на смерть» [1, с. 52]. В своем исследовании на тему эвтаназии Р. З. Симонян приходит к выводу, что «право на свободное распоряжение своей жизнью... не должно рассматриваться излишне широко. В частности, оно не может включать в себя право на смерть, представляющее юридический нонсенс» [2, с. 974].

В настоящей статье автор ставит своей целью анализ правовых норм ряда государств, а также международных актов, выражающих различное мнение о праве пациента на преждевременное прекращение собственной жизни ввиду неизлечимой болезни.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭВТАНАЗИИ

Термин «эвтаназия» происходит от двух греческих слов: *εὖ* (*ev* – хорошо, добрый) и *θάνατος* (*thanatos* – смерть). Таким образом, буквальный перевод данного термина означает «добрая смерть».

Принято считать, что эвтаназия – это причинение смерти из гуманистических побуждений, желание прекратить страдания другого человека. При применении эвтаназии страдания человека, по общему правилу, обусловлены продолжительным неизлечимым заболеванием. В подобных ситуациях лечение носит лишь симптоматический характер, позволяя отсрочить неизбежное, но не привести к полному излечению. Переходящее в терминальную стадию заболевание может приносить больному нестерпимые физические и моральные мучения. Помимо термина «эвтаназия» может быть использован такой термин, как «ассистированный суицид» (*assisted suicide*), под чем понимается практика, при которой не врач, а сам пациент прекращает свою жизнь с помощью врача, назначающего либо предоставляющего необходимый препарат, или, иначе, «смерть с врачебной помощью» (*assisted dying*) [3, с. 12].

Впервые термин «эвтаназия» упоминается древнеримским историком

Светонием, который описал, как император Август, «умирающий быстро и без страданий, в объятиях своей жены Ливии», подвергся эвтаназии, которую он так желал [4, с. 85].

Известно, что эвтаназия в различных интерпретациях существовала в разные исторические периоды и в разных государствах. Истории человечества знакомы такие аналоги эвтаназии, как, например, умерщвление больных членов общины или семьи, имеющее определенное сходство с современным пониманием процесса эвтаназии [5].

Принято считать, что первым термин «эвтаназия» в его современной трактовке описал британский философ Фрэнсис Бэкон. Сделал он это в своем труде «О достоинстве и приумножении наук» в 1605 г. Как утверждает Н. С. Волкова, «революционной для медицинского сообщества стала изданная в 1887 г. лондонским врачом Уильямом Мунком (William Munk) работа под названием “Эвтаназия или медицинское обеспечение легкой естественной смерти” (*Euthanasia, or Medical Treatment in aid of an Easy Natural Death*), где автор обосновал идею квалифицированной и “сочувственной” помощи умирающему пациенту» [6, с. 10].

Все вышеуказанные факты говорят о том, что эвтаназия – явление далеко не новое, в том числе и для правовой действительности.

Принято подразделять эвтаназию на активную и пассивную. При активной форме эвтаназии в отношении больного осуществляются какие-либо действия, непосредственно приводящие к его гибели, например, введение врачом смертельной инъекции. Пассивная эвтаназия в свою очередь выражается в бездействии – больному перестают оказывать необходимую медицинскую помощь, вследствие чего наступает смерть.

Проблемы эвтаназии поднимались не только в рамках отдельного государства,

но и рассматривались в медицинском международном праве. Так, одним из первых актов в данной сфере, признающим право пациента на достойный уход из жизни и облегчение его страданий, стала Лиссабонская декларация о правах пациента, принятая на 34-ой Всемирной Медицинской Ассамблеи в 1981 г. Позднее, в октябре 1983 г. на 35-ой Всемирной Медицинской Ассамблее была принята Венецианская декларация о терминальном состоянии, согласно п. 3.1 которой врач не продлевает мучения умирающего, прекращая по его просьбе (а если больной без сознания – по просьбе его родственников) лечение, способное лишь отсрочить наступление неизбежного конца¹.

Кроме того, в соответствии с Мадридской Декларацией об эвтаназии, принятой на 39-ой Всемирной Медицинской Ассамблее в октябре 1987 г., эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента, даже по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких, неэтична. Тем не менее это не исключает необходимости уважительного отношения врача к волеизъявлению больного не препятствовать течению естественного процесса биологической смерти в терминальной фазе заболевания².

Таким образом, в конце двадцатого века эвтаназия являлась предметом обсуждений, в том числе, такой влиятельной организации, как Всемирная Медицинская Ассамблея.

Из приведенных выше международных актов в сфере медицинского права следует фактическое признание пассивной эвтаназии, направленной на прекра-

щение физических страданий неизлечимо больного пациента.

При этом актов религиозных и медицинских организаций, поднимающих проблему эвтаназии, на данный момент насчитывается более 60. Указанные акты носят как всемирный, так и национальный характер, в зависимости от организации, его издающей. Почти три четверти из этих актов выражают негативную позицию относительно применения эвтаназии [7]. Например, религиозная организация «Международная Армия Спасения» в своем заявлении от 2013 г. отражает, что эвтаназия и помощь в самоубийстве не должны считаться приемлемыми, они подрывают человеческое достоинство и являются безнравственными³.

Идея о распространении практики применения эвтаназии активно лоббируется участниками Всемирной федерации обществ, имеющих право на смерть. Так, на 15-й Всемирной конференции Всемирной федерации обществ за право на смерть, проходившей в Токио в октябре 2004 г., была принята Токийская декларация, провозглашающая уважительное отношение врачей и медсестер к воле пациентов в отношении применения к ним того или иного способа лечения в период, когда они близки к смерти, даже в тех случаях, когда исполнение этой воли ускорит процесс гибели больного⁴.

На данный момент правовые положения о возможности применения эвтаназии включены в законодательство таких стран, как Нидерланды, Бельгия, Швейцария и др. В большинстве государств (в том числе и в России) применение эвтаназии находится под запретом.

¹ Венецианская декларация о терминальном состоянии : принята 35-ой Всемир. Мед. Ассамблеей в Венеции, Италия, 1983. URL: <http://www.medicusamicus.com/index.php?action=laws7>

² Декларация об эвтаназии : принята 39-ой Всемир. Мед. Ассамблеей в Мадриде, Испания, 1987. URL: <http://www.medicusamicus.com/index.php?action=laws8>

³ Positional statement: Euthanasia and assisted suicide dying. URL: <https://www.salvationarmy.org/ihq/ipseuthanasia>

⁴ Токийская декларация : принята на 15-й Всемир. конф. Всемир. федерации обществ за право на смерть в Токио, 2004. URL: <https://wfrids.org/2004-tokyo-declaration/>

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭВТАНАЗИИ В РОССИИ

Существует значительное количество факторов, способных тем или иным образом повлиять на правовое регулирование общественных отношений на определенной территории. Процесс принятия законодательных норм, устанавливающих правовой статус эвтаназии в Российской Федерации, исключением не стал.

Серьезное влияние на правовой статус эвтаназии оказал историко-социологический аспект. На протяжении длительного периода российской истории религия в нашем государстве оказывала влияние как на мировоззрение отдельно взятых людей, так и на все общество в целом. Православие всегда осуждало суицид, считая его грехом, отказом от божьего дара жизни. Считалось, что люди, решившие свести счеты с жизнью, не смогут найти покой после смерти. Их не хоронили по православным традициям, они не могли быть захоронены на общих кладбищах.

Поскольку эвтаназию можно рассматривать в качестве одной из форм самоубийства, так как для ее проведения необходимо согласие на свою смерть, то неудивительно, что эвтаназия запрещена в России на законодательном уровне.

Кроме того, сторонники запрета эвтаназии высказывают мнение о том, что в случае снятия запрета на проведение эвтаназии, медицина перестанет развиваться, перейдя в состояние стагнации. Это связано с тем, что врач должен до конца бороться за жизнь пациента, испробовать все возможные способы для его излечения. Медицинская наука постоянно развивается, разрабатываются новые лекарства и препараты, появляется все более совершенное оборудование. Разрешение на проведение эвтаназии существенно снизит заинтересованность

врачей в развитии медицинской отрасли, так как вместо разработки нового, инновационного способа лечения, можно будет прервать жизнь пациента по его же желанию [8].

И все же здесь очевидна моральная дилемма: необходимо ли врачам до последнего бороться за жизнь пациента, если эта борьба приносит ему тяжелейшие страдания? В настоящее время медицина с помощью современных технологий позволяет поддерживать жизненно необходимые процессы в теле больного даже после смерти головного мозга. Однако очевидно, что такой пациент, даже в случае улучшения его состояния, не говоря об излечении, не сможет прожить полноценную жизнь, ввиду необратимых последствий из-за повреждений головного мозга.

По нашему мнению, поддержание в теле человека жизни ради самой этой жизни, а не ради пациента, лишено смысла. Иногда врачи вопреки воле своих пациентов продолжают проведение терапии, хотя сам пациент уже лишился всякой надежды на выздоровление и реабилитацию. Все, что ему остается в такой ситуации – переносить физические и моральные страдания до момента его естественной биологической смерти. Несмотря на это, эвтаназия в Российской Федерации находится под запретом.

Прямой запрет на осуществление эвтаназии в России установлен ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁵. Согласно данной законодательной норме, медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, т. е. ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента. Кроме того, ст. 42 Кодекса профессиональной этики врача

⁵ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

Российской Федерации устанавливает аналогичный запрет⁶.

Из определения эвтаназии, данного в тексте закона, становится понятно, что в России находится под запретом как активная, так и пассивная формы эвтаназии.

Умерщвление больного по мотивам сострадания к нему, выраженное как в активной, так и в пассивной форме, с точки зрения отечественного законодательства будет расценено как убийство, а значит, будет квалифицироваться по ч. 1 ст. 105 УК РФ [9]. Мотив сострадания к лицу, испытывающему физические страдания вследствие тяжелой болезни, не рассматривается как квалифицирующий признак преступного деяния. Данный фактор лишь может быть принят судом во внимание в качестве смягчающего обстоятельства, поскольку их перечень законодателем не ограничен.

Таким образом, на данный момент в России эвтаназия приравнивается законом к убийству без квалифицирующих признаков.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭВТАНАЗИИ ЗА РУБЕЖОМ

Проблема определения правового статуса эвтаназии также существует и в законодательстве зарубежных стран. Опираясь на опыт, приобретенный иностранными государствами, позволит рассмотреть проблему с разных ракурсов для ее полного и всестороннего анализа.

Разрешая проблему неопределенности правового статуса эвтаназии, целый ряд государств, таких как Япония, Германия, Южная Корея, установили в собственном уголовном законодательстве специальный состав преступления, выражающийся

в оказании помощи больному в преждевременном прекращении его жизни.

Так, Уголовный кодекс ФРГ содержит параграф 216 «Убийство по просьбе жертвы». Согласно норме, установленной настоящим параграфом, «если кто-то по настойчивой и серьезной просьбе потерпевшего лишил его жизни, то он подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до пяти лет»⁷. Стоит отметить, что в сравнении с обычным убийством, наказание за которое предусмотрено ст. 212 УК ФРГ в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет, санкция за убийство по просьбе потерпевшего является куда более мягкой.

Тем не менее нельзя говорить о том, что подобная конструкция правовой нормы может подходить ко всем случаям эвтаназии. Поскольку в диспозиции нормы содержится указание на «настойчивую и серьезную просьбу потерпевшего», остается нерешенным вопрос о применении эвтаназии, например, по отношению к лицам, находящимся в коме и подключенных к аппарату жизнеобеспечения. Каким образом получить согласие человека в случае, если он физически не может его предоставить вследствие объективных причин? При этом прогрессирующая болезнь может причинять больному сильные страдания. Предполагается, что в таких ситуациях выразить согласие должны обладающие полной дееспособностью законные представители больного, например, его близкие родственники (супруг, родители, дети).

Уголовный кодекс Республики Корея в ст. 252 закрепил аналогичный состав преступления под названием «Убийство по просьбе или с согласия потерпевшего»⁸. В силу данной статьи, «лицо, которое

⁶ Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации : принят Первым нац. съездом врачей Рос. Федерации 5 окт. 2012 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ German Criminal Code // German Federal Ministry of Justice. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html#StGB_000P216

⁸ Уголовный кодекс Республики Корея. URL: https://pusan.mid.ru/ru/informatsiya_dlya_posetiteley/poleznaya_informatsiya/informatsiya_o_zakonakh_respubliki_koreya/ugolovnyy_kodeks_rkoreya_na_rus/

причиняет смерть другому лицу по просьбе последнего или с его согласия, подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок от одного года до десяти лет». При этом убийство без квалифицирующих признаков, в соответствии со ст. 250 УК Южной Кореи, наказывается смертной казнью или каторжными работами на пожизненный срок или на срок не менее пяти лет. Как и в случае с законодательством Германии, имеется ощутимая разница между убийством и убийством по воле потерпевшего, выражающаяся в строгости назначаемого наказания. Хочется отметить также, что в уголовном законодательстве Южной Кореи отсутствует указание на настойчивую и серьезную просьбу потерпевшего, как это закреплено в уголовном законе ФРГ. Диспозиция южнокорейской нормы ограничивается указанием на согласие потерпевшего на причинение ему смерти.

Подобный состав преступления закреплен в ст. 202 Уголовного кодекса Японии «Участие в самоубийстве или убийстве с согласия». Согласно данной норме «тот, кто подготовил человека к убийству, или оказал ему помощь в самоубийстве, или убил человека по настоянию или с его согласия, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом или тюремным заключением на срок от шести месяцев до семи лет»⁹. Уголовное законодательство Японии не стало исключением, предусмотрев более мягкую санкцию за убийство с согласия потерпевшего, чем за убийство без квалифицирующих признаков (подобное деяние в Японии наказывается смертной казнью, либо пожизненным лишением свободы с принудительным физическим трудом, либо лишением свободы на срок, не менее 3 лет).

Помимо этого, УК Японии, как и УК Южной Кореи, устанавливает ответствен-

ность за лишением жизни лица как по его просьбе, так и с его согласия.

Совсем иное правовое положение эвтаназии закреплено в законодательстве таких государств, как Нидерланды, Бельгия, Швейцария. В 2001 г. нидерландским Парламентом был принят правовой акт «О прекращении жизни по просьбе и помощи в самоубийстве»¹⁰, вступивший в силу 1 апреля 2002 г. Фактически, со вступлением в законную силу данного акта на территории Нидерландов была легализована процедура эвтаназии. В законе под эвтаназией понимается «всякое действие, направленное на то, чтобы положить конец той или иной личности, идя навстречу ее собственному желанию, и выполненное незаинтересованным лицом».

Процедура получения разрешения на проведение эвтаназии является поэтапной и тщательно проработанной. Порядок проведения процедуры эвтаназии направлен в первую очередь на максимальное сокращение неправомерного ее применения, идущего вразрез с истинным волеизъявлением пациента.

Так, сперва врач должен убедиться, что просьба пациента о лишении его жизни является его действительной волей, не связанной с помутнением рассудка, депрессией и т. д. Кроме того, врач должен установить, что болезнь причиняет пациенту невыносимые страдания и эвтаназия является единственным решением, направленным на помощь пациенту в избавлении от страданий. Кроме того, врачу необходимо проконсультироваться хотя бы с одним независимым врачом для утверждения того факта, что иными методами пациенту помочь невозможно.

После описанных действий лечащему врачу необходимо получить согласие на проведении эвтаназии от комиссии

⁹ Уголовный кодекс Японии. URL: <https://constitutions.ru/?p=407>

¹⁰ О прекращении жизни по просьбе и помощи в самоубийстве : закон Королевства Нидерландов : вступил в силу 1 окт. 2021 г. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0012410/2021-10-01/>

по этике, которая будет рассматривать составленный врачом доклад на его правомерность и действительную необходимость в предоставлении пациенту права на преждевременную смерть. О принятом комиссией решении должны быть уведомлены прокурор и министерство здравоохранения.

В случае положительного решения комиссии врач вправе выписать больному смертельную инъекцию, используемую по усмотрению пациента: больной принимает ее самостоятельно либо она применяется врачом в медицинском учреждении.

Важным шагом в признании за человеком права на смерть стало рассмотрение законопроекта о возможности проведения эвтаназии для лиц, не являющихся неизлечимо больными и не ощущающих невыносимые страдания. Речь в данном случае идет о пожилых людях, считающих, что они прожили полную жизнь и имеют право на достойную смерть, не дожидаясь того момента, когда у них может развиваться деменция или болезнь Альцгеймера. Дебаты о необходимости введения такого права на законодательном уровне уже активно ведутся [10].

При этом стоит понимать, что предоставление пациенту права досрочно уйти из жизни не стало основанием для стагнации медицины и паллиативной помощи в Нидерландах. Об этом в том числе говорит открытие на территории этого государства поистине уникального объекта — поселения Хогевей, в котором на данный момент проживают около двухсот человек. В поселке насчитывается почти три десятка жилых домов и вся необходимая для жизни инфраструктура — от продуктовых магазинов до театра. Жители могут общаться между собой, проводить время в местных скверах и прогуливать-

ся в свое удовольствие. Единственное, что им запрещено делать — это покидать территорию поселения. Такие правила установлены потому, что Хогевей, по своей сути, является огромным домом престарелых, все жители которого — пациенты преклонного возраста с тяжелой формой слабоумия. Все сотрудники, находящиеся в этом поселении — это медицинский персонал, постоянно наблюдающий за его жителями. Проживающие в Хогевее пациенты не осознают, что находятся в медицинском учреждении, они проживают нормальную жизнь. Целью поселения является лечение пациентов от деменции и слабоумия, важную роль при котором играет сохранение автономности воли пациента, который сам должен определять свой распорядок дня¹¹.

Правопорядок Бельгии и Швейцарии также допускает добровольный уход из жизни пациента при наличии неизлечимого заболевания и нестерпимых страданий. При сравнении процессов, при которых производится эвтаназия в этих двух странах, можно проследить, насколько поразному может проходить процесс смерти пациента, основанный на его собственной воле [11].

В 2001 г. в Бельгии был принят Закон «Об эвтаназии»¹², предоставляющий неизлечимо больному пациенту право на прекращение собственных страданий путем прекращения своей жизни. Указанным законом эвтаназия определяется как действие, которое совершается третьим лицом и направлено на прекращение жизни человека по его собственной просьбе [12].

В Бельгии традиционно основную роль в процессе эвтаназии играет лечащий врач больного. Врач сопровождает весь процесс проведения эвтаназии, начиная с первичных согласований и заканчивая

¹¹ Как сегодня живет знаменитая голландская деревня, в которой жители поголовно страдают деменцией. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/180820/47290/>

¹² Об эвтаназии : закон Королевства Бельгия от 28 мая 2002 г. URL: https://npzl.be/files/107a_B3_Wet_euthanasie.pdf

процедурой введения в тело пациента смертельной инъекции.

Предварительные согласования подразумевают большой временной период, в течение которого врач должен обследовать пациента и подтвердить, что он действительно болен неизлечимым заболеванием и это заболевание причиняет ему нестерпимые физические и психологические страдания. Кроме того, врачу необходимо подтвердить, что просьба пациента действительно является добровольной и осознанной, предоставленной без какого-либо давления извне, а также ясность рассудка пациента на протяжении всего периода получения разрешения на проведение эвтаназии. Лишь установив эти факты путем неоднократных бесед с пациентом, врач может инициировать процесс получения подтверждения от стороннего, незаинтересованного врача, который в свою очередь должен подтвердить диагноз пациента, его неблагоприятный прогноз на дальнейшее излечение.

После получения всех необходимых разрешений и установления всех значимых фактов врач выдает пациенту «направление на смерть», предоставляя пациенту право добровольно уйти из жизни. Сам процесс введения смертельной инъекции в тело больного происходит в специализированном медицинском учреждении, предоставляющем как самому пациенту, так и его близким и родственникам возможность надлежащим образом попрощаться друг с другом перед процессом эвтаназии. Врач в обязательном порядке присутствует при проведении самой процедуры эвтаназии и фиксирует смерть пациента.

Сравнивая законы о проведении эвтаназии в Бельгии и в Нидерландах, можно отметить, что в законах обоих государств установлены критерии осмотрительности врача, назначающего процедуру эвтаназии; закреплена обязанность врача консультироваться минимум с одним сто-

ронным, незаинтересованным врачом; законы предусматривают обязанность врача отчитываться о каждом случае проведения эвтаназии; законы предусматривают создание специализированного органа (комиссии), осуществляющей последующий надзор за проведением врачами эвтаназии; оба закона предусматривают право больного на предоставление врачу предварительного согласия на проведение эвтаназии в случае, если вследствие каких-либо обстоятельств больной утратит дееспособность и не сможет выразить свое согласие в нужный момент. Одним из существенных различий данных правовых порядков является само понятие больного, в отношении которого возможно проведение эвтаназии. Так, законом Бельгии предусмотрено, что эвтаназия может быть проведена совершеннолетнему или дееспособному несовершеннолетнему лицу без какой-либо привязки к возрасту. Законом Нидерландов же установлено, что пациент в возрасте от шестнадцати лет вправе самостоятельно потребовать проведения процедуры эвтаназии, а в случае согласия родителей или законных представителей эвтаназию возможно провести лицу, достигшему двенадцатилетнего возраста.

Рассмотренные процедуры эвтаназии представляются классическими и позволяют убедиться в легитимности ее проведения, основанной в первую очередь на медицинских показаниях. Однако порядок, с помощью которого пациент может добровольно прекратить свою жизнь, установленный в Швейцарии, имеет ряд кардинальных отличий от порядка, рассмотренного ранее.

В Швейцарии процесс эвтаназии носит название “*assisted suicide*” – ассистированное самоубийство. Центральную роль в этом процессе занимает не лечащий врач пациента, как это предусмотрено в Бельгии, а доброволец из числа частных некоммерческих организаций,

предоставляющих пациентам помощь в добровольном уходе из жизни.

Лечащий врач пациента не принимает активного участия в процессе ассистированного самоубийства. Процедуру инициирует сам пациент, направляющий заявление в одну из организаций, предоставляющих гражданам соответствующие услуги по прекращению их страданий. Данное заявление рассматривает врач частной организации. Ему необходимо установить, что болезнь пациента действительно является неизлечимой и приносит ему нестерпимые страдания, которые не могут быть преодолены никакими другими путями. После того, как врач установит указанные фактические обстоятельства, он связывается с добровольцем из числа сотрудников организации для осуществления дальнейшей процедуры.

Такой доброволец должен провести несколько личных бесед с пациентом, в ходе которых проясняются истинные мотивы, по которым лицо хочет осуществить самоубийство. К таковым, помимо нестерпимых страданий, могут относиться, например, нежелание быть обузой для близких людей, осознание того, что страдания пациента также приносят страдания его родственникам или близким, нежелание жить ввиду отсутствия перспектив на излечение и нежелание продолжать бессмысленную борьбу с неизбежным и т. д.

После тщательного изучения истории жизни больного и предпосылок, сподвигнувших его преждевременно закончить свою жизнь, волонтер должен вынести свое решение об обоснованности просьбы больного. Приняв положительное решение, сотрудник организации связывается с лечащим врачом пациента, для того чтобы он прописал ему смертельное вещество, которое призвано раз и навсегда прекратить страдания больного.

Еще одной особенностью проведения процесса ассистированного самоубийства в Швейцарии является то, что больной должен лично принять смертельную дозу вещества, вызывающего смерть. Именно поэтому одним из необходимых критериев, устанавливаемых волонтером при вынесении решения об одобрении в самоубийстве, является достаточный уровень координации опорно-двигательного аппарата больного, позволяющий ему самостоятельно принять свое последнее «лекарство» в жизни. При осуществлении процесса самоубийства, помимо волонтера, обязательно должно присутствовать хотя бы одно лицо (часто близкий родственник), которое сможет засвидетельствовать легитимность всей проведенной пациентом процедуры и подтвердить, что самоубийство действительно являлось истинной волей больного.

Позиция ЕСПЧ по вопросу эвтаназии

Еще одним важным элементом, который нельзя оставить без внимания при рассмотрении международно-правового статуса эвтаназии и ассистированного самоубийства, являются решения Европейского суда по правам человека, рассматривающего дела данной категории. Именно на основании решений данного органа судебной власти часто и формируется судебная практика по спорным вопросам.

В своих решениях ЕСПЧ в большинстве случаев занимает позицию недопущения применения эвтаназии как способа прекращения страданий больного. Так, знаковым и во многом прецедентным является дело «Претти против Великобритании»¹³.

Подданная Великобритании, Диана Претти, являющаяся заявителем

¹³ Дело «Претти против Соединенного Королевства» [Pretty v. The United Kingdom] (жалоба № 5129/03) : постановление Европ. Суда по правам человека от 29 апр. 2002 г. URL: https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Pretty_v_the_United_Kingdom_29_04_2002.pdf

по данному делу, на момент его рассмотрения страдала неизлечимым дегенеративным заболеванием, вызвавшим у нее паралич всего тела ниже шеи, просила суд не возбуждать уголовное преследование в отношении своего мужа, если по ее просьбе он окажет ей помощь в самоубийстве. Та жизнь, которой Диана жила на момент судебного разбирательства, не приносила ей ничего, кроме боли и страданий – она не могла членораздельно говорить, а пищу получала через трубку. В судебном заседании заявительница указывала, что ст. 2 Европейской конвенции по правам человека защищает не только право на жизнь, но и право выбирать, продолжать жить или нет. Исходя из этого, человек имеет как право на жизнь, так и право на смерть. И законодательство Соединенного Королевства не позволяет ей реализовать свое право на смерть надлежащим образом.

Европейский суд по правам человека, рассмотрев заявление Дианы Прети, пришел к выводу, что «право на жизнь», гарантированное ст. 2 Европейской конвенции по правам человека, без искажения текста не может быть истолковано ни как предоставление диаметрально противоположного права, а именно права на смерть, ни как создание права на самоопределение в смысле признания за человеком права избрать смерть вместо жизни.

Основываясь на этом доводе, ЕСПЧ отказал Диане Претти в удовлетворении ее заявления и постановил, что по настоящему делу не было допущено никакого нарушения требований в том числе ст. 2 Европейской конвенции по правам человека.

Дело Дианы Претти задало тон общему отношению ЕСПЧ к вопросу эвтаназии. По нашему мнению, Диана Претти обладала правом на проведение эвтаназии именно потому, что в сложившейся ситуации у нее полностью отпал интерес в дальнейшей жизни. Говорить о возвращении

к полноценной жизни также не приходилось, поскольку все ее тело было парализовано. Ее мотивы были ясны и понятны, она находилась в здравом рассудке, но так и не получила права на достойный уход из жизни, которая причиняла ей исключительно дискомфорт и страдания.

Более дискуссионным делом, заслуживающим внимания в рамках настоящего анализа, является дело Альды Гросс против Швейцарии. Заявительница по данному делу ссылалась на нарушение ст. 8 Европейской конвенции по правам человека, обосновывая это тем, что она не желает переживать естественный процесс старения, а власти Швейцарии не дают ей разрешения на применении эвтаназии. Стоит особо отметить, что у заявительницы не было выявлено смертельной болезни.

При вынесении решения по данному вопросу мнения судей ЕСПЧ разделились. 14 мая 2013 г. Европейский суд по правам человека постановил четырьмя голосами против трех, что имело место нарушение ст. 8 Европейской конвенции по правам человека. В совместном особом мнении судей Раймонди, Йочене и Каракас отражены мотивы, по которым указанная тройка судей не могла согласиться со мнением своих коллег по данному делу. Так, в особом мнении отражено, что Альда Гросс не страдает от неизлечимой болезни, которая является четко определенным условием для проведения эвтаназии. Единственным мотивом, побудившим Альду Гросс уйти из жизни, является нежелание проживать свою старость из-за возможных физиологических или психических заболеваний, обостряющихся в преклонном возрасте.

При этом суд ограничился выводом о том, что именно отсутствие ясных и подробных правил, регламентирующих получение смертельной инъекции для здоровых граждан, нарушило право заявительницы на уважение ее личной

жизни. ЕСПЧ прямо указывает, что он не выражает какой-либо позиции о материально-правовом содержании таких правил¹⁴.

В этическом плане дело Альды Гросс значительно более сложное, чем дело Дианы Претти, поскольку в данном случае заявительница не была больна тяжелым заболеванием. Основным ее мотивом досрочно уйти из жизни являлось нежелание проживать собственную старость. Вынося решение по делу, ЕСПЧ рассмотрел вопрос с точки зрения недочетов внутреннего законодательства Бельгии о назначении врачом смертельной дозы пентобарбитала натрия. Не выражая какой-либо позиции о самой возможности проведения эвтаназии лицу, не страдающему тяжелым заболеванием, ЕСПЧ оставил простор для размышлений поданному вопросу. По нашему мнению, на данный момент необходимо разработать стабильный и доступный механизм реализации процедуры эвтаназии для лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, которые причиняют им непереносимые страдания. Только после этого возможно будет говорить о повышении уровня либеральности в этом вопросе и предоставлении права здоровым гражданам на досрочное прекращение жизни по собственному желанию.

Еще одним делом, рассмотренным ЕСПЧ и представляющим интерес в рамках исследуемого вопроса, является дело Хаас против Швейцарии, постановление по которому было вынесено 20 января 2011 г.¹⁵

Заявитель также пытался отстоять свое право на достойный уход из жизни путем предоставления ему рецепта на приобретение содистого пентобарбитала. Осложнялся данный кейс тем, что заявитель

страдал не от физиологического, а от психического заболевания. Факт отсутствия выраженных физических непереносимых страданий не позволил Хаасу получить право на ассистированное самоубийство в своей стране, что и послужило поводом для обращения в ЕСПЧ.

ЕСПЧ единогласно отказал Хаасу в удовлетворении его жалобы, сославшись на то, что властями Швейцарии были приняты необходимые меры по защите права на жизнь гражданина, так как требование медицинского рецепта для проведения ассистируемого самоубийства имеет законную цель, выраженную в защите любого человека от принятия поспешного решения в уходе из жизни. При этом, исходя из материалов дела, Хаас направил письма 170 врачам-психиатрам, которые отказались предоставить ему рецепт на содистый пентобарбитал.

Вопрос о предоставлении права на преждевременный уход из жизни для лиц, страдающих психическими заболеваниями также вызывает дискуссии. Для разрешения подобных ситуаций необходимым условием является проведение полной психиатрической экспертизы, которая может подтвердить истинность волеизъявления лица. Отсутствие подобного условия оставляет простор для злоупотребления правом со стороны законных представителей больного, которые могут воспользоваться его состоянием в собственных корыстных целях.

Таким образом, ЕСПЧ отрицательно относится к применению эвтаназии или ассистируемого самоубийства, как в связи с психологическими, так и с физиологическими болезнями заявителей. ЕСПЧ признает право каждого государства на собственную позицию

¹⁴ Информация о постановлении Европейского суда по правам человека от 14 мая 2013 г. по делу «Гросс (Gross) против Швейцарии». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Дело «Хаас против Швейцарии» [Haas v. Switzerland] (жалоба № 31322/07): постановление Европ. Суда по правам человека от 20 янв. 2011 г. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-116190&filename=CASE%20OF%20HAAS%20v.%20SWITZERLAND%20-%20%5BRussian%20Translation%5D%20by%20the%20Moscow%20Lawyers%27%20Club.pdf>

по вопросу эвтаназии и приходит к выводу о невозможности признания за человеком права на смерть. По нашему мнению, с подобной позицией нельзя согласиться, поскольку из приведенных примеров становится понятно, что в некоторых случаях само существование человека может обрекать его на ежедневные страдания. Государства время от времени фактически налагают на граждан «обязанность жить», что мы могли наблюдать в деле Претти. Заявительница не могла самостоятельно уйти из жизни ввиду паралича всего тела, но также и не могла просить своего мужа прекратить ее страдания, поскольку в отношении него началось бы уголовное преследование. Именно в таких ситуациях слепое желание государства поддерживать в человеке жизнь ради жизни может существенно нарушать право больного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно отметить существенную разницу в правовом регулировании вопроса применения эвтаназии законодательством различных государств. Первый подход заключается в запрете эвтаназии и полном приравнивании ее к убийству в контексте уголовного права. Именно этого подхода на данный момент придерживается Россия, страны СНГ, Китай и т. д. Вторым подходом является запрет эвтаназии, при котором она рассматривается в качестве специального состава преступления, предусматривающего более мягкое наказание в сравнении с убийством. Такой подход установлен законодательством Германии, Японии, Южной Кореи и других государств. Самый либеральный подход, разрешающий процедуру проведения эвтаназии, предусмотрен законами таких государств, как Нидерланды, Бельгия и Швейцария и т. д.

Первый подход характеризуется высоким уровнем консерватизма, третий – высоким уровнем либерализма. Второй подход видится переходной стадией, которая

необязательна для смены подхода с первого на третий.

Полагаем, что законодательная власть в прогрессивных государствах в ближайшем будущем будет лоббировать именно третий подход, признавая право каждого неизлечимо больного пациента на прекращение его страданий в безвыходной ситуации. Уже в настоящее время преобладающей является позиция, признающая отсутствие в процедуре эвтаназии криминального элемента [13]. Лишь признание права на эвтаназию может в полной мере гарантировать больным право на смерть без боли и страданий. Если в стране гражданина возможность проведения эвтаназии отсутствует, велика вероятность, что такой человек прибудет в другое государство исключительно для того, чтобы свести счеты с жизнью [14]. Практика применения «суицидального туризма» постоянно расширяется и происходит это именно из-за того, что пациенты не могут реализовать свое право в стране, гражданами которой они являются.

Второй подход представляет собой полумеру, так как лицо, совершившее эвтаназию, также подлежит уголовной ответственности, но с менее строгим наказанием.

Одним из возможных вариантов закрепления права на эвтаназию в России является принятие федерального закона, подробно регулирующего данную процедуру. На наш взгляд, эвтаназии должна предшествовать всесторонняя медицинская экспертиза, а саму процедуру обязан проводить исключительно специальный субъект, например, лечащий врач пациента. При этом необходимо внести изменения и в действующее законодательство в целях приведения его в соответствие и недопущения прямых противоречий одних нормативных актов другим.

Полагаем, что государственное урегулирование процедуры эвтаназии должно быть поэтапным для более стабильного перехода к новой системе. Так, ввести

подобную процедуру можно сначала лишь в некоторых субъектах нашей страны в качестве правового эксперимента, постепенно присоединяя к данной программе остальные субъекты федерации.

Кроме того, введение процедуры не означает, что все пациенты прибегнут к ее использованию. Так, процент смертей при применении эвтаназии в Нидерландах составляет 0,3 % от общего количества смертей, а в Швейцарии процент умерших при ассистированном суициде составляет 0,45 % от числа всех умерших [15].

Между процедурами добровольного ухода из жизни пациентов, применяющихся в Бельгии и Швейцарии существует ощутимая разница. В Бельгии процедура эвтаназии осуществляется лечащим врачом больного, в Швейцарии же услуги по помощи в самоубийстве предоставляются частными некоммерческими организациями, а итоговое решение о предоставлении пациенту возможности досрочно уйти из жизни принимает не врач пациента, действия которого ограничиваются предоставлением возможности приобрести смертельное вещество, а специально обученный сотрудник организации. Кроме того, в Бельгии сотрудники больницы вводят в тело больного вещество, приводящее к его смерти, а в Швейцарии больной должен самостоятельно принять это вещество без посторонней помощи.

Европейский суд по правам человека при рассмотрении категории дел, связанных с преждевременным уходом пациентов из жизни, занимает позицию, согласно которой право на жизнь не предоставляет человеку право на смерть.

Проведя анализ существующих подходов к эвтаназии, хочется подчеркнуть

превалирующее негативное отношение международного сообщества и отдельных государств к применению эвтаназии. Даже в странах, в которых эвтаназия разрешена, пациент обязан пройти долгий путь согласований, прежде чем прекратить свои страдания, не позволяющие ему прожить остаток своих дней достойно и полноценно.

Широкое распространение эвтаназии будет невозможно до тех пор, пока порядки большинства государств не узаконят право человека решать, в какой момент он может прекратить использовать свое право на жизнь, поскольку никакое право не может выступать в качестве обязанности. Обязанность государства защищать жизнь гражданина не может трактоваться во вред этому гражданину. Защита достойной, полноценной жизни человека, безусловно, благая цель. Но защита жизни ради самой жизни, без учета того, что под жизнью в данном случае понимается лишь существование, часто приносящее невыносимые страдания – это нечто совсем другое.

Поскольку государство призвано защищать права человека, очевидно, что оно не может принудить его к использованию своих прав. Провозглашение права на жизнь, безусловно, влечет возможность отказа от этого права гражданином. Таким образом, государство обязано предоставить гражданину и диаметрально противоположное право – право на смерть, которое может быть выражено, в том числе, в возможности применения пациентом процедуры эвтаназии.

Исходя из этого, снятие законодательного запрета на эвтаназию является следующим шагом в признании прав человека и увеличению уровня либеральности любого правового государства.

Список литературы

1. Дмитриев Ю. А., Шленева Е. В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии // Государство и право. 2000. № 11. С. 52–59.
2. Симонян Р. З. Правовые нормы об эвтаназии в российском законодательстве: уголовно-правовая характеристика эвтаназии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6-5. С. 971–975.

3. Евсеева Я. В. Эвтаназия: история и современные дебаты. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2021. № 3. С. 12–25. DOI: <https://doi.org/10.31249/rsoc/2021.03.02>
4. Лоба В. Е., Абдулаева И. А. Эвтаназия: историко-правовой аспект // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 85–90.
5. Капинус О. С. Эвтаназия в свете права на жизнь : моногр. М. : Камерон, 2006. 479 с.
6. Волкова Н. С. Паллиативная помощь: вопросы права и практики : моногр. М. : Юридическая фирма Контракт, 2020. 120 с.
7. Declarations on Euthanasia and Assisted Dying / H. Inbadas, S. Zaman, S. Whitelaw, D. Clark // *Death Studies*. 2017. Vol. 41, № 9. P. 574–584. DOI: <https://doi.org/10.1080/07481187.2017.1317300>
8. Гареева И. А., Курякина О. В. Социально-правовые проблемы эвтаназии // Ученые заметки ТОГУ. 2015. Т. 6, № 4. С. 164–167.
9. Морозов В. И., Попова А. С. Правовое регулирование эвтаназии: какой должна быть позиция России? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27). С. 47–57.
10. Satalkar P., Van der Geest S. Escaping the ‘Unprepared Generation’ Trap: Discussions About Euthanasia After a ‘Completed Life’ in the Netherlands // *Mortality*. 2019. Vol. 25, № 3. P. 1–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13576275.2019.1585780>
11. Exploring Contemporary Forms of Aid in Dying: an Ethnography of Euthanasia in Belgium and Assisted Suicide in Switzerland / N. Hamarat, A. Pillonel, M.-A. Berthod, D. A. Castelli Dransart, G. Lebeer // *Death Studies*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1080/07481187.2021.1926635>
12. Jones D. A., Gastmans C., MacKellar C. Euthanasia and Assisted Suicide: Lessons from Belgium. New York : Cambridge University Press, 2017. 336 p.
13. Raposo V. L. The Right Not to Live // *GSTF Journal of Law and Social Sciences*. 2014. № 4. Art. 11. DOI: <https://doi.org/10.7603/s40741-014-0011-4>
14. Richards N. Assisted Suicide as a Remedy for Suffering? The End-of-Life Preferences of British «Suicide Tourists» // *Medical Anthropology*. 2017. Vol. 36, № 4. P. 348–362. DOI: <https://doi.org/10.1080/01459740.2016.1255610>
15. Ogunbanjo G. A., Knapp van Bogaert D. Is There a Place for Voluntary Active Euthanasia in Modern-Day Medicine? // *South African Family Practice*. 2013. Vol. 55, № 1. P. S10–S11. DOI: <https://doi.org/10.1080/20786204.2013.10874314>

References

1. Dmitriev Yu. A., Shleneva E. V. The Human Right in the Russian Federation to Carry Out Euthanasia. *State and Law*. 2000;11:52-59. (In Russ.).
2. Simonyan R. Z. About Improvement of Training of Doctors by the Medical Right. Legal Literacy as Security Measure of Professional Activity of the Doctor. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016; 6-5:971-975. (In Russ.).
3. Evseeva Ya. V. Euthanasia: History and Modern Debates. (Literature Review). *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*. 2021;3:12-25. DOI: <https://doi.org/10.31249/rsoc/2021.03.02> (In Russ.).
4. Loba V. E., Abdulaeva I. A. Euthanasia: Historical and Legal Aspect. *Philosophy of Law*. 2019;1:85-90. (In Russ.).
5. Kapinus O. S. *Euthanasia in the Light of the Right to Life*. Moscow: Kameron Publ.; 2006. 479 p. (In Russ.).
6. Volkova N. S. *Palliative Care: Matters of Law and Practice*. Moscow: Law Firm Contract Publ.; 2020. 120 p. (In Russ.).
7. Inbadas H., Zaman S., Whitelaw S., Clark D. Declarations on Euthanasia and Assisted Dying. *Death Studies*. 2017;41(9):574-584. DOI: <https://doi.org/10.1080/07481187.2017.1317300>
8. Gareeva I. A., Kuryakina O. V. Socio-Legal Problems of Euthanasia. *Scientists Notes PNU*. 2015;6(4):164-167. (In Russ.).
9. Morozov V. I., Popova A. S. Legal Regulation of Euthanasia: What Position Should Russia Adhere To? *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2014;1:47-57. (In Russ.).
10. Satalkar P., Van der Geest S. Escaping the ‘Unprepared Generation’ Trap: Discussions About Euthanasia After a ‘Completed Life’ in the Netherlands. *Mortality*. 2019;25(3):1-15. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13576275.2019.1585780>
11. Hamarat N., Pillonel A., Berthod M.-A., Castelli Dransart D. A., Lebeer G. Exploring Contemporary Forms of Aid in Dying: an Ethnography of Euthanasia in Belgium and Assisted Suicide in Switzerland. *Death Studies*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1080/07481187.2021.1926635>
12. Jones D. A., Gastmans C., MacKellar C. *Euthanasia and Assisted Suicide: Lessons from Belgium*. New York: Cambridge University Press; 2017. 336 p.

13. Raposo V. L. The Right Not to Live. *GSTF Journal of Law and Social Sciences*. 2014;4:11. DOI: <https://doi.org/10.7603/s40741-014-0011-4>

14. Richards N. Assisted Suicide as a Remedy for Suffering? The End-of-Life Preferences of British «Suicide Tourists». *Medical Anthropology*. 2017;36(4):348-362. DOI: <https://doi.org/10.1080/01459740.2016.1255610>

15. Ogunbanjo G. A., Knapp van Bogaert D. Is There a Place for Voluntary Active Euthanasia in Modern-Day Medicine? *South African Family Practice*. 2013;55(1):S10-S11. DOI: <https://doi.org/10.1080/20786204.2013.10874314>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галина Валерьевна Елисеева, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2216-0067>; e-mail: galina.eliseeva.88@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Galina V. Eliseeva, Senior Lecturer of the Department of Constitutional and International Law at the Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2216-0067>; e-mail: galina.eliseeva.88@mail.ru

Поступила | Received
25.01.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
07.02.2022

Принята к публикации | Accepted
09.02.2022

УДК 343.4

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-39-53

EDN: BEJ TSA

Оригинальная научная статья

Конституционные ценности в содержании государственных программ Российской Федерации

А. А. Суханова *Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация*✉ saa1908@yandex.ru

Аннотация. Конституция Российской Федерации в полной мере исполняет свое ценностное назначение только тогда, когда ее положения находят свое реальное воплощение в общественно-политических отношениях. В данном контексте высокую степень значимости приобретает процесс реализации Конституции и ее аксиологических положений, выступающий предметом настоящего исследования. Методологической основой исследования является совокупность таких научных методов, как: формально-юридический и структурно-функциональный, сравнения, поиска и анализа научного и нормативного материала. В качестве научной базы проведенного исследования выступили работы выдающихся ученых в сфере теории права и конституционного права. Применительно к реализации конституционных ценностей в государственных программах Российской Федерации особый смысл приобретают такие свойства Основного Закона, как реальность, прямое действие и программный характер. Кроме того, в исследовании реализации конституционных ценностей в содержании государственных программ Российской Федерации существенное научное и практическое значение приобретает вопрос о формах реализации соответствующих конституционных предписаний. Особыми формами реализации конституционных ценностей в содержании государственных программ выступают: отражение в ключевых аспектах содержания государственной программы (цели, задачи, направления) положений, развивающих идеи той или иной конституционной ценности, а также конкретизация конституционных ценностей в содержании государственных программ Российской Федерации. Для реализации конституционных ценностей в содержании государственных программ существенное значение имеют сложившаяся историческая ситуация, особенности действующего правового режима, характер международных отношений и пр. Глобальной целью реализации конституционных ценностей в государственных программах Российской Федерации является общественный прогресс и стабильное развитие Российского государства как демократического, социального и правового. Степень приближения общества и государства к указанной цели выступает критерием эффективности рассматриваемой реализации. Основные положения настоящей исследовательской работы и ключевые выводы, сделанные по ее результатам, могут выступать основой для дальнейших научных изысканий, затрагивающих вопросы, связанные с реализацией конституционных ценностей как в содержании государственных программ, так и в иных формах, а также вопросы, связанные с функционированием механизма такой реализации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; конституционные ценности; реализация конституционных ценностей; государственные программы Российской Федерации; реализация конституционных ценностей в государственных программах Российской Федерации.

Для цитирования: Суханова А. А. Конституционные ценности в содержании государственных программ Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 1. С. 39–53. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-39-53>. EDN: <https://elibrary.ru/bejtsa>

Original scientific article

Constitutional Values in the Content of State Programs of the Russian Federation

A. A. Sukhanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

✉ saa1908@yandex.ru

Abstract. The Constitution of the Russian Federation absolutely fulfills its value purpose only when its provisions find their real embodiment in socio-political relations. In this context, the process of implementing the Constitution and its axiological provisions, which is the subject of this study, acquires a high degree of significance. The methodological basis of the study is a combination of such scientific methods as: formal-legal and structural-functional methods, comparison method, the method of searching and analyzing scientific and normative material. The scientific basis of the study is made by the works of outstanding scholars in the field of the theory of law and constitutional law. With regard to the implementation of constitutional values in the state programs of the Russian Federation, such properties of the Constitution as reality, direct action and programmatic nature acquire a special meaning. In addition, in the study of the implementation of constitutional values in the content of state programs of the Russian Federation, the question of the forms of implementation of the corresponding constitutional prescriptions acquires significant scientific and practical significance. Special forms of implementation of constitutional values in the content of state programs are: reflection in key aspects of the content of the state program (goals, objectives, directions) of provisions developing ideas of a particular constitutional value, as well as concretization of constitutional values in the content of state programs of the Russian Federation. For the implementation of constitutional values in the content of state programs, the current historical situation, the features of the current legal regime, the nature of international relations, etc. are essential. The degree to which society and the state are approaching this goal serves as a criterion for the effectiveness of the implementation under consideration. The main provisions of this research work and the key conclusions drawn from its results can serve as the basis for further scientific research concerning issues related to the implementation of constitutional values both in the content of state programs and in other forms, as well as issues related to the functioning of the mechanism of this implementation.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation; constitutional values; implementation of constitutional values; state programs of the Russian Federation; implementation of constitutional values in the state programs of the Russian Federation.

For citation: Sukhanova A. A. Constitutional Values in the Content of State Programs of the Russian Federation. *Siberian Law Review*. 2022;19(1):39-53. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-39-53>. EDN: <https://elibrary.ru/bejtsa> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Конституция Российской Федерации как Основной Закон государства, являющийся высшим элементом правовой системы [1], в полной мере исполняет свое ценностное назначение только тогда, когда ее положения находят свое реальное воплощение в общественно-политических отношениях. Другими словами,

рассматривать нормы Конституции как конституционные ценности можно лишь в том случае, когда они выступают реальным действенным фактором развития общества и государства. В данном контексте высокую степень значимости приобретает процесс реализации Конституции и ее аксиологических положений, выступающий предметом исследования.

© Sukhanova A. A., 2022

Методологической основой настоящего исследования является комплекс методов, среди которых следует отметить формально-юридический метод, используемый в процессе определения и уяснения аксиологического смысла норм Конституции, отраженных в содержании государственных программных направлений Российской Федерации и положений государственных программ непосредственно; структурно-функциональный метод, применяемый при характеристике процесса реализации конституционных ценностей в государственных программах Российской Федерации, выявлении его специфики, форм и их назначения; метод сравнения, используемый в части сопоставления целей и задач государственных программ Российской Федерации с содержанием конституционных положений, имеющих аксиологическую направленность; а также метод поиска и анализа научного и нормативного материала. В качестве научной базы проведенного исследования выступили работы выдающихся ученых в сфере теории права и конституционного права: В. В. Киреева, В. О. Лучина, Ю. А. Тихомирова и др.

Думается, что основные положения настоящей исследовательской работы и ключевые выводы, сделанные по ее результатам, могут выступать основой для дальнейших научных изысканий, затрагивающих вопросы, связанные с реализацией конституционных ценностей как в содержании государственных программ, так и в иных формах, а также вопросы, связанные с функционированием механизма такой реализации.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реализация Конституции представляет собой «сложное, многоплановое и много-

факторное явление социальной жизни» [2, с. 59], важнейшую специфическую часть единого механизма реализации права.

При этом весьма интересным аспектом указанного явления видится процесс реализации ценностных норм Конституции Российской Федерации в содержании государственных программ.

Реализация конституционных ценностей в государственных программах Российской Федерации – сложный многомерный процесс, подверженный влиянию не только исключительно правовых, но и различных социальных факторов, изучение и учет которых способны существенно повысить его качество и результативность. Конечным результатом реализации конституционных ценностей в государственных программах Российской Федерации выступает достижение соответствия между требованиями аксиологических положений Конституции Российской Федерации и совокупностью действий, фактически совершенных уполномоченными государственными органами и должностными лицами в процессе разработки, принятия и исполнения государственных программ в различных сферах жизнедеятельности общества и государства.

Однако следует отметить, что полномасштабная характеристика всей системы конституционных ценностей как основы содержания и реализации всех действующих государственных программ Российской Федерации, образующих соответствующие направления, в рамках одной статьи невозможна. В ходе настоящего исследования будет изложено и проиллюстрировано отдельными примерами обобщенное отражение наиболее фундаментальных конституционных ценностей в государственных программных направлениях, основополагающим образом определяющих пути государственной политики России в различных сферах жизни общества.

В государственном программном направлении «Новое качество жизни»¹ реализуются в первую очередь права и свободы человека и гражданина как высшая ценность в целом и отдельные права и свободы, положенные в основу конкретной государственной программы, а также конституционная ценность социальной государственности, обеспечивающая достойный уровень взаимоотношений между государством и его гражданами. Доминирующее положение указанных ценностей в рассмотренном государственном программном направлении представляется весьма логичным, поскольку, во-первых, права и свободы человека и гражданина, утвержденные в Преамбуле и провозглашенные непосредственно в нормах Конституции высшей ценностью, должны рассматриваться в таком качестве в любой государственной деятельности и определять весь строй государственно-общественных отношений [3, с. 9], который находит свое выражение, в том числе, и в государственных программах Российской Федерации, а во-вторых, повышение качества жизни возможно исключительно в случае удовлетворения личных и социальных интересов граждан в различных сферах их жизни, поскольку подлинная ценность прав и свобод человека и гражданина заключается «не столько в них самих, сколько в том, что реально может быть получено или достигнуто человеком на основе этих прав» [4, с. 117].

Так, в области здравоохранения, координация вопросов которого является одним из важнейших предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции) и на совершенствование которой направ-

лена государственная программа «Развитие здравоохранения»², базовыми конституционными ценностями представляются ценность социальной государственности (ч. 1 ст. 7 Конституции), включающая охрану здоровья людей (ч. 2 ст. 7 Конституции); право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, оказываемую гражданам в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений (ч. 1 ст. 41 Конституции), а также установление финансирования федеральных программ охраны и укрепления здоровья населения, принятия мер по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощрения деятельности, способствующей укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию (ч. 2 ст. 41 Конституции).

Перечисленные ценности реализованы в положениях, определяющих цели Программы – увеличение продолжительности жизни населения; снижение смертности населения; повышение удовлетворенности населения качеством медицинской помощи и др., а также в содержании основных направлений Программы, среди которых: совершенствование оказания медицинской помощи; развитие и внедрение инновационных методов диагностики, профилактики и лечения, а также основ персонализированной медицины; организация обязательного медицинского страхования граждан Российской Федерации и пр.

В свою очередь государственная программа «Развитие образования»³ является

¹ Портал государственных программ Российской Федерации. URL: <http://programs.gov.ru/portal/>

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства Рос. Федерации от 26 дек. 2017 г. № 1640 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 1, ч. 2, ст. 373.

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства Рос. Федерации от 26 дек. 2017 г. № 1642 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 1, ч. 2, ст. 375.

сферой реализации конституционных ценностей в области образования, основой которой выступает право каждого на образование, предусмотренное ч. 1 ст. 43 Конституции Российской Федерации. В целях Программы, в качестве которых провозглашены качество образования; доступность образования; онлайн-образование воспроизводится также ценность социальной государственности Российской Федерации, (ст. 7 Конституции).

Анализ государственных программ по направлению «Инновационное развитие и модернизация экономики»⁴ позволяет заключить, что образующие названное направление государственные программы призваны совершенствовать различные отрасли экономической деятельности Российской Федерации, но при этом являются в достаточной степени сходными по своему идейному содержанию и целевому назначению. Следовательно, представляется логичным, что в данных государственных программах реализуется по-разному преломляющийся в каждой из сфер, но одинаковый по своей сути набор конституционных ценностей.

Так, целями государственной программы «Развитие внешнеэкономической деятельности»⁵ выступает усиление позиций России в глобальной экономике; улучшение качественных параметров внешнеэкономической деятельности; повышение вклада внешнеэкономической сферы в решение задач модернизации национального хозяйства. Задачами Программы являются: развитие и расширение потенциала международного экономического сотрудничества; развитие системы таможенного администрирования; формирование системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности, эффективно обеспечивающей национальные

интересы и интересы российского бизнеса в процессе международного экономического сотрудничества с учетом изменившихся условий внешней среды; формирование национальной системы институтов и механизмов развития внешнеэкономической деятельности; повышение эффективности функционирования системы пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации.

Рассматриваемая Программа реализует в своем содержании такие конституционные ценности, как: принадлежность Российской Федерации к мировому сообществу (Преамбула, ч. 4 ст. 15 Конституции); свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 Конституции); а также ценность федеративного устройства Российского государства, в основе которого лежит принцип разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, определяющий, что установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации (п. «е» ст. 71 Конституции), установление правовых основ единого рынка, финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики, федеральные экономические службы, включая федеральные банки (п. «ж» ст. 71 Конституции), внешняя политика и международные отношения Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации (п. «к» ст. 71 Конституции), внешнеэкономические отношения Российской Федерации (п. «л» ст. 71 Конституции), определение статуса и защита

⁴ Портал государственных программ Российской Федерации ...

⁵ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности»: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 330 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18, ч. 4, ст. 2174.

государственной границы (п. «н» ст. 71 Конституции) относятся к предметам исключительного ведения Российской Федерации, а координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации (п. «о» ч. 1 ст. 72 Конституции) – к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Допустимо предположить, что отправной, максимально общей ценностной идеей, лежащей в основе программного направления «Инновационное развитие и модернизация экономики», является положение Преамбулы Конституции, провозглашающее стремление обеспечить благополучие и процветание России.

При этом стоит отметить, что акцент в ценностной основе государственных программ рассматриваемого программного направления сделан на ценностях, образующих экономические основы конституционного строя, что, разумеется, обусловлено спецификой направления. Однако представляется, что такие немаловажные для экономической сферы конституционные ценности, как ценность социальной государственности, ценность прав и свобод человека и гражданина и др., не в полной мере нашли отражение в программах направления.

Помимо этого, характеристика отдельных ценностей как основы содержания и реализации государственных программ по направлению «Инновационное развитие и модернизация экономики» может быть дана исключительно на основании специально предпринятого анализа ключевых положений программ, что свидетельствует о недостаточной степени эффективности реализации конституционных ценностей.

Обобщая результаты изучения реализации конституционных ценностей в содержании государственных программных направлений по обеспечению развития политико-правовой сферы и национальной безопасности Российской Федерации, можно сделать вывод, что базовыми конституционными ценностями для содержания государственных программ, входящих в направления «Эффективное государство», «Сбалансированное региональное развитие», «Обеспечение национальной безопасности»⁶, можно считать ценность правовой государственности; ценность федеративного устройства, включающую равноправие и самоопределение народов, равноправие субъектов Российской Федерации и разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, целостность и неприкосновенность государственной территории, а также конституционную ценность прав и свобод человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых – обязанность государства, имеющая различные формы детализации.

В частности, государственная программа «Юстиция»⁷, являясь достаточно многоаспектной, отражает в своем содержании ряд разнообразных конституционных ценностей. В первую очередь Программа реализует ценность правового государства (ч. 1 ст. 1 Конституции), включающую гарантию судебной защиты прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 46 Конституции) и обеспечение потерпевшим доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции), и верховенства закона (ч. 2 ст. 4, ч. 2 ст. 15 Конституции) посредством определения в качестве целей Программы развития в обществе правовой модели поведения граждан; преодоления правового

⁶ Портал государственных программ Российской Федерации ...

⁷ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 312 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18, ч. 2, ст. 2158.

нигилизма; поддержания устойчивого уважения к закону. Видится, что в основе последней цели Программы лежат, в частности, конституционные положения, согласно которым в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55 Конституции), права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции).

Ценность человека, его прав и свобод, обеспечиваемых правосудием (ст. 18 Конституции), признание, соблюдение и защита которых – обязанность государства (ст. 2 Конституции), реализуется в Программе путем установления повышения уровня защиты публичных интересов, реализации прав граждан и организаций в качестве приоритетных задач Программы.

Задача Программы по обеспечению установленного порядка деятельности судов позволяет реализовать, во-первых, ценность разделения власти, согласно которой суды наравне с другими органами осуществляют государственную власть Российской Федерации (ст. 11 Конституции), при этом органы судебной власти самостоятельны (ст. 10 Конституции); во-вторых, уже рассмотренную ценность законности, поскольку порядок деятельности судов устанавливается законом, о чем свидетельствует, в частности, изобилие оговорок «в случаях установленных федеральным законом», «федеральным законом могут устанавливаться» или их аналогий в содержании конституционных положений, посвященных судебной власти; и, в-третьих, ценности государственной целостности и единства государ-

ственной власти, включающие разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 5 Конституции), согласно которому к исключительному ведению Российской Федерации относятся: регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина (п. «в» ст. 71 Конституции); судоустройство; прокуратура; уголовное и уголовно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское законодательство; процессуальное законодательство; правовое регулирование интеллектуальной собственности (п. «о» ст. 71 Конституции), а к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов – защита прав и свобод человека и гражданина; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности (п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции); административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды (п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции); кадры судебных и правоохранительных органов; адвокатура, нотариат (п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции), что опосредованно согласуется с иными задачами Программы, в перечень которых входит: разработка общей стратегии в сфере судебно-экспертной деятельности и модернизация федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации; повышение уровня исполнения судебных актов и уголовных наказаний, включая разработку общей стратегии государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний; повышение уровня исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, включая модернизацию системы принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц.

В рамках изучения процесса реализации конституционных ценностей в содержании государственных программ необходимо принимать во внимание и общие характеристики Конституции как ядра правовой основы государственной и общественной жизни Российской Федерации, и «ведомственные», отраслевые особенности отдельных государственно-программных направлений и государственных программ, выступающих сферой реализации конституционных ценностей. Кроме того, существенными факторами реализации конституционных ценностей в государственных программах выступает конкретная социально-экономическая и политическая практика, обуславливающая действие Конституции в целом и ее отдельных положений.

В контексте сказанного необходимо прежде всего разграничить понятия «действие» и «реализация» конституционных норм, которые, несмотря на сходство, имеют определенные смысловые различия.

Действие конституционных норм – это «проявление всех свойств и качеств Конституции, выражающих ее способность оказывать влияние на поведение социальных субъектов» [2, с. 62]. Действие Конституции предполагает ее готовность фактически воздействовать на общественные отношения, а реализация Конституции имеет место, когда действием Конституции воспользовались соответствующие субъекты и ее регулятивное воздействие приобрело конкретную объективированную направленность. Другими словами, действие Конституции создает юридическую возможность ее реализации. Таким образом, реализация конституционных норм – одна из составных частей их действия. Сказанное находит подтверждение в ряде позиций представителей юридической науки.

Так, Д. А. Керимов полагает, что «действие права – это более широкое понятие,

чем реализация правовых норм. В свою очередь реализация правовых норм – это более высокая ступень действия права» [5, с. 171]. Аналогичную точку зрения высказывает Л. А. Морозова, считая, что реализация конституционных норм – это одна из форм действия Конституции, связанная с его юридическим механизмом и составляющая его неотъемлемую структурную часть [6, с. 99].

Воздействие конституционных ценностей на поведение индивидов, их групп и общества в целом представляет собой важный аспект действия права, результаты которого находят свое выражение в социальном поведении, практической деятельности субъектов общественных отношений, что по факту является реализацией права⁸, которая может быть охарактеризована как «воплощение правовых предписаний в фактической деятельности субъектов права, осуществление соответствующих требований в правомерном поведении, в общественной практике, которая заключается в совершении субъектом юридически значимой деятельности в форме соблюдения запретов, исполнения юридических обязанностей и использования субъективных прав» [2, с. 62].

Реализация конституционных ценностей представляет собой определенный процесс, предполагающий наличие системы средств и мер, направленных на воплощение в жизнь ценностных положений действующей Конституции, достижение заложенных в ней социальных целей, также выступающих в качестве конституционных ценностей.

Применительно к реализации конституционных ценностей в государственных программах Российской Федерации следует иметь в виду правомерную системную активную деятельность различных государственных органов и должностных лиц, а также граждан и их объединений, направленную на достижение целей и ожидаемых

⁸ Венгеров А. Б. Теория государства и права : учеб. М. : ОМЕГА-Л, 2005. С. 503.

результатов отдельных государственных программ, государственно-программных направлений и государственного стратегического развития в целом.

Реализация конституционных ценностей в государственных программах Российской Федерации осуществляется в рамках определенной системы координат и предполагает согласование целей и задач как конституционно-правового, так и государственно-программного регулирования. Следовательно, конечным результатом такой реализации выступает достижение соответствия между требованиями аксиологических положений Конституции Российской Федерации и совокупностью действий, фактически совершенных уполномоченными государственными органами и должностными лицами в процессе разработки, принятия и выполнения государственных программ в различных сферах жизнедеятельности общества и государства. Установление подобного тождества позволяет говорить о реализованности конституционных ценностей в содержании государственных программ Российской Федерации.

Сложность, многоаспектность и многозадачность процесса реализации конституционных ценностей в государственных программах Российской Федерации свидетельствует о необходимости наличия специфического механизма такой реализации, который может и должен выступать самостоятельным предметом научного исследования. Однако не менее значимыми для изучаемого процесса представляются и определенные юридические свойства Конституции общего характера.

Юридические свойства Конституции и их влияние на процесс реализации конституционных ценностей в содержании государственных программ Российской Федерации

Применительно к реализации конституционных ценностей в государственных

программах Российской Федерации особый смысл приобретает такое свойство Конституции, как реальность. Следует отметить, что в содержании самой Конституции отсутствует указание на данную характеристику Основного Закона, в отличие, например, от характеристик прямого действия, верховенства Конституции и др., нашедших свое отражение в отдельных конституционно закрепленных положениях. Кроме того, реальность как свойство Конституции тесно связано с реальностью – видовой характеристикой Конституции (реальная Конституция в противовес Конституции фиктивной). Думается, что при наличии обеих характеристик (качественной и видовой) Конституция оказывает наиболее эффективное воздействие на процесс реализации своего ценностного содержания в государственных программах Российской Федерации.

Представляется, что отмеченное выше не исключает возможности рассмотрения реальности в качестве свойства Конституции и не умаляет его практической значимости. Очевидно, что адекватность и соответствие конституционно-правовых норм состоянию общества и тенденциям его развития обуславливают результативность необходимых социальных изменений и эффективность реализации конституционных положений. Иначе говоря, соответствие норм Основного Закона государства объективным закономерностям регулирования всей совокупности общественных отношений выступает одним из главных условий действенности Конституции. Значимость рассматриваемых характеристик Конституции для реализации ее аксиологических норм в содержании государственных программ обусловлена также и тем, что последние всегда разрабатываются, принимаются и воплощаются в жизнь с учетом конкретной социально-экономической и политической практики и действительности. Следовательно, установление соответствия между

ценностными идеями Конституции и целями, задачами и результатами государственных программ возможно лишь в случае подлинной реальности Конституции.

Прямое действие Конституции как ее неотъемлемое свойство аналогичным образом приобретает особую смысловую окраску в контексте рассмотрения процесса реализации конституционных ценностей в содержании государственных программ Российской Федерации. Прямое действие конституционно-правовых норм проявляется в том, что они выступают в качестве основы всех последующих законодательных и подзаконных актов, а также актов государственно-программного характера, положения которых должны находиться в полном соответствии с Основным Законом Российского государства. При этом данное свойство по-разному трактуется представителями юридической науки.

Так, Ю. А. Тихомиров полагает, что непосредственное действие всех конституционных норм сводится, во-первых, к их одновременному и немедленному вступлению в действие, поскольку каждая отдельная норма функционирует в системе Конституции как ее элемент, а во-вторых, к отсутствию общих правил и порядка приостановления или отсрочки исполнения каких-либо конституционных норм [7, с. 141].

С. Н. Братусь указывает на явную связь между прямым действием Конституции и неуклонным соблюдением законности. Автор высказывает мысль о том, что каждый, чьи права нарушены и при этом не обеспечены конкретизирующими конституционные положения правилами в текущем законодательстве, «вправе прибегнуть к аппарату государственного принуждения для защиты своего нарушенного и охраняемого в самой общей форме права» [8, с. 68].

Ю. И. Гревцов высказывает точку зрения, в соответствии с которой основным признаком (критерием) прямого действия Конституции выступает возможность реального применения ее нормы судебными органами. Если суды не могут защитить или признать субъективное право, закрепленное нормой Конституции, опираясь лишь на текст этой нормы, то нет реальных оснований рассматривать такую конституционную норму и Конституцию в целом как имеющие прямое действие [9, с. 96].

Другими словами, прямое действие Конституции позволяет гражданину требовать от государства обеспечения возможности воспользоваться нормой, входящей в текст Конституции, а государство в свою очередь обязано выполнить данное требование. Следовательно, правоприменительные органы, действующие от имени государства, вправе реализовать конституционное положение, не нуждаясь в каком-либо детализирующем акте, если необходимость существования и применения данного акта не предусмотрена самой Конституцией. Более того, правоприменительный орган вправе мотивировать свое решение непосредственной отсылкой к конкретной статье Основного Закона.

В данном контексте интерес представляет позиция Верховного Суда Российской Федерации относительно применения судами Конституции как акта прямого действия, выраженная в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»⁹. Пункт 2 данного постановления провозглашает, что ввиду высшей юридической силы и прямого действия Конституции судам при рассмотрении дел следует во всех необходимых случаях

⁹ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 31 окт. 1995 г. № 8 (ред. от 3 марта 2015 г.) // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1996. № 1 ; 2015. № 5.

применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия.

Кроме того, суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности: когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения; когда Конституционным Судом Российской Федерации выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации, если они в нем указаны.

В случаях, когда статья Конституции Российской Федерации является отсылочной, суды при рассмотрении дел должны применять закон, регулирующий возникшие правоотношения.

Приведенная позиция Верховного Суда РФ, во-первых, свидетельствует об авторитетной роли высших судебных органов в системе конституционно-правового регулирования [10], а во-вторых, позволяет сделать вывод, что конституционные нормы – это, в первую очередь, нормы прямого, непосредственного действия, однако им может быть присуще и сочетание непосредственного и опосредованного действия.

Вместе с тем в правовой науке высказываются мнения как против абсолютизации значимости Конституции в системе нормативных правовых актов различных уровня и юридической силы, так и против ограничения роли Конституции рамками «статуса» правовой базы для текущего законодательства [2, с. 64]. В данном вопросе разумной видится точка И. С. Само-

щенко, полагающего, что обе указанные позиции, взятые в отдельности, являются неверными, отражающими реальное положение вещей исключительно односторонним образом [11, с. 32].

Следует учитывать, что реальные механизмы и возможности прямого действия и непосредственного применения конституционных норм имеют различный характер. Ряд конституционных положений имеет указание на необходимость принятия федеральных конституционных и федеральных законов, посвященных, в том числе, реализации определенных конституционных норм. Многие нормы Конституции содержат прямую отсылку к конкретному закону, что очевидно и безусловно связывает конституционное положение с текущим законодательством. Другими словами, большинство норм Конституции реализуются совокупно с применением иных правовых актов [2, с. 65], однако это не дает оснований говорить о разделении действия Конституции на прямое и опосредованное и, тем более, противопоставлять их как две различные формы реализации Конституции. Детализация и конкретизация конституционных положений существуют одновременно и параллельно с прямым действием Конституции и выступают в качестве элементов механизма реализации конституционных норм.

В рамках указанного механизма в контексте обеспечения гарантий реального воплощения в жизнь прямого действия Конституции существенно возрастает ответственность государства, всех его должностных лиц и органов. С одной стороны, государство заинтересовано в повышении авторитета Конституции в правоприменительной деятельности и не должно ставить реализацию конституционных положений в прямую зависимость от наличия конкретизирующих их норм текущего законодательства. С другой стороны, необходимо обеспечить Конституцию

законодательными, подзаконными и программными актами, всецело отвечающими ее букве и духу.

Рассматривая свойства Конституции, особым образом проявляющиеся в процессе реализации ее ценностных положений в содержании государственных программ Российской Федерации, безусловно следует уделить внимание программному характеру Основного Закона Российского государства.

Программный характер как свойство Конституции находит выражение в ее нормах, определяющих и формирующих перспективы и цели развития общества и государства [12, с. 24]. В частности, программными конституционными нормами принято считать нормы, устанавливающие, что Российская Федерация – правовое, социальное государство и пр. Следует особо подчеркнуть, что для программных конституционных положений во многом характерно аксиологическая составляющая, равно как и конституционным ценностям в определенной степени присуща программная направленность.

Программный характер Конституции и ее соответствующее влияние на текущее законодательство, помимо формы идейного содержания общего плана, имеет форму конкретных правотворческих действий, к которым может быть отнесено: принятие нормативных правовых актов в развитие конституционных установлений, приведение правовых актов отраслевого законодательства в соответствие с Конституцией; воспроизведение в законодательных актах основных положений Конституции; разграничение нормотворческой компетенции между федерацией и ее субъектами, что обеспечивает единство правового пространства федерации¹⁰ [5, с. 84–85]. Стоит также отметить, что принцип развития

конституционных положений в текущих нормативных правовых актах выделяется конституционно-правовой наукой в качестве одного из основных правовых принципов реформирования Конституции, призванных выражать социально-правовые ценности, потребности и приоритеты¹¹ [13, с. 8–9].

При этом думается, что не только отраслевые законодательные и подзаконные акты обладают потенциалом для реализации конституционных ценностей программного плана. Представляется, что в настоящее время государственные программы Российской Федерации могут быть рассмотрены как активно функционирующая сфера реализации конституционных положений, в том числе и наделенных ценностным содержанием.

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В исследовании реализации конституционных ценностей в содержании государственных программ Российской Федерации особое научное и практическое значение приобретает вопрос о формах реализации соответствующих конституционных предписаний. Традиционными формами реализации правовых, а значит и конституционных установлений выступают соблюдение, исполнение, использование и применение. Особой формой реализации Конституции является обеспечение специально уполномоченными государственными органами соответствия законов и иных нормативных актов Конституции Российской Федерации. Однако для реализации конституционных ценностей в содержании государственных программ названные формы едва ли могут

¹⁰ Титова А. А. Конституция в системе российского законодательства (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 24.

¹¹ Киреев В. В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 30–31.

считаться достаточно эффективными. Для изучаемого явления наиболее адекватной видится такая форма, как отражение (в частности в виде конкретизации) в ключевых аспектах содержания государственной программы (цели, задачи, направления) положений, развивающих идеи той или иной конституционной ценности.

Из сказанного следует, что реализация конституционных ценностей в государственных программах РФ – процесс в каком-то смысле уникальный, не имеющий явных аналогов. Исключительный характер Конституции как Основного Закона и его ценностных положений наделяет процесс реализации конституционных норм определенной спецификой, которая становится все более очевидна в условиях конкретной социальной среды. Кроме того, особый характер реализации Конституции как единого акта усиливается за счет особенностей реализации ее отдельных положений, в частности тех, которые имеют аксиологическую направленность.

Реализация конституционных ценностей в содержании государственных программ – неоднородный, многообразный и длительный процесс, в который вовлечено огромное количество социальных субъектов, поскольку эффективность подобной реализации требует консолидации различных государственных и социальных ресурсов. Помимо этого, реализация отдельных конституционных ценностей в государственных программах может осуществляться лишь постепенно – по мере создания определенных условий политического, экономического, социального, духовного плана.

Представляется, что глобальной целью реализации конституционных ценностей в государственных программах Российской Федерации является общественный прогресс и стабильное развитие Российского государства как демократического, социального и правового. Степень при-

ближения общества и государства к указанной цели выступает критерием эффективности рассматриваемой реализации.

Специфика процесса реализации конституционных ценностей в государственных программах также обусловлена разнообразием аксиологических положений Конституции. Объем регулируемых отношений, сфера действия конституционных предписаний, степень их определенности и иные факторы влияют на форму отражения той или иной конституционной ценности в ключевых аспектах содержания государственной программы.

Следует обратить внимание на то, что одна из главных особенностей конституционных норм-ценностей сводится к тому, что последние наполняются конкретным содержанием в процессе их реализации, в том числе и в актах программного характера. Исходя из этого конкретизация конституционных ценностей может выступать эффективной формой их реализации в содержании государственных программ Российской Федерации.

Конкретизация конституционных ценностей в содержании государственных программ представляет собой сложный процесс трансформации общих конституционных требований в конкретные положения государственных программ, адресованные определенным социальным субъектам в рамках относительно узкой сферы. Таким образом, в процессе конкретизации осуществляется перевод конституционных предписаний с высокого уровня абстрактности на иной «технологический» уровень [2, с. 79], в результате чего сущность конституционных ценностных положений приобретает вид конкретных целей, задач, действий соответствующих субъектов.

По мнению В. О. Лучина, отличительной чертой современного этапа конституционного развития России является поиск конституционных решений, развивающих собственно нормативное содержание

Конституции. Результатом подобной тенденции становится то, что «буква и дух» Конституции могут полноценно реализоваться в конкретных социальных, экономических, политических, правовых и культурных условиях развития общества и государства [2, с. 80].

Думается, что конкретизация конституционных ценностей в содержании государственных программ – закономерный процесс, присущий действию права в целом, вытекающий из диалектической связи общего и частного, абстрактного и конкретного.

Реализация конституционных ценностей в содержании государственных программ путем конкретизации предполагает многоуровневость правового обеспечения. С одной стороны, это позволяет должным образом детализировать общие конституционные предписания применительно к какой-либо узкой сфере, однако, с другой стороны, многоступенчатость процесса реализации конституционных ценностей может привести к их деформации. Конституционные ценности в разрезе общественной практики в той или иной области могут быть неверно поняты, истолкованы, отражены и конкрети-

зированы. Следовательно, во избежание подобной деформации, реализация конституционных ценностей в содержании государственных программ должна быть системным, комплексным, единообразным и непротиворечивым процессом.

Заключение

В дополнение к сказанному стоит отметить, что для реализации конституционных ценностей в содержании государственных программ существенное значение имеют сложившаяся историческая ситуация, особенности действующего правового режима, характер международных отношений и пр.

Подводя итоги изложенному, необходимо подчеркнуть, что реализация конституционных ценностей в содержании государственных программ Российской Федерации не может быть сведена только к правомерному поведению участвующих в ней субъектов, но предполагает исключительно более высокую форму такого поведения – социально-правовую активность в сфере разработки, принятия и эффективного исполнения как отдельных государственных программ, так и государственных программных направлений в целом.

Список литературы

1. Pfersmann O. Unconstitutional Constitutional Amendments: a Normativist Approach // Zeitschrift für öffentliches Recht. 2012. Vol. 67. S. 81–113. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00708-012-0130-x>
2. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 688 с.
3. Лебедев В. А. Человек, его права и свободы как высшая конституционная ценность // Проблемы права. 2013. № 4 (42). С. 8–17.
4. Мальцев Г. В. Социально-экономические права и свободы граждан СССР и их гарантии // Советское государство и право. 1983. № 2. С. 115–123.
5. Керимов Д. А. Философские проблемы права : моногр. М. : Мысль, 1972. 472 с.
6. Морозова Л. А. Конституционное регулирование в СССР. М. : Юрид. лит., 1985. 144 с.
7. Тихомиров Ю. А. Конституционные правоотношения // Теоретические основы Советской Конституции / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М. : Наука, 1981. С. 140–148.
8. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М. : Юрид. лит., 1976. 216 с.
9. Гревцов Ю. И. Прямое действие Конституции? // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 94–99.
10. Democratizing Constitutional Law / ed. by T. Bustamante, B. G. Fernandes. Cham : Springer International Publishing, 2016. 328 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-28371-5>.
11. Самощенко И. С. Непосредственное действие Конституции // Советское государство и право. 1981. № 3. С. 26–35.
12. Микерин А. А. К вопросу об эффективности конституционного регулирования в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 4 (14). С. 22–25.

13. Киреев В. В. Принципы конституционной реформы: проблемы детерминации // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2008. № 2 (103). Вып. 14. С. 5–9.

References

1. Pfersmann O. Unconstitutional Constitutional Amendments: a Normativist Approach. *Zeitschrift für öffentliches Recht*. 2012;67:81-113. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00708-012-0130-x>
2. Luchin V. O. *The Constitution of the Russian Federation. Implementation Problems*. Moscow: YuNITI-DANA; 2015. 688 p. (In Russ.).
3. Lebedev V. A. The Person, Its Rights and Freedoms as the Supreme Constitutional Value. *Issues of Law*. 2013;4:8-17. (In Russ.).
4. Mal'tsev G. V. Socio-economic Rights and Freedoms of Citizens of the USSR and Their Guarantees. *Soviet State and Law*. 1983;2:115-123. (In Russ.).
5. Kerimov D. A. *Philosophical Problems of Law*. Moscow: Mysl' Publ.; 1972. 472 p. (In Russ.).
6. Morozova L. A. *Constitutional Regulation in the USSR*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1985. 144 p. (In Russ.).
7. Tikhomirov Yu. A. Constitutional Legal Relations. In: Topornin B. N. (Ed.). *Theoretical Foundations of the Soviet Constitution*. Moscow: Nauka Publ.; 1981. P. 140–148. (In Russ.).
8. Bratus' S. N. *Legal Liability and Legality*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1976. 216 p. (In Russ.).
9. Grevtsov Yu. I. Direct Action of the Constitution? *Journal of Russian Law*. 1998;6:94-99. (In Russ.).
10. Bustamante T., Fernandes B. G. (Eds.). *Democratizing Constitutional Law*. Cham: Springer International Publishing; 2016. 328 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-28371-5>
11. Samoshchenko I. S. Direct Action of the Constitution. *Soviet State and Law*. 1981;3:26-35. (In Russ.).
12. Mikerin A. A. On the Issue of the Effectiveness of Constitutional Regulation in Modern Russia. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 2013;4:22-25. (In Russ.).
13. Kireev V. V. *Theoretical Problems of Reforming the Constitution of the Russian Federation*. Ext. Abstr. Dr. Legal Sci. Dis. Chelyabinsk, 2010. 42 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александра Андреевна Суханова, старший преподаватель кафедры конституционного права и муниципального права, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Челябинского государственного университета (ул. Бр. Кашириных, 129, Челябинск, 454001, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2961-8835>; e-mail: saa1908@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra A. Sukhanova, Senior Lecturer of the Department of Constitutional Law and Municipal Law, Senior Lecturer of the Department of Public Prosecutions and Law Enforcement Organizations at the Chelyabinsk State University (129 Br. Kashirins st., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2961-8835>; e-mail: saa1908@yandex.ru

Поступила | Received
10.11.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
25.01.2022

Принята к публикации | Accepted
25.01.2022

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, АГРАРНОЕ ПРАВО Land Law, Natural Resources Law, Ecological Law, Agricultural Law

УДК 349.6:349.7(476)

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-54-67

EDN: CCOGAD

Оригинальная научная статья

Становление и развитие законодательства Республики Беларусь в области обращения с отходами атомной энергетики

С. А. Шестовская

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

 beatlesveta@gmail.com

Аннотация. В статье дается характеристика основных тенденций развития законодательства Республики Беларусь в области обращения с отходами атомной энергетики. Данным законодательством устанавливаются требования в отношении процедур выбора площадок для размещения установок, на которых происходит обращение с радиоактивными отходами, требования к проектированию, сооружению, эксплуатации и закрытию этих установок, а также проведению оценки безопасности соответствующих объектов. Правовое регулирование в данной области должно развиваться таким образом, чтобы было минимизировано отрицательное воздействие на окружающую среду, обеспечивалась защита экологических прав каждого. На основе авторского подхода выделяется периодизация нормативной правовой базы исследуемой области. Обозначены следующие этапы становления и развития законодательства в области обращения с отходами атомной энергетики в Республике Беларусь: 1 этап – советский (1954–1985 гг.); 2 этап – Чернобыльский (1986–1991 гг.); 3 этап – постсоветский (1992 г. по настоящее время). Указаны особенности, характерные для каждого периода. Данное деление является исторически обусловленным, поскольку влияние исторических фактов отражалось на развитии правового регулирования области обращения с отходами атомной энергетики. Отмечается также, что установление четкого разграничения компетенции Министерства по чрезвычайным ситуациям и Министерства здравоохранения в формировании нормативного регулирования в области обращения с отходами атомной энергетики позволит повысить качество правовой регламентации и будет способствовать обеспечению систематизации и кодификации законодательства исследуемой нами области. Делается вывод о необходимости совершенствования рассматриваемого законодательства в тесном взаимодействии представителей науки путем обмена научно-технической информацией (best practice), являющейся важным элементом научного, правового, экономического и технического развития.

Ключевые слова: радиоактивные отходы; атомная энергетика; развитие законодательства; акты СССР; правовое регулирование.

Для цитирования: Шестовская С. А. Становление и развитие законодательства Республики Беларусь в области обращения с отходами атомной энергетики // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 1. С. 54–67. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-54-67>. EDN: <https://elibrary.ru/ccogad>

Original scientific article

The Formation and Development of the Legislation of the Republic of Belarus in the Field of Nuclear Waste Management

S. A. Shastouskaya

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

✉ beatlesveta@gmail.com

Abstract. The article discusses the formation and development of the legislation of the Republic of Belarus in the field of nuclear waste management, gives a description of the main trends in its development. The legislation of the Republic of Belarus in the field of nuclear waste management establishes requirements for the procedures for selecting sites for the placement of facilities where radioactive waste is handled, requirements for the design, construction, operation and closure of these facilities, as well as for conducting a safety assessment of the relevant facilities. Legal regulation in this area should be developed in such a way that the negative impact on the environment is minimized and the environmental rights of everyone are protected. On the basis of the Author's approaches, the periodization of the regulatory legal framework of the study area is distinguished. The following stages of the formation and development of legislation in the field of nuclear waste management in the Republic of Belarus have been identified: Stage 1 – Soviet (1954–1985); Stage 2 – Chernobyl (1986–1991); Stage 3 – post-Soviet (1992–to the present), having their own characteristics characteristic of the corresponding period. This division is historically conditioned, since the influence of historical facts was reflected in the development of legal regulation in the field of nuclear waste management. It is also noted that the establishment of a clear delimitation of the competence of the Ministry of Emergency Situations and the Ministry of Health in establishing regulatory regulation in the field of nuclear waste management will improve the quality of legal regulation, and will help ensure the systematization and codification of the legislation of the area we are studying. It is concluded that it is necessary to improve legislation in the field of nuclear waste management in close cooperation between representatives of science, through the exchange of scientific and technical information (best practice), which is an important element of scientific, legal, economic and technical development.

Keywords: radioactive waste; nuclear power; development of legislation; acts of the USSR; legal regulation.

For citation: Shastouskaya S. A. The Formation and Development of the Legislation of the Republic of Belarus in the Field of Nuclear Waste Management. *Siberian Law Review*. 2022;19(1):54-67. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-54-67>. EDN: <https://elibrary.ru/ccogad> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Каждая страна, начинающая развивать атомную энергетику, сталкивается с решением вопросов, связанных с обращением с радиоактивными отходами, образующимися в результате деятельности атомных станций. Ядерные программы принимаются населением в большей степени позитивно, поскольку атомная энергетика позволяет решить экономические, социальные и экологические проблемы. Негативным последствием

от эксплуатации атомных электростанций являются радиоактивные отходы. При решении вопроса об удалении отходов атомной энергетики население, как правило, придерживается концепции “Not-In-My-Back-Yard” [1]. Мировым сообществом проблематика размещения, хранения и захоронения отходов атомной энергетики активно обсуждается. Поэтому существуют объективные причины для проведения соответствующих исследований.

Некоторые вопросы правового регулирования деятельности по использованию атомной энергии рассматривались в работах белорусских ученых О. А. Бакиновской [2], В. С. Каменкова [3], В. Г. Тихини [4] и др. Данными учеными обоснованно обращалось внимание на необходимость комплексного и системного подхода к совершенствованию структуры законодательства об атомной энергетике, устранению декларативности и неопределенности ряда положений нормативных правовых актов, определению на законодательном уровне границ и сферы применения ведомственных нормативных актов, обеспечению соответствия нормативных правовых актов нормам о ядерной и радиационной безопасности.

Следует отметить научные исследования, проведенные в Российской Федерации М. М. Бринчуком [5], М. И. Васильевой [6], А. И. Иойрышем [7, с. 197–220], О. А. Супатаевой [7, с. 3–197, 227–236] и другими учеными, обратившими внимание на проблематику правового регулирования охраны окружающей среды в связи с вредным воздействием ионизирующего излучения.

Вместе с тем в Республике Беларусь не проводилось комплексного анализа правового регулирования обращения с отходами атомной энергетике, исследованию подлежали отдельные аспекты данной темы. В связи с этим представляется актуальным анализ становления законодательства Республики Беларусь в области обращения с отходами атомной энергетике и изучение основных тенденций его развития.

Предпосылки становления законодательства в области обращения с отходами атомной энергетики

На становление и формирование законодательства Республики Беларусь, регулирующего общественные отношения в области обращения с отходами атомной энергетике, оказал влияние научно-технический прогресс и исторические события. Совет Министров СССР 16 мая 1950 г. принял постановление № 2030-788сс/оп «О научно-исследовательских, проектных и экспериментальных работах по использованию атомной энергии для мирных целей»¹. Главным итогом его реализации стал пуск первой в мире атомной электростанции, который состоялся 27 июня 1954 г. [8]. Выход на проектную мощность Обнинской АЭС послужил толчком для развития новой отрасли промышленности – атомной энергетике в союзном государстве, в состав которого входила Беларусь.

Нормативные правовые акты СССР, регулирующие вопросы обращения с радиоактивными отходами, действовали на территории Беларуси, союзной республики в составе СССР², и применялись в отношении всех субъектов хозяйствования, в том числе атомных станций, в деятельности которых образовывались радиоактивные отходы. Исключение составляли объекты Министерства обороны СССР³. Таким образом, на территории Беларуси до 1992 г. применялось республиканское и союзное законодательство, регулирующее вопросы обращения с радиоактивными отходами, впоследствии послужившее основой формирования национального законодательства Республики Беларусь.

¹ *Атомный проект СССР. Документы и материалы* : в 3 т. М. : Наука : Физматлит, 2005. Т. 2, кн. 5. Атомная бомба. 1945–1954 / под общ. ред. Л. Д. Рябева. С. 215–217.

² *Конституция* (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // История Советской Конституции. 1917–1956: в документах / сост.: А. А. Липатов, Н. Т. Савенков ; предисл. и общ. ред. С. С. Студеникина. М. : Госюриздат, 1957. С. 732, 737.

³ *Об основных санитарных правилах работы с радиоактивными веществами и другими источниками ионизирующих излучений и льготах военнослужащим с источниками ионизирующих излучений* : приказ Министра обороны СССР от 8 дек. 1983 г. № 285. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Государственным органом, осуществлявшим регулирование обращения с радиоактивными отходами, являлась Всесоюзная государственная санитарная инспекция при СНК СССР, образованная в 1935 г. В последующем данный орган вошел в состав Наркомата здравоохранения СССР⁴.

Государственный контроль за проведением мероприятий по обеспечению радиационной безопасности населения осуществлялся органами и учреждениями санитарно-эпидемиологической службы Главного санитарно-эпидемиологического управления в составе центрального аппарата Министерства здравоохранения СССР⁵. Функция по разработке и утверждению гигиенических норм, санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил по всем вопросам гигиены и эпидемиологии возлагалась на Министерство здравоохранения СССР⁶. Санитарные правила, устанавливающие требования в области обращения с радиоактивными веществами, включая радиоактивные отходы, утверждались главным санитарным инспектором, а с 1972 г. – главным санитарным врачом СССР. Применение, хранение, транспортирование источников ионизирующего излучения, переработка и обезвреживание радиоактивных отходов осуществлялись по разрешению и под контролем органов и учреждений Государственного санитарного надзора, которым представлялась вся информация, необходимая для оценки возможной радиационной опасности⁷.

На первоначальном этапе развития атомной отрасли Санитарные правила перевозки, хранения, учета и работы с радиоактивными веществами, утвержденные государственным санитарным инспектором СССР 14 января 1957 г. № 233-57 (далее – Правила 233-57), являлись одним из первых документов, устанавливающих правила по обращению с радиоактивными отходами. В Правилах 233-57 употребляются понятия «отбросы» и «отходы» в неструктурированном порядке, что позволяет сделать вывод об употреблении данных терминов как синонимов. Правила 233-57 содержали требования к помещениям, в которых осуществлялась работа с радиоактивными веществами, требования к обращению с радиоактивными изотопами, учету радиоактивных изотопов, меры индивидуальной защиты и личной гигиены. Четвертая глава указанных Правил посвящена описанию требований к удалению и обезвреживанию отбросов (отходов), содержащих радиоактивные изотопы, включая систему очистки твердых радиоактивных отходов, сбор отходов и временное их хранение, удаление (транспортировка), а также обезвреживание радиоактивных отходов.

Требования к хранению радиоактивных отходов устанавливались в зависимости от их характера (пп. 62–67, 77), что говорит о классификации (разделении) отходов в зависимости от физических и химических свойств. Например, для хранения жидких радиоактивных отбросов (отходов) применялись жестяные банки. Твердые радиоактивные отбросы (отходы) хранились в крафт-мешках (п. 64). Транспортировка радиоактивных отходов

⁴ Коржухина Т. П. Истрия и современная организация государственных учреждений СССР. 1917–1972 гг. : учеб. пособие / ред. Н. П. Ерошкин. М., 1974. С. 202.

⁵ Об основных санитарных правилах работы с радиоактивными веществами и другими источниками ионизирующих излучений и льготах военнослужащим с источниками ионизирующих излучений ...

⁶ О государственном санитарном надзоре в СССР : постановление Совета Министров СССР от 29 окт. 1963 г. № 1107. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ О государственном санитарном надзоре в СССР : постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1973 г. № 361. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

осуществлялась специальным автотранспортом (пп. 68–69), перемещаемым по установленным маршрутам (п. 73).

Правила 233-57 утратили силу с принятием Санитарных правил работы с радиоактивными веществами и источниками ионизирующих излучений, утвержденных Главным государственным санитарным инспектором СССР 25 июня 1960 г. № 333-60 и Председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по использованию атомной энергии 21 июля 1960 г. (далее – СП 333-60). Несмотря на наличие приложения 1 к СП 333-60, содержащего основные понятия, определение радиоактивных отходов (отходов атомной энергетики) в нем отсутствовало. Вместе с тем термин «радиоактивные отходы» употребляется по тексту СП 333-60. Правилами установлены требования к системе удаления и захоронения твердых и высокоактивных жидких отходов, содержащих радиоактивные вещества, требования к конструкциям для приемки радиоактивных отходов и их транспортировке, а также иные требования.

Однако более прогрессивными нам представляются Санитарные правила сбора, удаления и захоронения радиоактивных отходов, утвержденные заместителем Главного санитарного врача СССР 12 июня 1964 г. (далее – СП 477-64), которые впервые дают определение радиоактивных отходов. В соответствии с пунктом 10 СП 477-64 к радиоактивным отходам относятся жидкие или твердые отходы, содержащие радиоактивные вещества, в том случае, если их удельная активность превышает предельно допустимые концентрации радиоактивных изотопов в воде открытых водоемов более, чем в 100 раз, при периоде полураспада до 60 дней и более, чем в 10 раз, при периоде полураспада свыше 60 дней. В приложении 1 к СП 477-64 приводится перечень наиболее часто используемых изотопов для отнесения веществ к категории радиоактивных отходов.

По степени радиационной опасности радиоактивные отходы делят на две группы: слабоактивные (с удельной активностью 10^{-4} кюри/л(кюри/кг) и менее) и высокоактивные (с удельной активностью более 10^{-4} кюри/л(кюри/кг)).

Таким образом, для отдельного сбора радиоактивных отходов и определения способа обращения с ними СП 477-64 дают классификацию радиоактивных отходов в зависимости от вида. Радиоактивные отходы подразделяли на жидкие и твердые; по способу происхождения – на органические и неорганические; по периоду полураспада радионуклидов, находящихся в отходах, – более 15 суток и 15 суток и менее; взрыво- или огнеопасные и взрыво- или огнебезопасные.

Учитывая, что радиоактивные отходы любого происхождения рассматривались как возможный источник радиоактивной опасности, СП 477-64 содержали требования к сбору, временному хранению и захоронению, транспортировке. Для безопасного обращения с радиоактивными отходами разрабатывались специальные подробные инструкции, предусматривающие порядок сбора и удаления радиоактивных отходов и содержавшие подробное описание обращения, дезактивации, дозиметрического контроля, подготовку отходов к захоронению, а также маршрутов транспортировки и порядок работ на случай аварийного радиоактивного загрязнения.

Таким образом, на начальном этапе развития атомной отрасли исследуемое нами законодательство подробно регулировало вопросы обращения с радиоактивными отходами, включая отходы атомной энергетики. Применительно к каждому объекту (с учетом его деятельности), на котором образовывались радиоактивные отходы, разрабатывались инструкции по организации мероприятий, направленных на обеспечение радиационной безопасности при обращении с ними,

имелась классификация радиоактивных отходов, а также требования к обращению с радиоактивными отходами в зависимости от установленной классификации.

В дальнейшем требования к обращению с радиоактивными отходами устанавливались в Основных санитарных правилах работы с радиоактивными веществами и другими источниками ионизирующих излучений (далее – ОСП), утвержденных Главным санитарным врачом СССР 10 апреля 1972 г. (ОСП-72)⁸, переработанных в 1980 г. (ОСП-72/80)⁹ и 1987 г. (ОСП-72/87)¹⁰.

Утвержденные в 1972 году ОСП-72 содержали новое определение радиоактивных отходов, под которыми понимали радиоактивные препараты, непригодные для дальнейшего использования (п. 5.18 ОСП-72). В последующем данное определение пересматривалось и усовершенствовалось во всех принимаемых позже изданиях ОСП (п. 5.17 ОСП-72/80, п. 9.1 ОСП-72/87). Радиоактивные отходы подлежали своевременному списанию и сдаче на захоронение в сроки, согласованные с местными органами государственного санитарного надзора.

В целях обеспечения радиационной безопасности и сведения к минимуму воздействия ионизирующего излучения на человека и окружающую среду в ОСП устанавливались требования по обеспечению радиационной безопасности в соответствии с Основами законодательства СССР и союзных республик о здравоохранении с учетом Норм радиационной безопасности, Санитарных норм проектирования. ОСП являлись обязательными при проектировании, строительстве,

эксплуатации и реконструкции учреждений, цехов, участков, установок, предназначенных для работ с применением источников ионизирующего излучения. Соответствие установленным правилам при проектировании, сооружении, организации работ и выборе оборудования для объектов, на которых осуществлялось обращение с отходами атомной энергетики, рассматривалось как профилактические мероприятия. ОСП определяли общие требования к техническим характеристикам помещений, машин, упаковке радиоактивных отходов, перевозке и приемке радиоактивных отходов, составу и форме составляемых документов при обращении с радиоактивными отходами, содержали классификацию радиоактивных отходов по активности, периоду полураспада, огнеопасности, а также регулирование иных вопросов.

В зависимости от класса или вида радиоактивных отходов устанавливался способ обращения с ними. ОСП закрепляли требования к поставке, учету, хранению, перевозке, сбору, удалению, обезвреживанию радиоактивных отходов. Некоторые способы обращения с радиоактивными отходами могли детально прописываться в отдельных документах или ведомственных правилах (инструкциях) (п. 3.8 ОСП-72/87). Основная цель столь подробных инструкций – обеспечение безопасности при обращении с радиоактивными веществами. Для достижения данной цели проводились мероприятия, обеспечивающие безопасность, осуществлялся радиационный контроль за сбором, удалением и обезвреживанием радиоактивных твердых и жидких отходов.

⁸ Основные санитарные правила работы с радиоактивными веществами и другими источниками ионизирующих излучений : утв. Глав. гос. санитар. врачом СССР 10 апр. 1972 г. М. : Энергоатомиздат, 1972. 64 с.

⁹ Нормы радиационной безопасности НРБ-76 и основные санитарные правила работы с радиоактивными веществами и другими источниками ионизирующих излучений ОСП-72/80. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Энергоатомиздат, 1981. 95 с.

¹⁰ Нормы радиационной безопасности НРБ-76/87 и основные санитарные правила работы с радиоактивными веществами и другими источниками ионизирующих излучений ОСП-72/87. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Энергоатомиздат, 1988. 159 с.

Ответственность за выполнение ОСП возлагалась на руководителя организации. Кроме того, нарушение ОСП могло повлечь дисциплинарную или административную ответственность, а за наиболее грубые нарушения виновные могли привлекаться к уголовной ответственности по соответствующим статьям Уголовного кодекса БССР¹¹.

В соответствии с требованиями ОСП непосредственно для атомных станций разработаны и утверждены заместителем Министра здравоохранения СССР 29 августа 1979 г. № 615/9-79 Санитарные правила проектирования и эксплуатации атомных электростанций (СП АЭС-79). Данным документом определялись требования к выбору площадок установок для долговременного хранения радиоактивных отходов, требования к сбору, удалению, транспортировке, хранению и захоронению отходов атомной энергетики. Указывалось, что пуск в эксплуатацию каждого блока атомной электростанции возможен лишь при полной готовности очистных сооружений, хранилищ жидких и твердых радиоактивных отходов, предусмотренных проектом строительства данного блока атомной станции (п. 13.28 СП АЭС-79). Перед пуском в эксплуатацию хранилищ жидких и твердых радиоактивных отходов администрация атомной электростанции разрабатывала регламент работы хранилищ и инструкцию для персонала по безопасному проведению работ.

По характеру и степени загрязнения в СП АЭС-79 устанавливались способы обращения с отходами атомной энергетики, включая этап проектирования. В отношении жидких и твердых отходов введена классификация (пп. 13.3 и 13.18 СП АЭС-79). Основываясь на классификации, устанавливались требования к захоронению твердых отходов атомной энергетики (пп. 13.19–13.20, 13.25 СП АЭС-79).

Например, твердые отходы 1 и 2 групп радиоактивности подлежали захоронению в бетонные хранилища, толщина стен и перекрытий которых должна обеспечить механическую прочность сооружения и биологическую защиту. В целях обеспечения безопасности все работы с твердыми радиоактивными отходами были механизированными (п. 13.24 СП АЭС-79). Жидкие слабоактивные отходы атомной энергетики подлежали дезактивации на очистных сооружениях (п. 13.3 СП АЭС-79). Концентрированные радиоактивных отходы собирались для временного хранения в накопительные емкости, далее они подлежали обезвреживанию или отверждению с последующим захоронением в могильниках (п. 13.11 СП АЭС-79).

Анализ позволил нам выявить неточность формулировок в СП АЭС-79: введенная классификация не предусматривает наличия концентрированных радиоактивных отходов. Под концентрированными понимались среднеактивные и высокоактивные жидкие отходы атомной энергетики, имеющие значительную концентрацию радионуклидов. Однако твердые радиоактивные отходы могли также обладать высокой степенью концентрации. Полагаем, что термин «концентрированные» мог использоваться как для жидких, так и твердых радиоактивных отходов с определенного значения, установленного нормативным документом, по удельной активности. В СП АЭС-79 также употребляются термины «удаление» по отношению к жидким радиоактивным отходам и «захоронение» применительно к твердым отходам атомной энергетики, которые означают размещение радиоактивных отходов в окружающей среде без намерения их последующего извлечения. Данный вывод делаем, опираясь на определения и пояснения технических терминов, приведенных в Глоссарии МАГАТЭ по вопросам

¹¹ Уголовный кодекс Белорусской ССР : комментарий / И. И. Горелик [и др.] ; под общ. ред. С. Т. Шардыко, Г. Ф. Басова. Минск : Гос. изд-во БССР, Редакция науч.-технич. лит., 1963. С. 213.

безопасности, поскольку в СП АЭС-79 нет определений этих терминов. Согласно Глоссарию МАГАТЭ по вопросам безопасности термин «удаление» (англ. *disposal*) «используется в смысле удаления применительно к сборам эфлюентов (газообразным выбросам и жидким сбросам) в окружающую среду»¹².

Из рассмотренного выше следует, что правовое регулирование области обращения с отходами атомной энергетики в СССР, в состав которого входила БССР, имело подробное регулирование и следовало по пути развития научно-технического прогресса. Наличие в стране богатых природных ресурсов и огромного научно-технического потенциала позволяло проводить научные исследования и разработки, которые создавали основу для развития новых общественных отношений, подробно регламентированных техническими нормами.

Влияние аварии на Чернобыльской АЭС на развитие законодательства в области обращения с отходами атомной энергетики

Последствия инцидента, произошедшего в 1986 г. на Чернобыльской АЭС, послужили основанием для развития законодательства социальной и экологической направленности¹³. Как отмечает профессор Д. М. Демичев, «экологическое и биологическое воздействие чернобыльской катастрофы на человека и окружающую среду вызвало необходимость решения неведомых ранее глобальных задач пла-

нетарного масштаба, затрагивающих все стороны общественной жизни, экономики, культуры, права. Ее последствия выявили сложный комплекс проблем правового характера, связанный с разработкой и созданием нормативно-правовой базы, регулирующей правоотношения в данной сфере»¹⁴. В нормативных правовых актах, изданных после аварии, содержалась информация о неудовлетворительном состоянии дел в области использования атомной энергии, значительной перегрузке в работе лабораторий санэпидслужбы, а также непринятии достаточных исчерпывающих мер по сокращению радиационного загрязнения¹⁵. В связи с этим возникла необходимость создания в 1987 г. общесоюзного Министерства атомной энергетики СССР, входящего в состав топливно-энергетического комплекса СССР и осуществляющего свою деятельность под непосредственным руководством Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу. На Министерство атомной энергетики СССР возлагалось руководство эксплуатацией атомных электростанций, атомных теплоэлектроцентралей, атомных станций теплоснабжения и других объектов, предназначенных для производства электрической и тепловой энергии с использованием ядерного топлива. В части управления радиоактивными отходами атомных станций Министерство атомной энергетики СССР обеспечивало сбор и захоронение радиоактивных отходов атомных станций¹⁶.

В целях снижения радиационного воздействия на население и экологические

¹² Глоссарий МАГАТЭ по вопросам безопасности // Международное агентство по атомной энергии. URL: <https://www.iaea.org/publications/search?keywords=glossary&Search=Search&page=1>

¹³ Демичев Д. М. Государственно-правовые проблемы преодоления последствий Чернобыльской катастрофы (по материалам Республики Беларусь 1986–1996 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 1997. С. 76.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ О мерах по ускорению реализации Государственной программы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС: постановление Верхов. Совета БССР от 19 июля 1990 г. № 163-XII // ЭТАЛОН: нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

¹⁶ Положение о Министерстве по атомной энергетике СССР: постановление Совета Министров СССР от 8 апр. 1987 г. № 419. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

системы 12 ноября 1991 г. был принят Закон Республики Беларусь № 1227-ХП «О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС». Данным Законом урегулированы отдельные вопросы обращения с радиоактивными отходами (отходы дезактивации), образовавшимися в результате аварии на Чернобыльской АЭС. Для территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению, установлен особый правовой режим¹⁷, а в отношении радиоактивных отходов, закреплено соответствующее государственное регулирование. Таким образом, радиоактивные отходы, образовавшиеся в результате аварии на Чернобыльской АЭС, законодательно выделены в отдельную группу, для которых установлено особое правовое регулирование.

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

В дальнейшем белорусское законодательство постсоветского периода характеризуется активным вовлечением Республики Беларусь в международные отношения, придававшие импульс развитию национального законодательства. Важным шагом на пути устойчивого развития стало присоединение Республики Беларусь к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте¹⁸ и Конвенции о доступе

к информации, участию общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды¹⁹, а также принятие Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды»²⁰. Положения указанных актов способствуют совершенствованию механизма реализации прав граждан, общественных объединений и иных юридических лиц, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды, принимать участие в общественных обсуждениях проектов экологически значимых решений, которые могут оказывать воздействие на окружающую среду.

Необходимо отметить, что заключались международные документы в области использования атомной энергии. В соответствии с многосторонним Соглашением об основных принципах сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, заключенным 26 июня 1992 г. в г. Минске²¹, осуществление совместной промышленной деятельности по использованию атомной энергии могло включать совместное владение или эксплуатацию ядерных установок, оборудования, проведение совместных мероприятий по предотвращению ядерной аварии и ликвидации ее последствий, обмен информацией, защите окружающей среды и подготовке персонала и другое. Руководствуясь принципами, закрепленными в указанном Соглашении, Правительство Республики Беларусь и Правительство Российской Федерации 28 мая 2009 г.

¹⁷ Карпович Н. А. Теоретические проблемы реализации экологической функции государства : дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2009. С. 43.

¹⁸ *Аб прыняцці Рэспублікай Беларусь Канвенцыі аб ацэнцы ўздзеяння на навакольнае асяроддзе ў трансгранічным кантэксце* : указ Президента Респ. Беларусь от 20 окт. 2005 г. № 487 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

¹⁹ *Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды* : указ Президента Респ. Беларусь от 14 дек. 1999 г. № 726 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

²⁰ *Об охране окружающей среды* : закон Респ. Беларусь от 26 нояб. 1992 г. № 1982-ХП // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

²¹ *Соглашение об основных принципах сотрудничества в области мирного использования атомной энергии* : заключено в г. Минске 26 июня 1992 г. // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

подписали Соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях²². Межправительственное Соглашение содержит положения, в частности, по осуществлению сотрудничества в области обращения с облученным ядерным топливом и радиоактивными отходами. Вместе с тем не предусматривается передача технологий и установок для химической переработки облученного ядерного топлива, изотопного обогащения урана и производства тяжелой воды, их основных компонентов или любых предметов, произведенных на их основе, а также урана с обогащением 20 процентов и более по изотопу урана-235, плутония и тяжелой воды.

Вопросы переработки отработавшего в реакторах энергоблоков АЭС ядерного топлива закреплены в Соглашении между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Беларусь атомной электростанции, заключенном в г. Минске 15 марта 2011 г.²³ В соответствии с указанным Соглашением отработавшее в реакторах энергоблоков АЭС ядерное топливо, приобретенное у российских исполняющих организаций, подлежит возврату в Российскую Федерацию для переработки на условиях, определяемых Сторонами в отдельном соглашении, которое в настоящий момент отсутствует.

Основой укрепления национальных мер, направленных на безопасность обращения с отходами атомной энергетики, выступают положения Объединенной

конвенции Международного агентства по атомной энергии «О безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами», заключенной в г. Вене 5 сентября 1997 г., которые нашли отражение в Законе Республики Беларусь от 30 июля 2008 г. № 426-З «Об использовании атомной энергии»²⁴. В соответствии со ст. 1 данного Закона обращение с отходами атомной энергетики является деятельностью по использованию атомной энергии. Данным Законом определены государственные органы, осуществляющие государственное управление и регулирование в области использования атомной энергии (ст.ст. 5–8), требования к принятию решений о размещении и сооружении ядерной установки и (или) пункта хранения (ст. 14), заложены основы лицензирования (ст. 10), установлены требования по вопросам физической защиты отходов атомной энергетики (ст.ст. 22–24) и системы учета и контроля отходов атомной энергетики (ст. 12) и иные требования.

Установив компетенцию государственных органов, Закон «Об использовании атомной энергии» наделил Совет Министров Республики Беларусь следующими полномочиями в области обращения с отходами атомной энергетики: принятие решений о размещении, проектировании, сооружении, вводе эксплуатации, продлении срока эксплуатации, ограничении эксплуатационных характеристик и выводе из эксплуатации пункта хранения; определение республиканского органа государственного управления

²² *Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях* : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 29 авг. 2009 г. № 1125 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

²³ *Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Беларусь атомной электростанции* : ратифицировано Законом Респ. Беларусь от 25 нояб. 2011 г. № 321-З // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

²⁴ *Об использовании атомной энергии* : закон Респ. Беларусь от 30 июля 2008 г. № 426-З : принят Палатой представителей 24 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

или государственной организации, в ведении которых находится пункт хранения; определение условий и порядка обеспечения физической защиты пункта хранения, а также порядка осуществления государственного надзора за обеспечением физической защиты пункта хранения и др. В пределах своей компетенции в области обращения с отходами атомной энергетики Советом Министров Республики Беларусь утверждены Стратегия обращения с радиоактивными отходами Белорусской атомной электростанции²⁵ и Стратегия обращения с отработавшим ядерным топливом Белорусской атомной электростанции²⁶, Положение о физической защите объектов использования атомной энергии²⁷, регламентированы отношения, связанные с порядком перемещения радиоактивных отходов²⁸, установлен порядок организации и проведения общественных обсуждений проектов экологически значимых решений, экологических докладов по стратегической экологической оценке, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, учета принятых экологически значимых решений²⁹, а также приняты другие постановления.

Стратегия обращения с радиоактивными отходами Белорусской атомной электростанции, утвержденная постановлением Совета Министров Республики

Беларусь от 2 июня 2015 г. № 460, содержит основные направления деятельности по безопасному обращению с отходами атомной энергетики. Реализация Стратегии рассчитана на период до 2082 г., в течение которого будет совершенствоваться система обращения с отходами энергетики. В Стратегии также указаны положения по финансированию мероприятий, предусмотренных Стратегией, и ожидаемые результаты.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии» государственное регулирование по обеспечению безопасности при обращении с отходами атомной энергетики осуществляют Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, Министерство здравоохранения Республики Беларусь, Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Комитет государственной безопасности Республики Беларусь, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь (ст. 7).

В целях обеспечения ядерной и радиационной безопасности Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь в форме постановлений принимает нормативные правовые акты

²⁵ Об утверждении Стратегии обращения с радиоактивными отходами Белорусской атомной станции : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 июня 2015 г. № 460 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

²⁶ Об утверждении Стратегии обращения с отработавшим ядерным топливом Белорусской атомной электростанции : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 22 авг. 2019 г. № 558 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

²⁷ О физической защите объектов использования атомной энергии : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14 июня 2019 г. № 385 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

²⁸ Правила по обеспечению безопасной перевозки опасных грузов автомобильным транспортом в Республике Беларусь : постановление М-ва по чрезвычайным ситуациям Респ. Беларусь от 8 дек. 2010 г. № 61 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

²⁹ Об утверждении положения о порядке организации и проведения общественных обсуждений проектов экологически значимых решений, экологических докладов по стратегической экологической оценке, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, учета принятых экологически значимых решений и внесении изменений и дополнения в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14 июня 2016 г. № 458 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

и технические нормативные правовые акты, регулирующие обращение с отходами атомной энергетики. Нормами и правилами по обеспечению ядерной и радиационной безопасности урегулированы вопросы по установлению общих положений при обращении с радиоактивными отходами³⁰ и правила безопасности при обращении с радиоактивными отходами атомных электростанций³¹, установлены принципы, критерии и основные требования безопасности при захоронении радиоактивных отходов³², приняты другие правовые акты в области обращения с отходами атомной энергетики.

Требования радиационной безопасности при обращении с отходами атомной энергетики, обеспечивающие безопасность персонала и населения, содержатся в документах Министерства здравоохранения Республики Беларусь. Министерство здравоохранения Республики Беларусь в соответствии с возложенными на него задачами разрабатывает гигиенические нормативы, специфические санитарно-эпидемиологические требования, в том числе, к содержанию и эксплуатации радиационных объектов, объектов использования атомной энергии и других потенциально опасных объектов, а также к установлению санитарно-защитных зон объектов, являющихся объектами воздействия на здоровье человека и окружающую среду, организации и проведению

санитарно-противоэпидемических мероприятий, процедурам их контроля, условиям труда работающих³³.

На наш взгляд, между компетенцией по обеспечению радиационной безопасности, устанавливаемой Министерством по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, и компетенцией по обеспечению радиационной безопасности персонала и населения, устанавливаемой Министерством здравоохранения Республики Беларусь, достаточно тонкая грань, что на практике может вызывать трудности в процессе нормотворчества и в правоприменении. Данное разделение компетенции имеет свои исторические корни: с момента возникновения отношений по поводу безопасного обращения с радиоактивными отходами на протяжении длительного периода ключевая роль в установлении регулирующих требований принадлежала органу государственного управления, входившему в систему здравоохранения.

Анализируя вопросы о разграничении компетенции, белорусский ученый-правовед О. И. Чуприс указывает на необходимость совершенствования законодательства Республики Беларусь в части четкого закрепления «конкретной компетенции органов госуправления и их структурных подразделений» [9]. В связи с этим полагаем, что установление четкого разграничения компетенции Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики

³⁰ *Нормы и правила по обеспечению ядерной и радиационной безопасности «Безопасность при обращении с радиоактивными отходами. Общие положения»* : постановление М-ва по чрезвычайным ситуациям Респ. Беларусь от 28 сент. 2010 г. № 47 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

³¹ *Нормы и правила по обеспечению ядерной и радиационной безопасности «Правила безопасности при обращении с радиоактивными отходами атомных электростанций»* : постановление М-ва по чрезвычайным ситуациям Респ. Беларусь от 12 окт. 2017 г. № 43 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

³² *Нормы и правила по обеспечению ядерной и радиационной безопасности «Захоронение радиоактивных отходов. Принципы, критерии и основные требования безопасности»* : постановление М-ва по чрезвычайным ситуациям Респ. Беларусь от 20 янв. 2012 г. № 7 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

³³ *О некоторых вопросах Министерства здравоохранения и мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 360* : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28 окт. 2011 г. № 1446 // ЭТАЛОН : нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by>

Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь в установлении нормативного регулирования в области обращения с отходами атомной энергетики позволит повысить качество правовой регламентации и будет способствовать обеспечению систематизации и кодификации законодательства исследуемой нами области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования отметим, что систему белорусского законодательства, регулирующего обращение с отходами атомной энергетики, составляют международно-правовые акты, законы и акты законодательства, в которых устанавливаются требования в отношении процедур по выбору площадок для размещения установок, на которых происходит обращение с радиоактивными отходами, требования к проектированию, сооружению, эксплуатации и закрытию установок, проведению оценки безопасности данных объектов, устанавливаются требования по обращению с отходами атомной энергетики, а также регулируются иные вопросы.

Оценивая массив законодательства Республики Беларусь в области обращения с отходами атомной энергетики с момента сооружения первой атомной

электростанции на территории СССР, полагаем возможным сделать вывод о динамичном, всестороннем характере развития нормативно-правового регулирования. В результате нашего исследования представляется обоснованным выделить следующие этапы становления и развития законодательства в области обращения с отходами атомной энергетики в Республике Беларусь: 1 этап – советский (1954–1985 гг.); 2 этап – Чернобыльский (1986–1991 гг.); 3 этап – постсоветский (1992 г. по настоящее время), имеющие свои особенности, характерные для соответствующего периода. Данное деление является исторически обусловленным, поскольку влияние исторических фактов отражалось на развитии правового регулирования области обращения с отходами атомной энергетики. Следует отметить то обстоятельство, что уже на начальном этапе эксплуатации атомных станций установлены требования в отношении радиоактивных отходов: к системе их очистки, перевозке, к оборудованию и помещениям, в которых осуществлялось обращение с радиоактивными отходами, существовала классификация радиоактивных отходов, что позволяло на этапе образования определить подходящий способ обращения с радиоактивными отходами с учетом их свойств и физико-химических характеристик.

Список литературы

1. Local Opposition and Acceptance of a Deep Geological Repository of Radioactive Waste in the Czech Republic: a Frame Analysis / P. Ocelic, J. Osička, V. Zapletalová, F. Černoch, B. Dančák // *Energy Policy*. 2017. Vol. 105 (C). P. 458–466. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.enpol.2017.03.025>
2. Бакиновская О. А. Некоторые вопросы правового регулирования производства и потребления энергии, повышения энергоэффективности в контексте совершенствования механизмов регулирования воздействия на климат в Республике Беларусь // *Право в современном белорусском обществе* : сб. науч. тр. / гл. ред. Н. А. Карпович. Минск : Колорград, 2018. Вып. 13. С. 538–543.
3. Каменков В. С. Правовое регулирование использование атомной энергии в Беларуси // *Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь*. 2008. № 15. С. 7–19.
4. Тихиня В. Г. Атомная энергетика и право: общий взгляд на проблему (на материалах Республики Беларусь) // *Актуальные проблемы развития современного белорусского государства и права* : материалы Республикан. науч.-практ. конф. (Гродно, 16–17 апр. 2010 г.) / отв. ред. Н. В. Мисаревич. Гродно : Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы, 2010. С. 19–23.
5. Бринчук М. М. Принципы экологического права : моногр. М. : Юрлитинформ, 2013. 208 с.
6. Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. 424 с.

7. Иойрыш А. И., Супатаева О. А., Парик Р. Ю. Государственный надзор за обеспечением безопасности атомной энергетики: правовые проблемы. М. : Наука, 1991. 240 с.
8. Хализева М. Миссия первой АЭС // Наука в России. 2014. № 5. С. 45–52.
9. Чуприс О. И. Проблемы правового закрепления компетенции органов государственного управления в Республике Беларусь // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2012. № 3. С. 85–91.

References

1. Ocelić R., Osička J., Zapletalová V., Černoch F., Dančák B. Local Opposition and Acceptance of a Deep Geological Repository of Radioactive Waste in the Czech Republic: a Frame Analysis. *Energy Policy*. 2017;105(C):458–466. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.enpol.2017.03.025>
2. Bakinovskaya O. A. Some Issues of Legal Regulation of Energy Production and Consumption, Increasing Energy Efficiency in the Context of Improving the Mechanisms for Regulating the Impact on Climate in the Republic of Belarus. In: Karpovich N. A. (Ed.). *Law in the Modern Belarusian Society. Iss. 13*. Minsk: Kolograd Publ.; 2018. P. 538–543. (In Russ.).
3. Kamenkov V. S. Legal Regulation of the Use of Atomic Energy in Belarus. *Bulletin of the Supreme Economic Court of the Republic of Belarus*. 2008;15:7–19. (In Russ.).
4. Tikhinya V. G. Nuclear Energy and Law: a General View of the Problem (Based on the Materials of the Republic of Belarus). In: Misarevich N. V. (Ed.). *Actual Problems of the Development of the Modern Belarusian State and Law*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno Publ.; 2010. P. 19–23. (In Russ.).
5. Brinchuk M. M. *Principles of Environmental Law*. Moscow: Yurлитinform; 2013. 208 p. (In Russ.).
6. Vasil'eva M. I. *Public Interests in Environmental Law*. Moscow: Moscow University Publ.; 2003. 424 p. (In Russ.).
7. Ioiysh A. I., Supataeva O. A., Parik R. Yu. *State Supervision Over Ensuring the Safety of Nuclear Energy: Legal Problems*. Moscow: Nauka Publ., 1991. 240 p. (In Russ.).
8. Khalizeva M. Mission of the First Nuclear Power Plant. *Science in Russia*. 2014;5:45–52. (In Russ.).
9. Chupris O. I. Problems of Legal Regulation of the Governmental Bodies' Competence in the Republic of Belarus. *Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University*. 2012;3:85–91. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Алексеевна Шестовская, соискатель кафедры экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (пр. Независимости, 4, Минск, 220030, Республика Беларусь); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9929-2960>; e-mail: beatlesveta@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Sviatlana A. Shastouskaya, postgraduate student of the Department of Environmental and Agrarian Law at the Belarusian State University (4 Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030, Republic of Belarus); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9929-2960>; e-mail: beatlesveta@gmail.com

Поступила | Received
05.11.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
02.02.2022

Принята к публикации | Accepted
02.02.2022

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО Criminal Law And Criminology, Penitentiary Law

УДК 343.13:98(470+571)(474.3)
DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-68-90
EDN: CIUAOV

Оригинальная научная статья

Производство судебной экспертизы и процессуальный статус сведущих лиц в уголовных процессах России и Латвии

Б. А. Лукичев

Урало-Сибирская коллегия адвокатов, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ lukichev_b@mail.ru

С. Г. Алексеев

Уральский научно-исследовательский институт ВДПО, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ 3608113@mail.ru

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих организацию судебно-экспертной деятельности, а также правовой статус сведущих лиц в уголовных процессах России и Латвии. Сравнительно-правовой анализ нормативных актов состоит в сопоставлении предписаний правовых норм, законодательных терминов и дефиниций, позволяющем увидеть общее и особенное, типичное и уникальное в регламентации судебно-экспертной деятельности, а также правах и обязанностях, объеме и характере процессуальных функций сведущих лиц в уголовных процессах России и Латвии. Исследование выполнено на основе последних редакций уголовно-процессуальных законов (кодексов), законов в области организации судебно-экспертной деятельности России и Латвии, подзаконных нормативных актов, а также других первоисточников, в том числе зарубежных, на языке оригинала. Сведущими лицами, т. е. лицами, применяющими специальные знания в уголовном процессе России, являются эксперты и специалисты, в Латвии – эксперты, ревизоры и специалисты. Правовой статус сведущих лиц в уголовных процессах России и Латвии во многом сопоставим, но не тождественен. И, несмотря на трансформацию уголовно-процессуального законодательства Латвии в соответствии с международно-правовыми нормами и стандартами Европейского союза, в латвийском уголовном процессе было сохранено положение советского права о применении сведущими лицами специальных знаний в судопроизводстве. Уголовно-процессуальный кодекс России классифицирует эксперта и специалиста в качестве иных участников уголовного судопроизводства, т. е. лиц, выполняющих функцию содействия правосудию. Тогда как Уголовно-процессуальный закон Латвии относит эксперта и ревизора к лицам, имеющим полномочия в уголовном процессе, специалиста – к другим лицам, вовлеченным в уголовный процесс. И если эксперт и ревизор в Уголовно-процессуальном законе Латвии рассматриваются в качестве самостоятельных участников уголовного процесса, то роль специалиста в судопроизводстве сведена до уровня «вспомогательного персонала». Эксперт и ревизор согласно требованиям Уголовно-процессуального закона Латвии вовлекаются в уголовный процесс для дачи заключения и выполнения обязанности по обеспечению доказательств, т. е. в качестве «средств обеспечения судебного доказывания». Специалист – для оказания помощи должностным лицам, производящим процессуальные действия, в фиксации хода и результатов их проведения, использовании технических средств по выявлению обстоятельств, имеющих значение для дела, но без проведения практических исследований в поиске следов преступного

© Лукичев Б. А., Алексеев С. Г., 2022

действия. Результаты проведенного сравнительно-правового анализа нормативных актов, регламентирующих права, обязанности, объем и характер процессуальных функций сведущих лиц в уголовных процессах России и Латвии, позволяют расширить наше представление о применении специальных знаний в уголовном судопроизводстве зарубежных государств, а также критично оценить национальное уголовно-процессуальное законодательство в целях его дальнейшего совершенствования и оптимизации. По результатам проведенного исследования нормативных актов России и Латвии отмечены отдельные проблемные аспекты правовой регламентации процессуального статуса сведущих лиц в российском уголовно-процессуальном законодательстве, а также сделаны обобщающие выводы.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; эксперт; ревизор; специалист; экспертное исследование; прокуратура; суд.

Для цитирования: Лукичев Б. А., Алексеев С. Г. Производство судебной экспертизы и процессуальный статус сведущих лиц в уголовных процессах России и Латвии // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 1. С. 68–90. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-68-90>. EDN: <https://elibrary.ru/ciuaov>

Original scientific article

The Production of a Forensic Examination and the Procedural Status of Knowledgeable Persons in Criminal Proceedings in Russia and Latvia

B. A. Lukichev

Ural-Siberian collegium of advocates, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ lukichev_b@mail.ru

S. G. Alexeev

Ural Research Institute of the All-Russian Voluntary Fire Society, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ 3608113@mail.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of legal acts regulating the organization of forensic activities, as well as the legal status of knowledgeable persons in criminal proceedings in Russia and Latvia. Comparative legal analysis of normative acts consists in comparing the prescriptions of legal norms, legislative terms and definitions, allowing one to see the general and special, typical and unique in the regulation of forensic activities, as well as the rights and obligations, the volume and nature of the procedural functions of knowledgeable persons in criminal proceedings Russia and Latvia. The study is carried out on the basis of a comprehensive comparative legal analysis of the latest editions of criminal procedure laws (codes), laws in the field of organizing forensic activities in Russia and Latvia, by-laws, as well as other primary sources, including foreign ones, in the original language. Knowledgeable persons, i.e. persons applying special knowledge in criminal proceedings in Russia, are experts and specialists, in Latvia – experts, auditors and specialists. The legal status of knowledgeable persons in criminal proceedings in Russia and Latvia is largely comparable, but not identical. And, despite the transformation of the criminal procedural legislation of Latvia, in accordance with international legal norms and standards of the European Union, the provision of Soviet law on the use by knowledgeable persons of special knowledge in legal proceedings was preserved in the Latvian criminal process. The Code of Criminal Procedure of Russia classifies an expert and a specialist as other participants in criminal proceedings, that is, persons performing the function of promoting justice. Whereas the Latvian Criminal Procedure Law refers an expert and an auditor to persons having powers in criminal proceedings, a specialist – to other persons involved in criminal proceedings. And, if the expert and the auditor in the Criminal Procedure Law of Latvia are considered as independent participants in the criminal process, then the role of a specialist in legal proceedings is reduced to the level of “auxiliary personnel”. An expert and an auditor, according to the requirements of the Criminal Procedure Law of Latvia,

are involved in criminal proceedings to give an opinion and fulfill the obligation to provide evidence, that is, as “means of ensuring judicial evidence”. Specialist – to assist officials performing procedural actions in fixing the progress and results of their conduct, using technical means to identify circumstances relevant to the case, but without conducting practical research in search of traces of a criminal act. The results of the comparative legal analysis of the normative acts regulating the rights, obligations, scope and nature of the procedural functions of knowledgeable persons in the criminal proceedings of Russia and Latvia allow us to expand our understanding of the application of special knowledge in the criminal proceedings of foreign states, as well as to critically assess the national criminal procedure legislation for the purpose of its further improvement and optimization. Based on the results of the study of the normative acts of Russia and Latvia, certain problematic aspects of the legal regulation of the procedural status of knowledgeable persons in the Russian criminal procedure legislation is noted, and generalizing conclusions are made.

Keywords: criminal proceedings; expert; auditor; specialist; expert research; prosecutor's office; court.

For citation: Lukichev B. A., Alexeev S. G. The Production of a Forensic Examination and the Procedural Status of Knowledgeable Persons in Criminal Proceedings in Russia and Latvia. *Siberian Law Review*. 2022;19(1):68-90. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-68-90>. EDN: <https://elibrary.ru/ciuaov> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

За последнее десятилетие вопросы производства судебно-экспертной деятельности и применения специальных знаний в романо-германском и англосаксонском судопроизводствах подробно интерпретированы (разъяснены) в опубликованных научных исследованиях ведущих западных специалистов в области юриспруденции [1–12]. Аналогичные исследования в отечественном уголовном судопроизводстве были проведены и российскими процессуалистами¹ [13–14]. При этом следует отметить, что в научных исследованиях зарубежных специалистов все чаще поднимается вопрос о гармонизации (сближении) уголовно-процессуального законодательства государств – членов Европейского союза, что, по их мнению, в условиях глобализации является необходимой мерой для рационального функционирования механизмов судебного сотрудничества и взаимного признания судебных решений по уголовным делам [15–18].

Обращение к зарубежному опыту на основе сравнительно-правового анализа

уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и государств – членов Европейского союза является необходимым условием расширения нашего представления об уголовном судопроизводстве в других странах, а также позволяет критически оценить отечественное уголовно-процессуальное законодательство в целях его дальнейшего совершенствования и оптимизации.

Данное исследование, предлагаемое к осмыслению, выполнено на основе комплексного сравнительно-правового анализа последних редакций уголовно-процессуальных законов (кодексов), законов в области организации судебно-экспертной деятельности России и Латвии, подзаконных нормативных актов, а также других первоисточников, в том числе зарубежных, на языке оригинала.

О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства Латвии у нас, как правило, имеется ограниченное представление. Отчасти это обусловлено отсутствием официальных первоисточников действующих нормативных актов

¹ Елагина Е. В., Данилова Н. А., Николаева Т. Г. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве : хрестоматия / отв. ред. Е. В. Елагина. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации, 2018. 128 с. ; Соколов А. Ф., Ремизов М. В. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. Ярославль : Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2010. 128 с.

Латвии и «дефицитом» научных исследований латвийского законодательства на русском языке. В публикациях российских и зарубежных русскоязычных научных изданий ранее рассматривались только отдельные вопросы о назначении и производстве судебных экспертиз, а также о сертификации судебных экспертов в Латвии [18–19]. Комплексного сравнительно-правового анализа нормативных актов, регламентирующих производство судебной экспертизы, а также процессуальный статус сведущих лиц в уголовных процессах России и Латвии, не проводилось.

Сведущими лицами, т. е. лицами, применяющими специальные знания в уголовном процессе России, являются эксперты и специалисты. В уголовном процессе Латвии – эксперты, ревизоры (аудиторы) и квалифицированные специалисты (далее – специалисты).

НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СВЕДУЩИХ ЛИЦ В УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИИ И ЛАТВИИ

Основными источниками, регламентирующими порядок назначения и производства судебной экспертизы, а также процессуальный статус сведущих лиц в уголовных процессах России и Латвии, являются уголовно-процессуальные за-

коны (кодексы) указанных стран. Кроме того, назначение и производство судебно-экспертной деятельности регламентируется также и другими нормативными актами. В России: Конституцией РФ, Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»², постановлениями Пленумов Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»³ и от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»⁴, ведомственными нормативными актами. В Латвии: Конституцией Латвии, Законом Латвии «О статусе судебных экспертов» (Tiesu ekspertu likums Statuss)⁵, постановлением Кабинета министров Латвии от 11 декабря 2018 г. № 782 «О порядке проведения судебной экспертизы»⁶, рекомендациями Европейской комиссии по эффективности правосудия от 12 декабря 2014 г. «О роли назначаемых судом экспертов в судебных процессах государств – членов Совета Европы» (далее – Рекомендации СЕРЕЈ)⁷, ведомственными нормативными актами.

Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики (далее – УПЗ, УПЗ Латвии) является одним из основных законодательных актов, регламентирующих уголовный процесс. Он был принят Сеймом Латвии⁸ 21 апреля 2005 г.

² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 21 дек. 2010 г. № 28. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2017 г. № 51. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Tiesu ekspertu likums Statuss. Likums Pienems 11.02.2016, OP numus: 2016/42.1, Stajas speka: 15.03.2016 // Latvijas Vēstnesis. URL: <https://likumi.lv/ta/id/280576-tiesu-ekspertu-likums>

⁶ Ministru kabineta noteikumi Nr. 782. Tiesmedicīniskās ekspertīzes veikšanas kārtība. Pienems 11.12.2018 // Latvijas Vēstnesis. URL: <https://likumi.lv/ta/id/303647-tiesmedicinas-ekspertizes-veikšanas-kartiba>

⁷ Guidelines on the role of court-appointed experts in judicial proceedings of Council of Europe's Member States. URL: <https://rm.coe.int/168074827a>

⁸ Latvijas Saeima – высший законодательный орган государственной власти Латвийской Республики.

и вступил в силу с 1 октября 2005 г.⁹ На момент принятия УПЗ Латвии правовая политика латвийского государства была ориентирована на классическую романо-германскую модель процессуального права и международно-правовые стандарты Европейского союза. В последующем поправки в УПЗ Латвии вносились свыше 40 раз, в настоящее время он состоит из 3 частей, 19 разделов, 84 глав и 926 статей.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК, УПК РФ, УПК России) принят Государственной Думой Федерального собрания Российской Федерации 22 ноября 2001 г. и вступил в силу с 1 июля 2002 г. К настоящему времени в целях совершенствования и оптимизации уголовного судопроизводства в УПК России изменения и дополнения вносились свыше 280 раз.

Организация судебно-экспертной деятельности в уголовных процессах России и Латвии

Судебно-экспертная деятельность является одним из видов процессуальных действий, разрешенных к производству в рамках уголовного процесса (п. 32 ст. 5 УПК). Она включает организацию и проведение экспертных исследований, осуществляемых судебными экспертами в процессе судопроизводства по делу.

Целью судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам и органам предварительного расследования в раскрытии и расследовании преступлений посредством производства экспертных исследований и разрешения вопросов, требующих соответствующих знаний в области науки, техники, искусства или ремесла¹⁰.

Порядок назначения и производства судебной экспертизы в уголовных процессах России и Латвии во многом сопоставимый, но не тождественный:

- УПК России и УПЗ Латвии содержат перечень обстоятельств, имеющих значение для дела и подлежащих доказыванию, наличие которых определяет обязательность назначения и производства судебной экспертизы (ст. 196 УПК России, ст. 195 УПЗ Латвии). При этом в УПЗ Латвии представлен более объемный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию;

- УПК России допускает назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 195 УПК), тогда как УПЗ Латвии – только после возбуждения уголовного дела в досудебном процессе, что следует из содержания ст. 193;

- правом назначения судебной экспертизы по УПК России наделено лицо, в производстве которого находится уголовное дело. Надлежащим субъектом, имеющим право назначать экспертизу, являются: дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа и суд (ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 283 УПК). По УПЗ Латвии выбор привлекаемых по делу экспертов и определение их числа осуществляется лицом, направляющим уголовный процесс (т. е. следователем, руководителем следственной группы, прокурором, судом), или участником следственной группы (ч. 1 ст. 33, ч. 1 ст. 34, ст. 193, ч. 1 ст. 200 УПЗ Латвии);

- порядок назначения и производства судебной экспертизы, а также структура постановления о ее назначении регламентированы ч. 1 ст. 195 УПК РФ и Федеральным законом № 73-ФЗ¹¹. УПЗ Латвии

⁹ *Kriminālprocesa likums* (Izdevuma spēkā stāšanās datums: 24.12.2019.) / *Kriminālprocesa likums* (spēkā no: 24.12.2019.) // *Latvijas Vēstnesis*. URL: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/107820-criminal-procedure-law>

¹⁰ Елагина Е. В., Данилова Н. А., Николаева Т. Г. Указ. соч. С. 18–20; Мишин А. В. Судебная экспертиза в досудебном производстве по уголовному делу : учеб. пособие. Казань : Изд-во Казан. федер. ун-та, 2017. С. 7–16.

¹¹ Соколов А. Ф., Ремизов М. В. Указ. соч. С. 60–70.

аналогичным образом регламентирует порядок назначения судебной экспертизы (чч. 1 и 4 ст. 200 УПЗ) и структуру постановления о ее назначении (чч. 2 и 3 ст. 200 УПЗ);

– по УПК РФ судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями (ч. 2 ст. 195)¹². Кроме того, кодекс допускает, что при необходимости проведения экспертного исследования на территории иностранного государства суд, прокурор, следователь, дознаватель вносит запрос о его производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства, в соответствии с международным договором (соглашением) или на основе принципа взаимности (ч. 1 ст. 453 УПК). Результат экспертизы, полученный на территории иностранного государства, обладает такой же юридической силой, как и заключение эксперта, сформированное на территории России (ст. 455 УПК).

УПЗ Латвии не проводит разграничения (классификацию) физических лиц, привлекаемых к производству судебной экспертизы. Вместе с тем в Законе Латвии «О статусе судебных экспертов» указано, что производство судебных экспертиз проводится государственными судебными экспертами, частными судебными экспертами и другими лицами, имеющими соответствующие специальные знания (ч. 1 и 2 ст. 3 Закона). При назначении экспертизы лицо, направляющее уголовный процесс, отдает предпочтение государственному эксперту учреждения судебной экспертизы с прямым государственным управлением (п. 1 ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 10 Закона). Если необходимый вид экспертизы отсутствует в перечне экспертиз, проводимых государственным судебно-экспертным

учреждением (далее – ГСЭУ или СЭУ), то при назначении отдается предпочтение частному эксперту, имеющему государственную аккредитацию и включенному в реестр судебных экспертов Латвии (п. 2 ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 4, ч. 1 ст. 12 Закона). Другие лица могут быть назначены в качестве экспертов только тогда, когда этого требуют особые обстоятельства дела (пп. 1–5 ч. 2 ст. 3 Закона). Например, в следующих случаях:

1) если производство экспертизы требуется в сферах, которых нет в реестре ГСЭУ и у официально сертифицированных частных экспертов;

2) из-за отсутствия в ГСЭУ и у официально сертифицированных частных экспертов необходимого технического оборудования либо соответствующих специалистов по его обслуживанию;

3) если судебная экспертиза уже проводилась в ГСЭУ и частных экспертных учреждениях по соответствующей специальности;

4) из-за возможного конфликта интересов между ГСЭУ и частными экспертными учреждениями;

5) в ситуации национального бедствия или террористического акта.

К лицам, имеющим соответствующие научно-теоретические знания и высокую квалификацию (профессионализм), следует относить профессоров и доцентов высших учебных заведений и научных учреждений, а также ведущих врачей Латвии.

При поручении производства экспертизы лицу, не работающему в СЭУ, лицо, направляющее процесс, возлагает на работодателя обязанность не препятствовать приглашенному им эксперту в проведении исследований и освободить его от выполнения функциональных обязанностей на этот период (ч. 1 ст. 34, чч. 1 и 4 ст. 202 УПЗ Латвии).

¹² О возможности привлечения иных экспертов к производству судебной экспертизы достаточно подробно рассмотрено в постановлении Пленума Верховного Суда России от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

Кроме того, УПЗ Латвии допускает возможность назначения экспертных исследований в иностранном государстве в установленном процессуальном порядке и использования этих результатов в латвийском уголовном судопроизводстве (ст. 676, ч. 5 ст. 757 УПЗ Латвии);

– сроки проведения судебной экспертизы в российском судопроизводстве законодательством не предусмотрены. Они устанавливаются ведомственными нормативными актами. Например, в Приложении № 1 к приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511, сроки производства судебных экспертиз устанавливаются руководителем экспертно-криминалистического подразделения ОВД (далее – ЭКП) при даче соответствующего поручения эксперту (экспертам) в пределах 15 календарных дней. При этом учитывается фактическая загруженность экспертов, объем и сложность предстоящих исследований, а также затраты времени на их выполнение. Если требуется исследование значительного объема материалов либо применение продолжительных по времени методик исследования, руководитель ЭКП обязан проинформировать об этом орган или лицо, назначившее экспертизу, и согласовать срок представления экспертного заключения. Срок производства экспертизы исчисляется со дня поступления в ЭКП постановления о назначении экспертизы и объектов, подлежащих исследованию, по день подписания руководителем сопроводительного письма к заключению эксперта (пп. 12 и 13 Приложения)¹³. Аналогичные предписания содержатся и в Приложении к приказу Министерства юстиции России от 20 декабря 2002 г. № 346, но сроки проведения судебных

экспертиз в экспертных подразделениях юстиции составляют порядка 30 суток (п. 1.1 Приложения)¹⁴.

При привлечении иных экспертов из числа лиц, не являющихся сотрудниками СЭУ, следователи и судьи в постановлениях о назначении судебной экспертизы, как правило, сами определяют сроки представления экспертных заключений.

Сроки производства судебных экспертиз в латвийском уголовном процессе, как и в российском, законом не предусмотрены. Они декларируются Рекомендациями СЕПЕЖ и устанавливаются постановлением Кабинета министров Латвии от 11 декабря 2018 г. № 782. Например, Рекомендации СЕПЕЖ предусматривают, что проведение судебной экспертизы и представление экспертного заключения должно осуществляться в «разумные сроки». Если в установленный судом срок выполнить экспертное исследование не представляется возможным, эксперт обязан сообщить об этом суду и согласовать срок его завершения (пп. 4.9 и 5.2.3 Рекомендаций). В постановлении Кабинета министров Латвии от 11 декабря 2018 г. № 782 указано, что экспертизы проводятся в течение 30 суток (п. 9 постановления). Когда требуется исследование большого объема материалов либо применение дуративных (длительных) методик исследования, руководитель СЭУ, после письменного согласования с органом или лицом, назначившим экспертизу, может увеличить срок, отводимый для ее проведения (п. 10 постановления). Вместе с тем следует отметить, что конкретные сроки производства судебных экспертиз в латвийском судопроизводстве предусмотрены в нормативных

¹³ Инструкция по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приложение № 1 к приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 27 июня 2019 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Методические рекомендации по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации : приложение к приказу М-ва юстиции Рос. Федерации от 20 дек. 2002 г. № 346. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

актах СЭУ и зависят от типа и вида экспертных исследований¹⁵;

– УПК России предусматривает возможность назначения и производства следующих видов судебных экспертиз: единоличной, комиссионной, комплексной, первичной, повторной и дополнительной¹⁶. Единоличный и комиссионный характер экспертизы определяется в ч. 2 ст. 199, ст. 200 УПК РФ. Производство комплексной судебной экспертизы – ст. 201 УПК РФ, дополнительной и повторной – ч. 1² ст. 144, чч. 1 и 2 ст. 207, ч. 4 ст. 283 УПК РФ. Кроме того, ст. 199 УПК РФ указывает, что судебные экспертизы разграничиваются по месту их проведения: проводимые в экспертном учреждении (ч. 2 ст. 199 УПК) и вне экспертного учреждения (ч. 4 ст. 199 УПК).

УПЗ Латвии и Закон Латвии «О статусе судебных экспертов» аналогичным образом предусматривают возможность назначения и производства единоличной, комиссионной, комплексной, первичной, повторной и дополнительной судебных экспертиз. Сущность вышеуказанных видов экспертиз раскрывается в ст.ст. 193, 196–199 УПЗ Латвии и ст. 17 Закона Латвии «О статусе судебных экспертов». УПЗ Латвии также разграничивает экспертизы по месту их проведения: проводимые в экспертном учреждении (ст. 201 УПЗ)

и за пределами экспертного учреждения (ст. 202 УПЗ).

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СВЕДУЩИХ ЛИЦ В УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИИ И ЛАТВИИ

Процессуальный статус сведущих лиц в уголовном судопроизводстве определяется объемом прав, обязанностей, характером процессуальных функций, а также обеспечительными мерами по их соблюдению.

УПК РФ относит эксперта и специалиста к лицам, принимающим участие в уголовном процессе, и классифицирует их в качестве «иных участников уголовного судопроизводства» (гл. 8), т. е. лиц, выполняющих функцию содействия правосудию¹⁷ [14, с. 6–32]. Тогда как УПЗ Латвии относит эксперта, ревизора и специалиста к лицам, вовлеченным в уголовный процесс (ч. 2 ст. 11, ст. 113, ч. 1 ст. 367 УПЗ). Вместе с тем в главе 3 УПЗ Латвии эксперт и ревизор классифицируются в качестве лиц, имеющих полномочия в уголовном процессе (пп. 5–7 ч. 2 ст. 26).

1. Процессуальный статус экспертов в уголовных процессах России и Латвии. Права, обязанности и характер процессуальных функций экспертов в уголовных процессах России и Латвии нетождественны, но во многом сопоставимы, например:

¹⁵ Например, общий срок производства экспертизы в Латвийском государственном бюро судебных экспертиз (Valsts tiesu ekspertīžu birojs) составляет порядка 30 суток. В зависимости от типа (вида) экспертных исследований, сроки производства экспертизы могут быть различны. Так, в частности, экспертиза холодного оружия проводится в течение 14 суток. Дактилоскопическая и лингвистическая экспертизы – 30 суток. Металлографическая экспертиза – 45 суток. Баллистическая и портретная экспертизы, экспертиза мобильных устройств – до 2 месяцев. Автотехническая – до 2,5 месяцев. Фоноскопическая – до 7 месяцев. Компьютерная экспертиза – до 10 месяцев. URL: <https://www.vteb.gov.lv/lv/ekspertizu-veidi>

¹⁶ В ведомственных нормативных актах экспертизы классифицируются также по родам (видам) экспертно-криминалистической деятельности. Например, в экспертно-криминалистических подразделениях ОВД Российской Федерации проводятся следующие судебные экспертизы: автотехническая, баллистическая, бухгалтерская, взрывотехническая, дактилоскопическая, компьютерная, лингвистическая, налоговая, пожарно-техническая, портретная, почерковедческая, психофизиологическая, радиотехническая, строительно-техническая, товароведческая, трасологическая, финансово-аналитическая, финансово-кредитная, фоноскопическая, фототехническая, физико-химическая, экспертиза холодного и метательного оружия и др. виды экспертиз (*Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации* : приложение № 2 к приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511).

¹⁷ Мишин А. В. Указ. соч. С. 16–21 ; Соколов А. Ф., Ремизов М. В. Указ. соч. С. 20–25, 51–60.

– в соответствии с УПК РФ эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями, назначенное в порядке, установленном законом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК). УПЗ Латвии не содержит определения термина «эксперт», обозначая только характер его процессуальных функций, права и обязанности в уголовном судопроизводстве (ст.ст. 33 и 34 УПЗ). В Законе Латвии «О статусе судебных экспертов» содержится следующее определение: «судебный эксперт» – это физическое лицо, имеющее специальные знания и опыт в какой-либо области науки, техники, искусства или ремесла, получившее в установленном законом порядке сертификат судебного эксперта (ч. 2 ст. 1);

– согласно УПК РФ эксперт вправе: знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы (п. 1 ч. 3 ст. 57); ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов (п. 2 ч. 3 ст. 57); отказать от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы его специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для проведения исследования (п. 6 ч. 3 ст. 57). Тогда как по УПЗ Латвии эксперт вправе: изучать материалы уголовного дела (п. 1 ч. 3 ст. 33); требовать от лица, направляющего процесс, дополнительную информацию и материалы, имеющие значение для производства экспертизы (п. 2 ч. 3 ст. 33); отказать от проведения экспертизы и дачи заключения, если представленные ему материалы недостаточны или поставленные вопросы превышают его компетенцию (п. 3 ч. 3 ст. 33);

– российский уголовный процесс не детализирует участия эксперта в процессуальных действиях. Согласно УПК РФ эксперт вправе участвовать с разрешения

лица, ведущего производство по уголовному делу, в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы (п. 3 ч. 3 ст. 57). В УПЗ Латвии определено, что эксперт по поручению лица, направляющего процесс, проводит следующие процессуальные действия: осмотр места происшествия (а также осмотр местности, предметов, лиц, трупа); изъятие образцов для сравнительного исследования. Участвует в производстве других следственных действий, направленных на поиск и изъятие следов преступного деяния (ч. 2 ст. 33, чч. 1 и 2 ст. 161 УПЗ Латвии). Эксперт вправе с разрешения или при посредничестве лица, направляющего процесс, задавать вопросы допрашиваемым лицам, относящиеся к предмету судебной экспертизы (п. 4 ч. 3 ст. 33 УПЗ Латвии), и участвовать в судебных заседаниях, если он на них приглашен (п. 4 ч. 2 ст. 14 Закона Латвии «О статусе судебных экспертов»);

– в УПК РФ экспертная инициатива выражается в праве эксперта давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не обозначенным в постановлении о назначении экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования (п. 4 ч. 3 ст. 57). Несколько иначе вопрос об экспертной инициативе излагается в ч. 4 ст. 33 УПЗ Латвии: «Если эксперт считает, что при использовании специальных знаний может получить важные для уголовного процесса сведения, вопрос о которых не поставлен, он письменно информирует об этом направляющее процесс лицо». Аналогичные требования содержатся в пп. 2 и 3 ст. 15 Закона Латвии «О статусе судебных экспертов».

Нам представляется, что редакция ч. 4 ст. 33 УПЗ Латвии является значительно конкретней. Тогда как редакция п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК России представляет собой не более чем декларативную норму, поскольку в нормах уголовно-процессуального

законодательства не указано, когда, как и при каких обстоятельствах эксперт может (вправе либо должен) принимать то или иное самостоятельное решение, т. е. проявлять инициативу. Следует также отметить, что экспертная инициатива в российском уголовном судопроизводстве имеет реальные ограничения, установленные в нормативных правовых актах. Например, УПК РФ указывает, что эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования (п. 2 ч. 4 ст. 57), проводить исследования без разрешения дознавателя, следователя, суда, способные повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида и основных свойств (п. 3 ч. 4 ст. 57). Заключение эксперта должно содержать исследования и выводы по вопросам, поставленным перед ним в постановлении о назначении судебной экспертизы (ч. 1 ст. 80 УПК РФ). Эти же требования содержатся и в ведомственных нормативных актах. Например, в Приложении № 1 к приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 определяется, что при проведении экспертизы эксперт применяет рекомендованные экспертные методики и имеющиеся в распоряжении ЭКП технические средства для объективного и научно обоснованного решения поставленных перед ним вопросов. В первую очередь применяются методики, не связанные с разрушением объектов исследования либо их видоизменением. Вводная часть заключения эксперта должна содержать вопросы, поставленные перед экспертом в той формулировке, которая была в постановлении о назначении экспертизы. В случае необходимости эксперт имеет право изменить редакцию вопросов, не изменяя их смысл (пп. 27 и 30 Приложения).

Несомненно, проявление экспертом инициативы очень важно, особенно в вопросах выявления обстоятельств, связанных с совершением преступлений, но рас-

ширение границ экспертной инициативы должно быть не только декларировано, но и регламентировано в нормативных правовых актах. Это не усматривается в УПК РФ, Федеральном законе России от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также других нормативных актах;

– в УПК РФ структура заключения эксперта определена в ч. 1 ст. 204. Аналогичным образом определена структура экспертного заключения в ст. 203 УПЗ Латвии и ст. 16 Закона Латвии «О статусе судебных экспертов».

Заключение эксперта – это утверждения (мнение) эксперта, которые он высказывает на основании проведенного им исследования по поручению органов и лиц, осуществляющих производство по делу. Производя экспертизу, эксперт изучает материалы дела, проводит исследование предоставленных ему материалов и вещественных доказательств, дает по ним заключение, т. е. излагает свои выводы и отвечает на поставленные перед ним вопросы. При этом задача, которую должен преследовать эксперт, состоит в том, чтобы обеспечить установление истины по уголовному делу, используя научные знания и инструментальные средства и методы исследования. Именно в этом заключается юридическая природа судебно-экспертной деятельности¹⁸.

УПК РФ определяет, что итоговый результат экспертного исследования должен быть представлен в письменной форме и содержать выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами (ч. 1 ст. 80). Эксперт или комиссия экспертов подписывают экспертное заключение от своего имени. Подписи эксперта (комиссии экспертов) удостоверяются печатью ГСЭУ (ч. 1 ст. 25 Федерального закона № 73-ФЗ).

¹⁸ Соколов А. Ф., Ремизов М. В. Указ. соч. С. 70–85.

УПЗ Латвии и Закон Латвии «О статусе судебных экспертов» содержат аналогичные требования. В данных нормативных актах указывается, что после производства необходимых исследований и с учетом их результатов эксперт составляет заключение в письменной форме, удостоверяет его своей подписью и личной печатью. В случае проведения экспертизы в СЭУ, подпись эксперта (экспертов) заверяется печатью этого органа. Заключение должно содержать данные об использовании в исследовании технических средств и методов, выводы по вопросам, поставленным перед экспертом, обоснование (аргументацию) экспертного заключения, а также другие обстоятельства, имеющие значение для дела (ч. 1 ст. 132, ст. 203 УПЗ, ст. 16 Закона). Вместе с тем в Рекомендациях СЕРЕJ определяется, что суду и сторонам должно быть представлено экспертное заключение в письменной форме или электронном виде. По указанию суда экспертное заключение может быть также сообщено устно (п. 72 Рекомендаций);

– УПК РФ и Федеральный закон России № 73-ФЗ содержат перечень действий, которые эксперт не вправе осуществлять самостоятельно без разрешения либо согласования с лицом, ведущим производство по делу. В том числе разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта (ч. 4 ст. 57 УПК, ст. 16 Закона). Тогда как УПЗ Латвии не содержит перечня действий, которые не дозволено осуществлять эксперту. Вместе с тем в Законе Латвии «О статусе судебных экспертов» указано, что судебный эксперт обязан предоставлять результаты экспертизы только лицу, ведущему производство, лицу, назначившему экспертизу, или уполномоченному ими лицу (п. 6 ч. 2 ст. 14);

– УПК РФ указывает, что лицо, ведущее производство по делу, вправе по собственной инициативе либо по ходатай-

ству сторон судопроизводства допросить эксперта для разъяснения, уточнения или дополнения данного им заключения (ч. 1 ст. 205, ч. 1 ст. 282). Устные пояснения эксперта при производстве допроса являются доказательствами лишь в части разъяснения по данному им ранее заключению. Порядок допроса эксперта, в соответствии с указанными статьями УПК России, содержит свою особую регламентацию. Тогда как УПЗ Латвии определяет, что лицо, направляющее процесс, может допросить эксперта для разъяснения содержания заключения, уточнения сведений о терминах, употребляемых в нем, технических средствах и методах, использованных при производстве экспертного исследования, получения информации о других фактах и обстоятельствах, не являющихся составной частью заключения. Эксперт может быть допрошен по правилам, устанавливающим порядок допроса свидетеля, но без утраты статуса эксперта (ст. 156 УПЗ Латвии). Представленные во время допроса пояснения к заключению или сведения о фактах или обстоятельствах, не включенных в основную часть заключения, являются показаниями эксперта (ч. 1 ст. 131, ч. 2 ст. 132 УПЗ Латвии).

2. Процессуальный (правовой) статус ревизора в уголовных процессах Латвии и России. В соответствии с УПЗ Латвии ревизор – это физическое лицо, обладающее соответствующей квалификацией и сертификатом на проведение ревизий, имеющее конкретное поручение лица, направляющего процесс, на ведение уголовного процесса в установленном законом порядке, зафиксированное в протоколе следственного действия (ч. 1 ст. 35).

Направляющее процесс лицо может привлечь ревизора в уголовный процесс для участия в производстве осмотра, обыска и иных следственных действиях (ч. 5 ст. 139, ч. 3 ст. 161, ч. 3 ст. 182 УПЗ Латвии), а также поручить ревизору

производство следующих видов деятельности: осмотр товаров, продукции и сырья в необходимом для ревизии объеме; проведение инвентаризации; осмотр и выемку документов; осуществление ревизии; допрос свидетелей или участие в его производстве (ч. 2 ст. 35 УПЗ Латвии).

По результатам своей процессуальной деятельности ревизор представляет заинтересованным лицам заключение в письменной форме, заверенное его подписью, которое должно содержать выводы по вопросам, поставленным перед ревизором лицом, направляющим процесс, обстоятельства, имеющие значение для дела, а также аргументацию методов расчета, использованных в материалах ревизии (ч. 1 ст. 132 УПЗ Латвии).

УПЗ Латвии указывает, что лицо, направляющее процесс, может допросить ревизора для разъяснения содержания заключения, уточнения сведений о методах исследования и об использованных в заключении терминах, правомерности и целесообразности применения методик, которые он использовал при проведении ревизионного исследования, получения информации о других фактах и обстоятельствах, не включенных в основную часть заключения. Ревизор должен быть допрошен по правилам, устанавливающим порядок допроса свидетеля, но без утраты статуса ревизора (ст. 156 УПЗ Латвии). Представленные во время допроса пояснения к заключению или сведения о фактах или обстоятельствах, не включенных в основную часть заключения, являются

показаниями ревизора (ч. 1 ст. 131, ч. 2 ст. 132 УПЗ Латвии).

В российском уголовном судопроизводстве правовой статус ревизора не регламентирован. Ревизор наделен законом широкими полномочиями¹⁹ и вовлекается в уголовный процесс, как правило, на стадии возбуждения уголовного дела в качестве специалиста, но без наделения процессуального статуса. И только тогда, когда возникает необходимость в использовании учетно-экономических знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), в целях выявления фактов хищений, подлога (фальсификаций) и должностных злоупотреблений. Расследование этой категории преступлений требует знания экономики, банковской деятельности, финансового дела, а также бухгалтерского учета²⁰ [14, с. 86]. Следовательно, ревизии назначаются в тех случаях, когда лица, осуществляющие производство по делу, не могут сами установить или выявить те или иные факты правонарушений в сфере экономической деятельности без использования специальных знаний и получения на их основе убедительных заключений²¹ [13, с. 109].

Криминалистическая методика расследования преступлений в сфере экономической деятельности предусматривает возможность проведения ревизий, финансово-экономических и судебно-бухгалтерских экспертиз²². Данные

¹⁹ См., напр.: *О Счетной палате Российской Федерации* : федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 41-ФЗ (ред. от 30 апр. 2021 г. № 116-ФЗ) ; *Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований* : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 6-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) ; *Об акционерных обществах* : федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г. № 354-ФЗ) (гл. XIII) ; *Об обществах с ограниченной ответственностью* : федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г. № 354-ФЗ) (ст. 47) ; и др. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Дубоносов Е. С. Судебная бухгалтерия : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2021. С. 112–114.

²¹ Галушкин В. И. Правовые и криминалистические аспекты использования ревизий и иных проверок при выявлении и расследовании преступлений в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 13–14.

²² *Криминалистика* : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. С. 755–783.

способы использования специальных учетно-экономических знаний в уголовном процессе имеют большое сходство, но не являются тождественными. Например, сходство методов проведения финансового и учетно-экономического контроля (т. е. ревизий, финансово-экономических и судебно-бухгалтерских экспертиз) проявляется в следующем: применение аналогичных методических приемов и контрольно-ревизионных процедур; использование единообразных источников информации; формирование выводов в определении убытков и недостач, основанных на документальных источниках доказательств; проведение учетно-экономического контроля квалифицированными специалистами в области экономики, банковской деятельности, финансового дела и бухгалтерского учета [13, с. 112; 20, с. 22]. Нетождественность проявляется в том, что ревизия представляет собой систему контрольно-ревизионных мероприятий по документальной проверке законности, целесообразности и эффективности хозяйственных и финансовых операций, совершенных в проверяемый период должностными лицами предприятий, учреждений и организаций. Она завершается составлением акта ревизии, который должен содержать мотивированные выводы об общем состоянии бухгалтерского учета и финансовой отчетности, перечень проверенных участков работы и операций, с указанием выявленных недостатков и причин их появления, а также общие рекомендации по устранению данных нарушений²³ [13, с. 109]. Тогда как, например, судебно-бухгалтерская экспертиза состоит в исследовании специалистом-бухгалтером материалов дела и документальных источников информации, получивших отражение в бухгалтерском учете, а также

оформлении экспертного заключения по вопросам, поставленным перед экспертом следователем или судом.

Судебная экспертиза не должна подменять собой документальную ревизию. Ревизия, как правило, предшествует судебно-экономической и судебно-бухгалтерской экспертизам. Эксперт, в отличие от ревизора, не вправе самостоятельно собирать материалы для исследования (п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ). Уже собранные материалы он получает от органов предварительного расследования или суда. Тогда как ревизор, проводящий ревизию, вправе самостоятельно собирать и изымать в ревизуемой (проверяемой) организации соответствующие бухгалтерские и иные учетные документы, необходимые для проведения исследования, а также последующего их приобщения к акту ревизии. Следовательно, в тех случаях, когда необходимо собрать материалы для производства судебно-бухгалтерской экспертизы, требуется проведение ревизии и выемки документов²⁴.

УПК РФ наделяет лиц, осуществляющих производство по делу, полномочиями на истребование назначения производства ревизий и документальных проверок на стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144), но востребованность в производстве ревизии может возникнуть и в процессе предварительного расследования²⁵ [14, с. 87]. В связи с этим невозможно дать исчерпывающий перечень случаев, когда по делу необходимо провести ревизию и документальную проверку. Данные способы использования учетно-экономических знаний являются важными средствами собирания доказательств, а акты ревизий и проверок могут быть приобщены к материалам дела в качестве источников доказательств как «иные документы» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

²³ Дубоносов Е. С. Указ. соч. С. 119–120.

²⁴ Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина ... С. 760–762.

²⁵ Галушкин В. И. Указ. соч. С. 15.

Ревизия, проводимая по требованию лиц, осуществляющих производство по делу, назначается при необходимости получения достаточных данных о наличии признаков преступления, служащих основанием для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Например, на практике ревизии и документальные проверки наиболее часто назначаются, когда: обнаружены крупные недостатки или излишки при инвентаризации, а материалы инвентаризации ревизионным путем не проверялись; установлены какие-либо несоответствия в бухгалтерских документах, а разрешение данного вопроса возможно только путем проведения контрольно-ревизионных методов проверки; выявлена противоправная деятельность проверяемых должностных лиц, но есть основания полагать, что их деятельность тесно связана с должностными лицами, работающими в других организациях, где также совершались аналогичные правонарушения²⁶ [13, с. 109].

Во время производства ревизии по требованию лиц, осуществляющих производство по делу, следователь обязан устанавливать с ревизором сотрудничество и осуществлять взаимодействие по сбору материалов, предназначенных для производства судебно-бухгалтерской экспертизы.

3. Процессуальный статус специалистов в уголовных процессах России и Латвии. Права, обязанности и характер процессуальных функций специалистов в уголовных процессах России и Латвии нетождественны, но во многом сопоставимы, поскольку в недалеком прошлом на уголовное судопроизводство указанных стран имело существенное влияние советское право. И, несмотря на то что

произошла трансформация законодательства Латвии, ориентированного на классическую романо-германскую систему права и международно-правовые стандарты Европейского союза, в эстонском уголовном процессе было сохранено положение о применении специалистом специальных знаний и профессиональных навыков в судопроизводстве. Кроме того, в романо-германской и англо-саксонской правовых системах понятия «специалист» нет²⁷ [16]. Например, УПК ФРГ упоминает о категории лиц, именуемых как «сведущий свидетель» (*Sachverständige Zeugen*). В соответствии с § 85 УПК ФРГ сведущий свидетель – это «лицо, обладающее специальными познаниями», что собственно и позволяет относить его к категории сведущих лиц в уголовном процессе²⁸ [16–17].

Согласно УПК РФ специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями. Он привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58, ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Привлечение специалиста в судопроизводство и порядок его участия в следственных и иных процессуальных действиях, а также судебных заседаниях, определяются ст.ст. 168 и 270 Кодекса (ч. 2 ст. 58 УПК РФ).

Права и обязанности специалиста в уголовном судопроизводстве закреплены в чч. 3 и 4 ст. 58 УПК РФ.

Заключение специалиста согласно УПК РФ должно быть составлено в письменной

²⁶ Дубоносов Е. С. Указ. соч. С. 121–123.

²⁷ Головенков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – *Strafprozessordnung (StPO)* : науч.-практ. коммент. и пер. текста закона со вступ. ст. проф. Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Потсдам : Унив. изд-во Потсдама, 2012. 404 с.

²⁸ Там же.

форме и содержать суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК). Вместе с тем отсутствие в УПК РФ законодательного закрепления требований к структуре и форме заключения специалиста является, по нашему мнению, существенным недостатком действующего законодательства.

Показания специалиста – это сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями ст.ст. 53, 168 и 271 Кодекса (ч. 4 ст. 80 УПК РФ).

В соответствии с УПЗ Латвии специалистом является физическое лицо, обладающее специальными знаниями и профессиональными навыками в определенной сфере деятельности. Он привлекается к участию в следственных действиях²⁹ для оказания помощи должностным лицам, производящим процессуальные действия, в фиксации хода и результатов их проведения, использования технических средств по выявлению обстоятельств, имеющих значение по делу, но без проведения практических исследований в поиске следов преступного деяния (чч. 1–3 ст. 113, ч. 5 ст. 139 УПЗ). Специалист, обученный работе детского психолога в уголовном процессе, участвует в допросе несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста (ч. 2 ст. 152 УПЗ Латвии), в области медицины может быть привлечен к освидетельствованию, если это связано с обнажением освидетельствуемого лица (ч. 2 ст. 169 УПЗ Латвии), а также осмотру трупа (ч. 1 ст. 164 УПЗ Латвии).

В силу своих специальных знаний специалист в уголовном судопроизводстве Латвии отличается от иных лиц, вовлеченных в уголовный процесс (свидетеля,

секретаря судебного заседания, переводчика и др.), тем, что он обязан обращать внимание лица, производящего следственное действие, на обстоятельства, имеющие значение для дела (п. 3 ч. 3 ст. 113). В документе, в котором фиксируется следственное действие, он вправе делать уточнения (примечания) в связи с произведенными им действиями или данными им разъяснениями (ч. 4 ст. 113 УПЗ Латвии). При производстве следственного действия специалист способен не только сообщить фактическую информацию по делу, но и указать причины и последствия конкретного происшествия, используя знания, образование и опыт, лежащие в основе его профессиональной деятельности. Например, инспектор дорожной полиции может сделать квалифицированные выводы об обстоятельствах, спровоцировавших дорожно-транспортное происшествие; пожарный инспектор – указать место возникновения очага пожара и источники его инициировавшие; инженер-энергетик – оценить соблюдение норм расхода топлива и всех видов энергии на предприятии, причины сбоя работы электрооборудования или энергетической системы в целом и т. д.

Права и обязанности специалиста в латвийском уголовном судопроизводстве определены в чч. 3 и 4 ст. 113 УПЗ Латвии.

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что существенным недостатком правовой регламентации процессуального статуса специалистов в УПК РФ и УПЗ Латвии является отсутствие законодательного закрепления процедуры их допроса. Существующий пробел в уголовно-процессуальных законодательствах России и Латвии³⁰ разъясняется в решениях общих собраний судей Верховных Судов

²⁹ Специалист привлекается к участию в следственных действиях должностным лицом, направляющим уголовный процесс (чч. 1 и 2 ст. 113 УПЗ Латвии). Лицами, направляющими уголовный процесс, являются: следователь, руководитель следственной группы, прокурор, судья, суд (ст. 27 УПЗ Латвии).

³⁰ Верховный суд Латвии – высшее звено судебной системы Латвии, известный также под названием Сенат. Он состоит из трех департаментов. Судьи назначаются Сеймом на неопределенный срок и занимают должность до достижения возраста 70 лет.

указанных стран. Например, в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда России от 19 декабря 2017 г. № 51 указано, что специалист может быть допрошен в судебном заседании об обстоятельствах производства следственного действия по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию, а также для разъяснения выраженного им суждения. Такой допрос проводится по правилам допроса свидетеля и с разъяснением специалисту его прав и ответственности, предусмотренных ст. 58 УПК России³¹.

Юридическая ответственность сведущих лиц, установленная законодательством России и Латвии

Правовой статус участников уголовного судопроизводства помимо прав, обязанностей и характера процессуальных функций, предусматривает также и обеспечительные меры по их соблюдению, т. е. меры юридической ответственности и принуждения.

Меры юридической ответственности и принуждения, налагаемые на сведущих лиц в уголовных процессах России и Латвии, в целом сопоставимы, хотя и имеют определенные отличия.

В российском уголовном судопроизводстве меры юридической ответственности и принуждения, которые могут быть назначены эксперту и специалисту за ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей, предусмотрены в УК РФ и УПК РФ. Например, УПК РФ указывает, что эксперт несет уголовно-правовую ответственность за дачу заведомо ложного заключения и разглашение данных предварительного расследования,

предусмотренную ст.ст. 307 и 310 УК РФ (чч. 5 и 6 ст. 57 УПК РФ). Специалист – за разглашение данных предварительного расследования, предусмотренную ст. 310 УК РФ (ч. 4 ст. 58 УПК РФ). Эксперт и специалист, привлекаемые следователем к участию в следственных действиях, предупреждаются об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний, предусмотренной ст.ст. 307 и 308 УК РФ (ч. 5 ст. 164 УПК РФ). Кроме того, УПК РФ указывает, что в целях обеспечения установленного порядка судопроизводства, а также в случае ненадлежащего исполнения процессуальных обязанностей экспертом и специалистом суд может наложить на них денежное взыскание в размере до 2 500 рублей (ст.ст. 117 и 118).

В латвийском уголовном судопроизводстве меры юридической ответственности и принуждения, которые могут быть назначены эксперту за ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей, предусмотрены в Уголовном законе Латвии (далее – УЗ Латвии), УПЗ Латвии и Законе Латвии «О статусе судебных экспертов». Так, в УЗ Латвии указывается, что эксперты несут уголовную ответственность за необоснованный отказ от проведения судебной экспертизы, умышленное представление ложного заключения, а также разглашение сведений, полученных в ходе досудебного производства по уголовному делу, без разрешения следователя или прокурора (ст.ст. 300, 302 и 304).

Официально сертифицированный эксперт, имеющий государственную аккредитацию, предупреждаются об уголовной

³¹ Ранее в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 было указано: «Специалист, участвовавший в производстве какого-либо следственного действия, при необходимости может быть допрошен в судебном заседании об обстоятельствах его производства в качестве свидетеля. Показания специалиста, приглашенного сторонами, даются им по правилам, предусмотренным для допроса лица в качестве свидетеля». Данный пункт исключен постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 (подп. 10 п. 2 постановления) (*О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 июня 2021 г. № 22. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

ответственности при получении сертификата судебного эксперта (ст. 25 Закона Латвии «О статусе судебных экспертов»). Назначаемое экспертом лицо, не работающее в экспертном учреждении и не приведенное к присяге, предупреждается об уголовной ответственности за отказ от производства экспертизы и заведомо ложное заключение лицом, направляющим процесс (п. 5 ч. 1 ст. 202 УПЗ Латвии).

В УПЗ Латвии нет прямого указания, что ревизор и специалист несут уголовно-правовую ответственность за ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей. Вместе с тем в ч. 1 ст. 161 УПЗ Латвии закреплено, что при производстве допроса по правилам, установленным для допроса свидетелей, допрашиваемое лицо предупреждается об ответственности за отказ от предоставления показаний и предоставление заведомо ложных показаний. В пункте 4 ч. 3 ст. 113 УПЗ Латвии предусмотрено, что специалист обязан не разглашать содержание и результаты следственного действия, если об их неразглашении он был предупрежден в индивидуальном порядке.

В части 2 ст. 13, ст. 288 УПЗ Латвии определено, что лицо, направляющее процесс, вправе применить к лицу, не исполняющему предусмотренные законом процессуальные обязанности, препятствующему проведению конкретного процессуального действия или проявляющему неуважение к суду, меры процессуального принуждения. Например, в ч. 2 ст. 470 УПЗ Латвии указано, что в случае неявки эксперта в суд без уважительной причины применяются установленные законом процессуальные санкции. Основания применения процессуальных санкций предусмотрены ст. 289 УПЗ Латвии. Санкции могут применяться не только к экспертам, но и ревизорам, а также специалистам. К лицу, нарушившему установленный законом порядок, могут быть применены следующие виды процессуальных санк-

ций: предупреждение; денежное взыскание в размере одной минимальной месячной заработной платы, установленной в Латвии; выдворение из зала судебного заседания (ч. 1 ст. 290, ст. 292 УПЗ Латвии). Кроме того, Закон Латвии «О статусе судебных экспертов» предусматривает, что Совет судебных экспертов может возбудить дисциплинарное дело в отношении эксперта по ходатайству (инициативе) судьи или лица, ведущего производство по делу. Основанием для возбуждения дисциплинарного производства может служить следующее: несоблюдение экспертом нормативных актов, регламентирующих судебно-экспертную деятельность; неисполнение профессиональных обязанностей или грубая небрежность, допущенная при проведении экспертизы; превышение полномочий; утрата или злонамеренное повреждение предмета, представленного на экспертизу; разглашение сведений, полученных в ходе производства экспертизы, лицам, не имеющим отношения к производству экспертизы (ч. 1 ст. 20 Закона). За дисциплинарное нарушение Совет судебных экспертов может применить одно из следующих дисциплинарных взысканий: выговор или лишение сертификата судебного эксперта (ч. 4 ст. 22 Закона).

ОТСТРАНЕНИЕ СВЕДУЩИХ ЛИЦ ОТ УЧАСТИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛУ В УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИИ И ЛАТВИИ

Отстранение сведущих лиц от участия в уголовном процессе по делу, лишаящее их правового статуса в судопроизводстве, является необходимой мерой процессуального реагирования. В российском уголовном процессе отстранение от участия в судопроизводстве называется отводом, в латвийском уголовном процессе используется термин «отстранение».

В соответствии с требованиями УПК РФ, решение об отводе сведущих

лиц от участия в уголовном процессе принимается в порядке, установленном ч. 1 ст. 69 Кодекса (ч. 1 ст. 70, ч. 1 ст. 71 УПК РФ). В ходе досудебного производства по уголовному делу решение об отводе эксперта и специалиста принимается дознавателем, следователем, а также судом в случаях, предусмотренных ст. 165 Кодекса. В ходе судебного разбирательства указанное решение принимает суд, рассматривающий данное уголовное дело, или судья, председательствующий в суде с участием присяжных заседателей (ч. 1 ст. 69 УПК РФ).

Обстоятельства, исключающие участие эксперта и специалиста в производстве по уголовному делу, а также их обязанность устраниваться из судопроизводства определены в ст.ст. 61, 62, ч. 1 ст. 69, ч. 2 ст. 70, ч. 2 ст. 71 УПК РФ.

Сведущее лицо (эксперт или специалист) не может принимать участие в производстве по уголовному делу при наличии следующих обстоятельств, предусмотренных УПК РФ:

- является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 61);

- участвовал в качестве присяжного заседателя, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика в производстве по данному уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 61);

- является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 61);

- находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей (п. 2 ч. 2 ст. 70);

- если в процессе производства по делу выявлена его некомпетентность (п. 3 ч. 2 ст. 70);

- имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела (ч. 2 ст. 61).

Предыдущее участие эксперта и специалиста в производстве по уголовному делу в аналогичном процессуальном статусе не является основанием для их отстранения из судопроизводства (п. 1 ч. 2 ст. 70, ч. 2 ст. 71 УПК РФ).

При наличии оснований для отвода, предусмотренных гл. 9 УПК РФ, эксперт и специалист обязаны устраниваться из судопроизводства (ч. 1 ст. 62 УПК). Если эксперт и специалист не устранились, отвод им может быть заявлен подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, защитником, а также государственным обвинителем, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или их представителями (ч. 2 ст. 62 УПК). Кроме того, право подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика заявлять отвод эксперту и специалисту установлено в п. 5 ч. 2 ст. 42, п. 4 ч. 4 ст. 44, п. 5 ч. 4 ст. 46, п. 5 ч. 4 ст. 47, п. 8 ч. 1 ст. 53, п. 8 ч. 2 ст. 54, п. 2 ч. 1 ст. 198 УПК РФ.

В соответствии с УПЗ Латвии ходатайство об отстранении сведущих лиц из уголовного судопроизводства рассматривается лицами, направляющими уголовный процесс. Например, ходатайство об отстранении специалиста, эксперта и ревизора, поданное в досудебном процессе, рассматривается следователем, руководителем следственной группы, надзирающим прокурором, а в ходе судебного производства – судом (ч. 3 ст. 26, п. 6. ч. 6 ст. 37, п. 4. ч. 2 ст. 48, ч. 4 ст. 50, ч. 1 и 2 ст. 55, п. 3 ч. 2 ст. 473 УПЗ Латвии).

Обстоятельства, исключающие участие эксперта и ревизора в производстве по уголовному делу, а также их обязанность устраниваться от участия в судопроизводстве определены в ст.ст. 50–55 УПЗ Латвии.

Эксперт или ревизор не могут принимать участия в производстве по уголовному делу при наличии следующих обстоятельств, предусмотренных УПЗ Латвии:

- когда его личные интересы не совпадают с целью уголовного процесса, либо существуют обстоятельства, которые дают вовлеченному в процесс лицу обоснованную причину допускать такую заинтересованность (ч. 1 ст. 50);

- состоит в родственных отношениях до третьей ступени, свойстве до второй ступени или официальном браке с лицом, реализующим защиту, либо с потерпевшим или его представителем (ч. 1 ст. 51);

- если это лицо или лицо, состоящее с ним в браке, дети или родители получают доходы от лица, реализующего защиту, либо от потерпевшего или его представителя (ч. 2 ст. 51);

- ведет общий бизнес с лицом, реализующим защиту, либо с потерпевшим или его представителем (ч. 3 ст. 51);

- находится в личном конфликте с лицом, реализующим защиту, либо с потерпевшим или его представителем (ч. 4 ст. 51);

- является в этом процессе свидетелем, потерпевшим, лицом, реализующим защиту, либо законным представителем потерпевшего или его представителем в суде (ч. 5 ст. 51);

- имеет недостаточную профессиональную подготовленность для выполнения соответствующих обязанностей (ст. 53).

Эксперт и ревизор в ситуации конфликта интересов обязаны представить сообщение направляющему процесс лицу об устранении от участия в производстве по делу (п. 1 ч. 1 ст. 54 УПЗ Латвии).

Если эксперт и ревизор не устранились из судопроизводства, заявление об их отстранении может быть подано лицом, осуществляющим защиту, потерпевшим или лицом, уполномоченным на ведение процесса (ч. 1 ст. 55 УПЗ Латвии). Кро-

ме того, право задержанного, подозреваемого, обвиняемого, представителя несовершеннолетнего лица, представителя юридического лица, потерпевшего, представителя потерпевшего, представителя обвиняемого, лица, осуществляющего защиту, прокурора, поддерживающего обвинение в суде первой или апелляционной инстанции, заявлять об отстранении эксперта и ревизора из уголовного судопроизводства установлено в п. 3 ч. 1 ст. 63, п. 3 ч. 1 ст. 66, п. 3 ч. 1 ст. 71, ч. 2 ст. 72, ч. 1 и 4 ст. 73, п. 2 ст. 435, ч. 1 ст. 455, п. 3 ч. 1 ст. 90, п. 4 ч. 1 ст. 94 УПЗ, п. 1 ч. 1 ст. 98, п. 2 ст. 99, ч. 2 ст. 100, ч. 3 ст. 101, п. 1 ч. 2 ст. 436, ч. 1 ст. 455, ч. 1 ст. 455, ч. 1 ст. 455 УПЗ, п. 2 ч. 1 ст. 43, ч. 1 ст. 455 УПЗ Латвии.

Обязанность специалиста устранился из судопроизводства, а также основания, исключающие его участие в производстве по делу, определены в ч. 1 ст. 16 УПЗ Латвии.

Специалист не может принимать участия в производстве по уголовному делу, если он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела или существуют обстоятельства, которые дают вовлеченным в процесс лицам обоснованную причину считать, что такая заинтересованность имеет место быть.

Ходатайство об отстранении специалиста может быть заявлено лицом, осуществляющим защиту, потерпевшим, представителем потерпевшего и должностным лицом, уполномоченным вести уголовный процесс, но не являющимся лицом, направляющим процесс (ч. 1 ст. 16 УПЗ Латвии).

Ходатайство об отстранении эксперта, ревизора и специалиста должно быть оформлено на основании аргументированного заявления и представлено лицу, направляющему процесс (п. 1 ч. 1 ст. 54, ч. 1 ст. 55 УПЗ Латвии). В досудебном процессе и до начала судебного разбирательства заявление об отстранении подается

в письменной форме, а при рассмотрении дела в суде – устно с внесением его в протокол судебного заседания (ч. 2 ст. 55 УПЗ Латвии).

Лица, ведущие уголовный процесс, обязаны добиваться отстранения лица, находящегося в конфликте интересов, от судопроизводства, принимая решения в пределах своей компетенции (ч. 4 ст. 50 УПЗ Латвии).

ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПОКАЗАНИЯ СВЕДУЩИХ ЛИЦ, КАК ВИДЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИИ И ЛАТВИИ

Заключение и показания эксперта и специалиста, согласно УПК РФ, являются самостоятельными видами доказательств по уголовному делу (пп. 3 и 3¹ ч. 2 ст. 74). Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ). Вместе с тем в Кодексе указано, что заключение и показания эксперта и специалиста не являются незыблемым доказательством, не обладают преимуществом перед другими доказательствами. И, как все иные доказательства, подлежат непосредственному исследованию и оценке судом и органами предварительного расследования по общим правилам, в совокупности с другими доказательствами в процессе производства по уголовному делу (ч. 2 ст. 17 УПК РФ).

Суд оценивает доказательства в их единстве и целостности согласно своей внутренней убежденности в виновности лица, доказанности события противоправного деяния и сопутствующих ему обстоятельств, в результате непосредственного исследования в ходе судебного разбирательства всех имеющихся по делу доказательств (ст. 240 УПК РФ). Каждое дока-

зательство в суде должно быть проверено и принято либо отвергнуто.

Следует также отметить, что внутренняя убежденность у лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, формируется тогда, когда все доказательства в процессе производства по делу всесторонне проверены и достоверно подтверждены, а все сомнительное и недостоверное отвергнуто и исключено. Процесс формирования внутренней убежденности есть процесс познания судьей, присяжными заседателями, а также прокурором и должностными лицами органов предварительного расследования, всех обстоятельств дела, т. е. процесс познания истины. Именно в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства по делу достигается объективная истина.

УПЗ Латвии аналогичным образом относит заключение эксперта и ревизора, а также их показания, данные при разъяснении заключения, к самостоятельным видам доказательств в уголовном процессе (ст. 132). Сведения специалиста о фактах, которые отражены в протоколах следственных действий, также являются доказательствами по уголовному делу (ст. 137 УПЗ Латвии). Закон указывает, что предметом доказывания в ходе уголовного судопроизводства является совокупность всех имеющихся в уголовном деле обстоятельств и связанные с ними факты (ч. 1 ст. 124 УПЗ Латвии). Обстоятельства, входящие в предмет доказывания, считаются доказанными, если в ходе уголовного процесса исключены любые разумные сомнения в их наличии или отсутствии (ч. 5 ст. 124 УПЗ Латвии). Правильность общепринятых методик исследования в современной науке, технике, искусстве или ремесле не требует производства дополнительных процессуальных действий и считается доказанным, если в ходе уголовного процесса не будет доказано противоположное (п. 6 ч. 1 ст. 125 УПЗ Латвии).

То, насколько достоверны используемые в доказывании сведения о фактах, оценивается путем рассмотрения всех полученных во время уголовного процесса сведений о фактах в целом и их взаимосвязи. Ни одно из доказательств не имеет заранее установленной более высокой степени достоверности по сравнению с остальными доказательствами (ч. 2 и 3 ст. 128 УПК Латвии).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание норм российского и латвийского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего организацию судебно-экспертной деятельности, в нынешнем их формулировании во многом аналогичное. Но латвийское законодательство имеет определенную специфику, поскольку однозначно ориентировано на германский судебный уголовный процесс (Strafprozess) и международно-правовые стандарты Европейского союза.

Сведущими лицами, т. е. лицами, применяющими специальные знания, в уголовном процессе России являются эксперты и специалисты, в Латвии – эксперты, ревизоры и специалисты. Правовой статус сведущих лиц в уголовных процессах России и Латвии во многом сопоставимый, но не тождественный. И, несмотря на трансформацию латвийского уголовно-процессуального законодательства в соответствии с международно-правовыми нормами и стандартами

Европейского союза, влияние советского права в вопросах применения специальных знаний в судопроизводстве было сохранено и в УПК Латвии.

УПК РФ классифицирует эксперта и специалиста в качестве иных участников уголовного судопроизводства, т. е. лиц, выполняющих функцию содействия правосудию. Тогда как УПК Латвии относит эксперта и ревизора к лицам, имеющим полномочия в уголовном процессе, специалиста – к другим лицам, вовлеченным в уголовный процесс. Если эксперт и ревизор в УПК Латвии рассматриваются как самостоятельные участники уголовного процесса в качестве «средств обеспечения судебного доказывания», то роль специалиста в судопроизводстве сведена до уровня «вспомогательного персонала».

Проведенное исследование позволило выявить отдельные проблемные аспекты правовой регламентации процессуального статуса сведущих лиц в уголовно-процессуальном законодательстве России, нуждающиеся в тщательной и продуманной доработке законодателем. Например, по-прежнему остаются злободневными вопросы законодательного закрепления в нормах УПК РФ процедуры допроса специалиста, а также требований к структуре и форме его заключения. Кроме того, в существенной доработке нуждается п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ, декларирующий право эксперта на инициативу.

Список литературы

1. Appazov A. Expert Evidence and International Criminal Justice. Cham : Springer, 2016. 207 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-24340-5>
2. Bowers C. M. Forensic Testimony: Science, Law and Expert Evidence. Kidlington ; Oxford : Academic Press, 2014. 295 p.
3. Bronstein D. A. Law for the Expert Witness. 4th ed. Boca Raton : CRC Press, 2012. 240 p.
4. Cohen K. S. Expert Witnessing and Scientific Testimony. A Guidebook. 2nd ed. Boca Raton : CRC Press, 2016. 300 p.
5. Doyle S. Quality Management in Forensic Science. London ; San Diego : Elsevier : Academic Press, 2019. 425 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2015-0-04588-9>
6. Ferguson C., Milward D. The Art of Science in the Canadian Justice System. A Reflection on My Experiences as an Expert Witness. Boca Raton : CRC Press, 2017. 171 p. DOI: <https://doi.org/10.1201/9781315229706>
7. Horne R., Mullen J. The Expert Witness in Construction. Oxford : John Wiley & Sons, 2013. 370 p.
8. Houk M. M., Siegel J. A. Fundamentals of Forensic Science. 3rd ed. Oxford ; San Diego : Elsevier : Academic Press, 2015. 736 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2013-0-12985-6>

9. Jackson R. W., Jackson J. M. *Forensic Science*. 3rd ed. Harlow : Pearson Education, 2011. 545 p.
10. Matson J. V. *Effective Expert Witnessing. Practices for the 21st Century*. 5th ed. Boca Raton : CRC Press, 2013. 193 p.
11. Shelton D. E. *Forensic Science in Court. Challenges in the Twenty-First Century*. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2011. 197 p.
12. The Expert Witness, Forensic Science and the Criminal Justice Systems of the UK / by ed. L. Hackman, F. Raitt, S. Black. Boca Raton : CRC Press, 2019. 179 p.
13. Бурков И. В. Заключение и показания эксперта в уголовном процессе : моногр. М. : Юрлитинформ, 2010. 144 с.
14. Семенов Е. А., Васюков В. Ф., Волеводз А. Г. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты. М. : МГИМО-Университет, 2020. 227 с.
15. Bohlander M. *Principles of German Criminal Procedure*. Oxford : Bloomsbury Publishing, 2012. 326 p.
16. *European Criminal Procedures* / ed. by M. Delmas-Marty, J. R. Spencer. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 775 p.
17. *Handbook of European Criminal Procedure* / by ed. R. E. Kosteris. Cham : Springer, 2018. 465 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-72462-1>
18. Репеле М., Алксне М., Ченторицка М. Аккредитация судебно-экспертных учреждений и сертификация судебных экспертов в Латвии // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 28–34.
19. Щербаковский М. Г. Обов'язкове призначення судових експертів у кримінальному провадженні // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики : зб. наук. пр. / ред. кол. А. І. Лозовий, В. Ю. Шепітько та ін. Харків: Право, 2016. Вип. 16. С. 148–157.
20. Мысина И. В. Сущность ревизии и ее отличие от других форм контроля // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 2 (16). С. 20–25.

References

1. Appazov A. *Expert Evidence and International Criminal Justice*. Cham: Springer; 2016. 207 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-24340-5>
2. Bowers C. M. *Forensic Testimony: Science, Law and Expert Evidence*. Kidlington, Oxford: Academic Press, 2014. 295 p.
3. Bronstein D. A. *Law for the Expert Witness*. 4th ed. Boca Raton: CRC Press; 2012. 240 p.
4. Cohen K. S. *Expert Witnessing and Scientific Testimony. A Guidebook*. 2nd ed. Boca Raton: CRC Press; 2016. 300 p.
5. Doyle S. *Quality Management in Forensic Science*. London, San Diego: Elsevier, Academic Press; 2019. 425 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2015-0-04588-9>
6. Ferguson C., Milward D. *The Art of Science in the Canadian Justice System. A Reflection on My Experiences as an Expert Witness*. Boca Raton: CRC Press; 2017. 171 p. DOI: <https://doi.org/10.1201/9781315229706>
7. Horne R., Mullen J. *The Expert Witness in Construction*. Oxford: John Wiley & Sons; 2013. 370 p.
8. Houk M. M., Siegel J. A. *Fundamentals of Forensic Science*. 3rd ed. Oxford, San Diego: Elsevier, Academic Press; 2015. 736 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2013-0-12985-6>
9. Jackson R. W., Jackson J. M. *Forensic Science*. 3rd ed. Harlow: Pearson Education, 2011. 545 p.
10. Matson J. V. *Effective Expert Witnessing. Practices for the 21st Century*. 5th ed. Boca Raton: CRC Press; 2013. 193 p.
11. Shelton D. E. *Forensic Science in Court. Challenges in the Twenty-First Century*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers; 2011. 197 p.
12. Hackman L., Raitt F., Black S. (Eds.). *The Expert Witness, Forensic Science and the Criminal Justice Systems of the UK*. Boca Raton: CRC Press; 2019. 179 p.
13. Burkov I. V. *Conclusion and Testimony of an Expert in Criminal Proceedings*. Moscow: Yurilitinform Publ.; 2010. 144 p. (In Russ.).
14. Semenov E. A., Vasyukov V. F., Volevodz A. G. *Legal Status and Legal Regulation of the Participation of a Specialist in Criminal Proceedings: Theoretical, Procedural and Organizational Aspects*. Moscow: MGIMO-Universitet Publ.; 2020. 227 p. (In Russ.).
15. Bohlander M. *Principles of German Criminal Procedure*. Oxford: Bloomsbury Publishing; 2012. 326 p.
16. Delmas-Marty M., Spencer J. R. (Eds.). *European Criminal Procedures*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. 775 p.
17. Kosteris R. E. (Ed.). *Handbook of European Criminal Procedure*. Cham: Springer; 2018. 465 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-72462-1>
18. Rēpele M., Alksne M., Čentoricka M. Accreditation of Forensic Science Organizations and Certification of Forensic Examiners in Latvia. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014;1:28-34. (In Russ.).

19. Shcherbakovskiy M. G. The Obligatory Use Forensic Examinations in Criminal Proceedings. In: *Theory and Practice of Forensic Science and Criminalistics. Iss. 16*. Kharkiv: Pravo Publ.; 2016. P. 148–157. (In Ukr.).

20. Mysina I. V. Essence of Audit and Its Difference from Other Forms of Control. *Vestnik of the Russian University of Cooperation*. 2014;2:20-25. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борис Аркадьевич Лукичев, научный консультант Урало-Сибирской коллегии адвокатов (ул. Тверитина, 34, секция 9, Екатеринбург, 620026, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6062-426X>; РИНЦ AuthorID: 371023; e-mail: lukichev_b@mail.ru;

Сергей Геннадьевич Алексеев, научный консультант Уральского научно-исследовательского института ВДПО (ул. Учителей, 32, Екатеринбург, 620026, Российская Федерация), кандидат химических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2951-5078>; Web of Science ResearcherID: G-4290-2013; Scopus Author ID: 16456605500; РИНЦ AuthorID: 587588; e-mail: 3608113@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Boris A. Lukichev, scientific consultant of the Ural-Siberian collegium of advocates (34 Tveritina st., section 9, Yekaterinburg, 620026, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6062-426X>; RSCI AuthorID: 371023; e-mail: lukichev_b@mail.ru;

Sergey G. Alexeev, scientific consultant of the Ural Research Institute of the All-Russian Voluntary Fire Society (32 Uchitelei st., Yekaterinburg, 620026, Russian Federation), Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2951-5078>; Web of Science ResearcherID: G-4290-2013; Scopus Author ID: 16456605500; RSCI AuthorID: 587588; e-mail: 3608113@mail.ru

Поступила | Received
10.09.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
18.11.2021

Принята к публикации | Accepted
24.12.2021

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС Administrative Law, Administrative Process

УДК 341.645

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-91-108

EDN: CZMQCQ

Original scientific article

The Right to a Fair Trial in the Area of Russian and Austrian Public Law

D. T. Karamanukyan

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ davo_lawyer@mail.ru

P. Chvosta

Austrian Federal Administrative Court, Vienna, Republic of Austria

✉ peter.chvosta@bvwg.gv.at

Abstract. The research paper examines the legal category of procedural (proceedings) law “Right to a Fair Trial” as a fundamental element of the European Human Rights Convention and the judicial practice of the European Court of Human Rights. The Authors concentrate mainly on the general part of Article 6 and focus on crucial aspects of the mentioned right which have become significant for the daily legal practice in the Russian Federation, Republic of Austria and other member states. In the domestic Russian legal doctrine, there are sectoral and international legal studies devoted to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the functioning of the European Court of Human Rights and the legal nature of its acts (A. Abashidze, E. Alisevich, M. Biryukov, S. Kalashnikova, V. Tumanov, K. Aristova). Along with this, from the standpoint of conventional rights, Russian legal scholars studied the procedural features of the implementation of acts of the European Court of Human Rights and the application of conventional norms in civil, arbitration and criminal cases (I. Vorontsova, T. Solovieva, M. Glazkova, S. Afanasiev, L. Volosatova, E. Iodkovsky, K. Mashkova, etc.). The private-scientific research methods used by the Authors in the presented scientific article, predominantly comparative, require the study of the works of foreign scholars in the field of law, which include P. Leanza, O. Pridal, D. Spielmann, V. M. Zupancic, H. Mosler, A. Buyse. Despite the rather large volume of doctrinal sources on the nature and implementation of conventional rights, the issues of applying the right to a fair trial in administrative disputes and cases arising from public law relations have not become the subject of scientific research. The empirical basis of the study conducted by the Authors is composed of 66 pilot judgments and other acts of the European Court of Human Rights on complaints from individuals against Russia, Austria, France, Finland, the Netherlands, Great Britain, Switzerland and other member states of the Council of Europe; judicial acts of the courts of Russia, Austria and other European countries. It is concluded that the practice of Article 6 of the European Human Rights Convention by the European Court has had a remarkable and sometimes unprecedented impact on public law and law enforcement activities of the European countries that are parties to the Convention. As Russian and Austrian experience shows, the decision of the European Court on behalf of the enforcement of Article 6 in one specific case can induce the state not only to adopt a separate law, but also to carry out serious institutional changes. Many such examples are given below by the Authors, which testify that the decisions of the European Court are able to act as a powerful law-forming force on the national level.

© Karamanukyan D. T., Chvosta P., 2022

Keywords: European Court of Human Rights; European Human Rights Convention; human rights; right to a fair trial; procedural guarantees; right of access to a court; enforcement of judgments.

For citation: Karamanukyan D. T., Chvosta P. The Right to a Fair Trial in the Area of Russian and Austrian Public Law. *Siberian Law Review*. 2022;19(1):91-108. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-91-108>. EDN: <https://elibrary.ru/czmqcq>

Оригинальная научная статья

Право на справедливое судебное разбирательство в публичном праве России и Австрии

Д. Т. Караманукян

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ davo_lawyer@mail.ru

П. Квоста

Федеральный административный суд Австрии, Вена, Австрийская Республика

✉ peter.chvosta@bvwg.gv.at

Аннотация. В статье исследуется правовая категория процессуального права на справедливое судебное разбирательство как основополагающий элемент Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Авторы акцентируют внимание на ст. 6 Конвенции и важнейших структурных элементах указанного конвенционного права, которые стали необходимы для осуществления повседневной юридической практики в Российской Федерации, Австрийской Республике и других государствах – членах Совета Европы. В отечественной российской юридической доктрине существуют отраслевые и международно-правовые исследования, посвященные Конвенции о защите прав человека и основных свобод, функционированию Европейского Суда по правам человека и правовой природе его актов (А. Х. Абашидзе, Е. С. Алисевич, М. М. Бирюков, С. В. Калашникова, В. А. Туманов, К. С. Аристова). Наряду с этим с позиций конвенционных прав российскими учеными-правоведами изучению подверглись процессуальные особенности реализации актов Европейского Суда по правам человека и применения конвенционных норм по гражданским, арбитражным и уголовным делам (И. В. Воронцова, Т. В. Соловьева, М. Е. Глазкова, С. Ф. Афанасьев, Л. В. Волосатова, Э. В. Иодковский, К. В. Машкова и др.). Используемые авторами частнонаучные методы исследования (в преимущественной степени компаративный) потребовали изучения трудов зарубежных юристов, к которым относятся P. Leanza, O. Pridal, D. Spielmann, B. M. Zupancic, H. Mosler, A. Buyse. Несмотря на достаточно большой объем доктринальных источников по вопросам природы и реализации рассматриваемого конвенционного права, не стали предметом научного исследования вопросы применения права на справедливое судебное разбирательство в административных спорах и делах, возникающих из публичных правоотношений. Эмпирической основой проведенного авторами исследования выступают 66 пилотных постановлений и иных актов Европейского Суда по правам человека по жалобам частных лиц против России, Австрии, Франции, Финляндии, Нидерландов, Великобритании, Швейцарии и других стран – участниц Совета Европы; судебные акты органов правосудия России, Австрии и других европейских стран. По результатам проведенного исследования авторы приходят к выводу, что практика применения Европейским Судом ст. 6 Конвенции оказывает заметное, а порой и беспрецедентное влияние на публичное право и правоприменительную деятельность России, Австрии и других европейских стран, являющихся участниками Конвенции. Приводится анализ примеров, свидетельствующих о том, что акты Европейского Суда способны выступать мощной правообразующей силой на национальном уровне. Как показывает российский и австрийский опыт, постановление Европейского Суда по правам человека по конкретному публично-правовому делу может побудить государство не только принять отдельный закон, но и провести серьезные институциональные изменения внутри страны.

© Караманукян Д. Т., Квоста П., 2022

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека; Конвенция о защите прав человека и основных свобод; права человека; право на справедливое судебное разбирательство; процессуальные гарантии; право на доступ к суду; исполнение судебных актов.

Для цитирования: Караманукян Д. Т., Квоста П. Право на справедливое судебное разбирательство в публичном праве России и Австрии // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 1. С. 91–108. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-91-108>. EDN: <https://elibrary.ru/czmqcq>

INTRODUCTION

Plato already stated 2,000 years ago that “justice is the ability to be *fair*”, a just society would require that the people be “born and live in a *fair* and just way”. Since then many philosophers emphasised the connection between justice and fairness and the importance of both for the stability of a human society [1, p. 4]. It seems that justice cannot be done without fairness, id est justice can only be achieved as a result of a fair process. The opposite is not possible: a fair judgement requires a fair proceeding. Since regular courts as we know them exist, it is vital for the public faith in the courts that judgements are understood by the people and are convincing a broader public (at least in general). The way *how* a legal proceeding has been carried out before a judgement is passed by the court can decisively encourage or reduce the acceptance of a judgement among the affected group of persons or the interested public. As the famous phrase says: «Not only must Justice be done; it must also be seen to be done»¹.

A fair proceeding assumes certain principles arranging how a fair judgement shall be delivered. Principles ensuring a fair proceeding are not an end in itself but have always a practical purpose to affect the quality of a judgement and to support that a *correct* decision is passed².

Historically the archetype of the “Right to a Fair Trial” is believed in *The Magna Charta* sealed by King John in 1215, but there

are many provisions developed in the past, which also can be seen as the predecessor of the modern «Right to a Fair Trial» [1, p. 11].

SIGNIFICANCE OF THE RIGHT TO A FAIR TRIAL

A tremendous step for the regulation of a fair trial was taken by the European Human Rights Convention (hereinafter – Convention, EHRC), which has revolutionised modern democratic legal systems [2–6]: its Article 6 provides the so called “Right to a Fair Trial” and regulates a certain minimum of procedural guarantees for decisions concerning *civil rights* and *criminal law cases*³. Among the other rights of the EHRC Article 6 turned out to be relatively unique in its variety of claims and also in its effect on the judicial practice of all member states of the EHRC: No other Article of the EHRC achieved so many impacts in the national legislation like Article 6.

Every fourth complaint submitted to the European Court of Human Rights (hereinafter – ECHR, European Court) is in one way or another related to violations of the above stated Article of the Convention. So, according to the published statistical report of the ECHR for 2020, out of 41,700 complaints sent to the ECHR, more than 23% relate to violations of Art. 6 of the Convention⁴. More importantly, according to statistical reports of the European

¹ This quote originates from Lord Chief Justice of England and Wales, *Gordon Hewart*, in the Case *R v. Sussex ex parte McCarthy* (1923). This phrase summarises perfectly the jurisdiction of the European Court of Human Rights concerning the impartiality and objectivity of judges and is frequently used also by the Austrian Highest Court. See: *Judgement* of 03.12.2010, Ns 12Ns 93/10p URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

² For example, one of the most important guarantees, the right to be heard, effects the participation of the procedural parties in the finding of facts because these parties usually have knowledge about the relevant circumstances and are able to contribute to determine the correct facts and to avoid possible errors.

³ To the scope of Article 6 see below.

⁴ URL: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports&c>

Court, most of the applications, applied to the ECHR, are against the Russian Federation: out of almost 62 000 cases pending, 13 645 (22 %) are against the Russian Federation⁵, most of which are complaints about violations of the right to a fair trial.

Remarkably, legislator modifications and amendments caused by the obligations comprised in Article 6 did not become necessary after the entry into force of the Convention in the respective member states, but only decades later – when the European Court of Human Rights issued decisions interpreting Article 6 under the circumstances of the pending case and, thus, constituting precedent law. The right to a fair trial became more the central *gateway* for the influence of the EHRC on the legal system of the member states. The exceeding dynamic of the legal development caused by specific judgements of the European Court of Human Rights, based on Article 6, proved to be astonishing. Its “explosive power” even affected “sacred cows” of the national legal tradition. For example, in Austria several decisions by the European Court of Human Rights led to the most far-reaching reform of the Austrian Constitution within 90 years containing the reconstruction of the whole legal protection system for administrative matters which eliminated the 140-year-old structure of stages of appeal within the administration, approximately 120 administrative bodies had to be resolved⁶.

One of the most significant judgments of the ECHR in relation to Russia was the “pilot” on the complaint “Burdov v. Russia” № 217⁷, in which violations of Articles 6 and 13 of the Convention, which consist in prolonged non-enforcement of the court’s decision and in the absence of legal remedies against untimely execution of judgments in the applicant’s favor. It was then that the ECHR pointed out to Russia the need to propose within six months an effective legal mechanism to ensure the timely execution of decisions of Russian courts.

The state’s response to this was the adoption a year later of federal laws of April 30, 2010 №68-FZ “On Compensation for Violation of the Right to Legal Proceedings within a Reasonable Time or the Right to Enforce a Judicial Act within a Reasonable Time” (hereinafter – FZ № 68-FZ)⁸ and № 69-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law” On Compensation for Violation of the Right to Judicial Proceedings within a Reasonable Time or the Right to Execution of a Judicial Act within a Reasonable Time” (hereinafter – Federal Law № 69-FZ)⁹. Thus, the Russian Federation introduced the right to legal proceedings within a reasonable time. In this regard, amendments were made to the Civil and Arbitration Proceedings Codes and the most important category

⁵ Only 215 against Austria. See: *ECHR – Analysis of Statistics 2020*. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2020_ENG.pdf.

⁶ In 1875 Austria had implemented a “one-stage-system” with a *limited review* by only one Administrative Court after various stages of appeal within the administration. The so-called Supreme Administrative Court was enabled to examine the completeness of investigations by the administrative authorities but could not investigate by its own. In order to maintain this traditional system, Austria acceded to the ECHR 1958 with a reservation that this structure shall be compatible with Article 6. Many Years later this reservation was declared invalid by the European Court of Human Rights (see: *Case of Eisenstecken v. Austria* (application № 29477/95) : judgement of the ECHR of October 3, 2000. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>).

⁷ *Case of Burdov v. Russian Federation* (application № 33509/04) : judgement of the ECHR of January 15, 2009 (№ 2) // Russian Chronicle of the European Court. 2009. № 4.

⁸ *On compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time* : federal law of April 30, 2010 № 68-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2010. May 4.

⁹ *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law” On Compensation for Violation of the Right to Proceedings within a Reasonable Time or the Right to execution of the judicial act within a reasonable time* : federal law of April 30, 2010 № 69-FZ (as amended of March 8, 2015) // Rossiyskaya Gazeta. 2010. May 4.

“reasonable time for legal proceedings” was introduced to the national procedural legal system, aimed at considering applications for awarding compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time. With regard to civil proceedings, in part 1 of Art. 6.1 Civil Proceedings Codes of the Russian Federation it is provided that legal proceedings in courts and the execution of a court order are carried out within a *reasonable time*. The norm providing for a trial within a reasonable time is also enshrined in Part 3 of Art. 2 of the Arbitration Proceedings Code of the Russian Federation. The introduction of the category of a reasonable time into these Codes was an important milestone in the development of the procedural branches of Russian law.

It is not possible to present the extent of Article 6 EHRC in all of its various particularities. In this paper there can be given only a short legal overview of the scope and general procedural guarantees in the area of public and civil law. We will concentrate on the general part of Article 6 and focus on such aspects which became significant for the daily practice in Russia, Austria and other member states.

The first sentence of Article 6 reads as follows:

“In the determination of his civil rights and obligations or of any criminal charge against him, everyone is entitled to a fair and public hearing within a reasonable time by an independent and impartial tribunal established by law”.

SCOPE OF ARTICLE 6

The right to a fair trial applies to “*civil rights and obligations*” and “*any criminal charge*”. Though the scope of this article seems to be *prima vista* rather limited, the European Court of Human Rights for decades now has been interpreting these terms “autonomously” and rather extensively, so that legal issues are qualified within the scope of Article 6 although these matters are in accordance with the national legal systems reserved to the jurisdiction of administrative bodies and are usually classified as public law. For example, in Austria the approval for a real estate acquisition by a foreigner was given by an administrative authority and not by a civil court; but the European Court of Human Rights found that the effect of the administrative decision in such matters regards “the relations in civil law” and the proceedings in such cases had to be compliant with the requirements of Article 6¹⁰. Contrary to its previous jurisdiction¹¹ the European Court also considers disputes between civil servants and the state as an employer to be a “civil right” according to Article 6 EHRC¹². Even social security entitlements are qualified as “civil right” because of the “economical nature” as the European Court pointed out¹³.

To recapitulate, for the purposes of the applying of Article 6 it is sufficient, that the relevant provisions for the legal dispute contain a *mainly civil-law character* even when they are embedded in public law according to the domestic legal system¹⁴.

¹⁰ Therefore a foreigner had to be entitled to challenge an administrative decision refusing to grant an approval for a real estate acquisition before an “independent and impartial tribunal” (see: *Case of Ringelsen v. Austria* (application № 2614/65) : judgement of the ECHR of July 16, 1971. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>).

¹¹ *Case of Pellegrin v. France* (application № 28541/95) : judgement of the ECHR of December 8, 1999. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

¹² See for example: *Case of Eskelinen and others v. Finland* (application № 63235/00) : judgement of the ECHR (Grand Chamber) of April 19, 2007 ; *Case of Melek Sima Yilmaz v. Turkey* : judgement of the ECHR of September 30, 2008 (application № 37829/05). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

¹³ *Case of Feldbrugge v. the Netherlands* (application № 8562/79) : judgement of the ECHR of May 29, 1986. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

¹⁴ In the more recent past the scope of the Right to a Fair Trial was extended almost tremendously by the Charter of Fundamental Rights of the European Union which declared Article 6 EHRC applicable for all matters in connection with the law of the European Union. See: Article 48 of the Charter.

In order to assess the applicability of Article 6 concerning the *criminal* aspect, the European Court set out three criteria to be considered alternatively, namely, whether the legal provision defining the offence belongs to criminal law or disciplinary (administrative) law according to the legal system of the member state, *the very nature of the offence and the degree of severity of the penalty* that the concerned person risks incurring¹⁵. Normally, the imposition of custodial sentences will establish the applicability of Article 6. Vice versa, a fine to force a witness, refusing to give evidence, to testify was not qualified as a criminal charge in the sense of Article 6¹⁶. A ban from a profession, like a suspension of the right to practise medicine as a disciplinary consequence, can be a criminal charge when the ban is not temporary and for a short-term period, but it is even then often qualified as an interference of a civil right pursuant to Article 6.

THE PROCEDURAL GUARANTEES IN GENERAL

DECISION BY A “TRIBUNAL”

In order to ensure a “fair” proceeding according to Article 6, there has to be an independent and impartial “tribunal”. A “tribunal” can be a court (translated in many languages as a “court”), but it does not need to be a court in the common sense of the word: the term “tribunal” in Article 6 is not necessarily to be understood as signifying a court of law of the classic kind. Also, administrative bodies can be classified as “tribunals” as long as these

authorities have the characteristics of a “tribunal” within the autonomous meaning of Article 6. It is not required to name the deciding organ a “court”. Vice versa, it is possible that also a “court” does not fulfil all criteria of a “tribunal” according to Article 6:

“To meet the criteria of a “tribunal” a decisive body has to deliver a *binding* decision within its competence *on the basis of rules of law* and after *proceedings conducted in a prescribed manner*”¹⁷.

An advisory board tendering advices to a minister cannot be qualified as a “tribunal” even when its advices are usually followed in the most cases¹⁸. The “tribunal” must not be bound by the administrative authority’s findings of fact and has to be able to determine the relevant facts by its own. In Austria, the Supreme Administrative Court as a restricted judicial control instance against administrative decisions was only enabled to decide on the basis of the investigations carried out by administrative authorities¹⁹. As mentioned above, the Austrian Republic had therefore to replace its old “one stage system” with a solely Supreme Administrative Court and had to establish administrative courts of the first instance with *full jurisdiction* accomplishing the criteria of a “tribunal” according to Article 6 EHRC.

A TRIBUNAL “ESTABLISHED BY THE LAW”

The “tribunal” shall be *established by the law*. This expression reflects the principle of the rule of law, which is inherent in the system of protection, established by the EHRC²⁰. The legal provisions have to

¹⁵ *Case of Jussila v. Finland* (application № 73053/01) : judgement of the ECHR of November 23, 2006. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

¹⁶ *Frowein J., Peukert W.* Europäische Menschenrechtskonvention : EMRK-Kommentar. 2nd ed. Kehl : N. P. Engel Verlag, 1996. P. 182.

¹⁷ *Case of Belilos v. Switzerland* (application № 10328/83) : judgement of the ECHR of April 29, 1988 ; *Case of Richert v. Poland* (application № 54809/07) : judgement of the ECHR of October 25, 2011. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

¹⁸ *Case of Benthem v. the Netherlands* (application № 8848/80) : judgement of the ECHR of October 23, 1985. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

¹⁹ *Case of Gradingner v. Austria* (application № 15963/90) : judgement of the ECHR of October 23, 1995. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

²⁰ *Case of DMD Group, A.S. v. Slovakia* (application № 19334/03) : judgement of the ECHR of October 5, 2010. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

regulate the structure, competence and composition of the judicial organ in order to prevent “courts of exception” established ad hoc for a concrete case²¹. It is not relevant if these legal provisions are implemented in the constitution of the member state or are incorporated in the national legal framework by international treaty norms as long as the legal basis is an Act of Parliament. Especially the rules about the allocation of cases to concrete judges seem to be very delicate: There is a lack of the legal basis of a “tribunal” if exact rules about the selection of lay judges do not exist²². The European Court found a violation of Article 6 EHRC in the case *Posokhov v. Russia* because there was no list of lay judges as it was provided by the law, and no legal grounds could be presented for the involvement of the lay judges participating in the appealed decision²³.

AN “INDEPENDENT AND IMPARTIAL” TRIBUNAL

One of the core elements of Article 6 is the expression that the “tribunal” must be *independent* and *impartial*: The independence of a “tribunal” is provided as the judge is able to decide solely according to the law and to his free will. In determining whether a body can be considered to be “independent”, the European Court of Human Rights has had regard to the manner of appointment of the members of the organ and the duration of their term of office, the existence of guar-

antees against outside pressures and the question whether the body presents an appearance of independence²⁴.

In the case *Lauko v. Slovakia* the European Court of Human Rights denied the independence of a district authority because the appointment of the head of the body was controlled by the executive and the head of the body had the status of a salaried employee whereby at the same time there was a lack of any guarantees against outside pressures²⁵.

In general, the duration of the term of office does not have to be unlimited but enough to provide a certain stability: In that sense, the European Court considered a five-year term of office as sufficient, under special circumstances even three years²⁶. The irremovability of judges by the executive during their term of office has to be seen as a corollary of their independence²⁷. During this term judges may be removed only due to special circumstances determined in precisely defined offences. The European Court assumed the lack of independence as a judge could be removed by the Minister of Justice at any time during the term of office and that there were no adequate guarantees protecting the judge against the arbitrary exercise of that power by the Minister²⁸.

Beside the aspects of the independence in appearance, Article 6 also provides the subjective independence or impartiality of the judicial organ. The affected person shall be able to be confident that the judicial

²¹ Grabenwarter C., Pabel K. European Human Rights Convention : Commentary. 6th ed. München : C. H. Beck, 2016. P. 486.

²² Case of Pandjigidze and others v. Georgia (application № 30323/02) : judgement of the ECHR of October 27, 2009. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

²³ Case of Posokhov v. Russia (application № 63486/00) : judgement of the ECHR of March 4, 2003. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

²⁴ See for example: Case of Campbell and Fell v. the United Kingdom (application № 7819/77) : judgement of the ECHR of June 28, 1984. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

²⁵ Case of Lauko v. Slovakia (application № 26138/95) : judgement of the ECHR of September 2, 1998. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

²⁶ Case of Sramek v. Austria (application № 8790/79) : judgement of the ECHR of October 22, 1984. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

²⁷ Case of Henryk Urban and Ryszard Urban v. Poland (application № 23614/08) : judgement of the ECHR of November 30, 2010. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

²⁸ Grabenwarter C., Pabel K. Op. cit. P. 488.

organ decides objectively without prejudice or bias²⁹. In the case *Micallef v. Malta* the European Court of Human Rights considered a violation of Article 6 ECHR because the judges were not legally bounded to declare themselves partial: An applicant was faced with a panel of three judges, one of whom was the uncle of the opposing party's advocate and the brother of the advocate acting for the opposing party; the Court had the opinion that the close family ties between the opposing party's advocate and the Chief Justice sufficed to objectively justify fears that the presiding judge lacked impartiality.

In relation to Russian administrative law, attention should be paid to the peculiarities of the application of Art. 6 of the Convention on cases, regarding administrative offenses.

As is known, if the national law qualifies a prohibited act as a crime, the European Court automatically refers it to the scope of Art. 6 of the Convention. At the same time, the term "criminal charge", enshrined in the specified Convention norm, is autonomous in nature, cannot depend on national legal qualifications alone and, from the point of view of the case law of the European Court, should also be applied to some cases of administrative offenses.

The character and degree of severity of the potential punishment are of decisive importance for the characterization of a particular offense as a criminal one. So, the punishment should have a punitive nature, and not be just a deterrent, at the same time, the insignificant nature of the offense still does not take it beyond the scope of Art. 6 of the Convention.

Earlier in its practice, the European Court has already established that Art. 6 of the Con-

vention applies to administrative offenses punishable by a fine (Judgment of 19 November 2015 in the case of *Mikhailova (Mikhaylova) v. Russia*, application no. 46998/08³⁰). The European Court has no doubts even if an administrative offense involves the possibility of applying such a punishment as an administrative arrest, which in its essence is a deprivation of liberty (for example, Judgment of October 3, 2013 in the case of *Kasparov and Others v. Russia*", application no. 21613/07³¹).

In the case of *Karelin v. Russia*³², the applicant was detained by a police officer and a protocol was drawn up against him for committing Disorderly Conduct under Art. 20.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses³³, which provides two types of alternative punishments – a fine of up to 1000 rubles or administrative arrest for up to 15 days.

On March 29, 2012, the Russian court of first instance began trial on the above-mentioned case. The applicant pleaded not guilty to the offense imputed to him. A police officer was also present at the trial-hearing and made a legal statement. The court found the applicant guilty of using obscene language in the presence of other people, which constituted a breach of public order, and imposed an administrative fine on him. The applicant further applied to the European Court, pointing out that the non-participation of the prosecutor in the administrative case against him resulted in a violation of Art. 6 of the Convention.

The authorities of the Russian Federation disagreed with the applicant's complaint, considering that, firstly, he had not suffered "significant harm", and, secondly, argued that

²⁹ Case of *Micallef v. Malta* (application № 17056/06) : judgement of the ECHR of October 15, 2009. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

³⁰ URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=003-5220658-6472664&filename=Judgments%20and%20decisions%20of%2012.11.15.pdf>

³¹ URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=002-8954&filename=002-8954.pdf&TID=ihgdqbxnfi>

³² URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=480232>

³³ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277>

the criminal procedural component of Art. 6 of the Convention was inapplicable, since the severity of the potential sanction, in their opinion, was not commensurate with the severity of the criminal punishment.

The Court agreed that the fine imposed on the applicant was small, but concluded that the case raised the important issue of the prosecutor's non-participation in administrative proceedings. The European Court, relying on its case-law, found Art. 6 of the Convention violated and declared the complaint admissible. In accordance with the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses the proceedings are initiated by a non-judicial body (in the Karelin case, by the police). At the same time, the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses gives prosecutors broad discretionary powers to initiate proceedings on an administrative offense, and in cases where it is initiated, to take part in it. At the same time, domestic law does not require the participation of the prosecutor in the court session and does not provide for any special consequences in connection with the fact that the prosecutor does not participate in the court session.

The European Court emphasized that Art. 29.4 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation does not provide national courts with the opportunity to require the presence of a prosecutor in cases initiated by other authorities. The European Court noted that the procedure for drawing up a report on an administrative offense does not imply an adversarial nature that would allow taking into account the objections or position of the defense, and also that the police at this stage do not act in the role of a "court".

Furthermore, the European Court came to the conclusion that the police officer who drew up a protocol on an administrative offense is also not considered by the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses as a party to the case – for example, he is deprived of the authority to file petitions with the court of first instance, which

is an integral feature of a fair trial. In this regard, the European Court concluded that the policeman is not a "prosecuting authority" and his competence does not include the presentation and defense of the prosecution on behalf of the state. It was also pointed out that the non-participation of the prosecutor in the case affects the operation of the presumption of innocence during the trial and, as a result, the impartiality of the court.

It was concluded, that in such circumstances, the European Court accepts that the trial court had no alternative but to assume the task of the prosecution during the oral hearing of the case.

In the European Court's view, it is the presence of a prosecutor during a trial, whose task it is to present and substantiate a criminal charge in order to make the dispute adversarial with the defense, that is generally necessary in order to avoid legitimate doubts that may arise as to the impartiality of the court. Also noted was the fact, that neither the police officer nor the prosecutor submitted any written arguments to the second-instance court in response to the applicant's complaint.

Thus, a violation of paragraph 1 of Art. 6 of the Convention was defined regarding the requirement of impartiality of the court.

PRINCIPLE OF EQUALITY OF ARMS

The main feature of a judicial proceedings before a court is the fact that there are two opponents acting to pursue their rights and interests equally ranked under basically (more or less) similar conditions and with the same procedural means. This is typical for a civil litigation as well as a penal procedure whereas the prosecuting authority is facing the defendant. A proceeding without this characteristic equality of the opponents in front of the court would hardly be qualified as *fair* by anyone. The principle of "equality of arms" is the core of procedural guarantees provided by Article 6 and contains especially the right *to be heard*, the right of *access to the file* and the right to a *reasoned* judgement.

It is a basic requirement of a fair hearing that in a civil litigation the claimant and the defendant as well as in a criminal proceeding the prosecutor and the defendant have both a sufficient, fair and equal opportunity to give their views regarding all relevant facts. It violates the principle of a fair hearing to give one party a more advantageous procedural position than the other one and a lack of a fair balance between the parties is provoked³⁴. The concept of a fair hearing implies the right to *adversarial* proceedings: Parties to criminal or civil proceedings must in principle have the opportunity not only to make known any evidence needed for their claims to succeed, but also to have knowledge of, and comment on, all evidence adduced or observations submitted, with a view to influencing the decision of the court³⁵. These are fundamental rights which cannot be reduced or softened by certain circumstances like the fact that the evidence deprived is neutral or even favourable to the defendant: It is a matter for the defence to assess whether a submission deserves a reaction or not³⁶. In particular in criminal proceedings it may be necessary to withhold certain evidence from the defence so as to preserve the fundamental rights of another individual or to safeguard an important public interest. However, measures restricting

the rights of the defence are only permissible when it is strictly necessary³⁷. Moreover, in order to ensure that the accused person receives a fair trial, any difficulties caused to the defence by a limitation on its rights must be sufficiently counterbalanced by the procedures followed by the judicial authorities³⁸. Even business secrets of companies can be the reason for excluding certain evidence material in a civil litigation like a contract award procedure, in order to prevent the access to business secrets among competitors³⁹.

Although the principle of equality of arms applies for civil proceedings as well as criminal procedures, the intensity of the several procedural guarantees is differing in detail and is less comprehensive in civil proceedings: For example the right to take part in the hearing is seen as a fundamental element of a fair hearing for every person charged with a criminal offence⁴⁰, but it is not guaranteed absolutely for procedures concerning civil rights. Though in certain constellations when the personal impression by the court is relevant the principle of a fair hearing will require even a personal appearance, as it was expected by the European Court in a proceeding to declare a person incapable⁴¹ or in a civil proceeding concerning defamation and an action for damages because of defamation⁴².

³⁴ *Case of Feldbrugge v. the Netherlands* (application № 8562/79) ...

³⁵ *Case of Lobo Machado v. Portugal* (application № 15764/89) : judgement of the ECHR of February 20, 1996 ; *Case of Zagrebačka banka v. Croatia* (application № 39544/05) : judgement of the ECHR of December 12, 2013. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

³⁶ *Case of Göc v. Turkey* (application № 36590/97) : judgement of the ECHR of July 11, 2002. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

³⁷ *Case of Rowe and Davis v. the United Kingdom* (application № 28901/95) : judgement of the ECHR (Grand Chamber) of February 16, 2000. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

³⁸ *Case of Van Mechelen and Others v. the Netherlands* (application № 21363/93) : judgement of the ECHR of April 23, 1997. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

³⁹ *Case C-450/06 of Varec v. Belgium* : judgement of the Court of Justice of the European Union of February 14, 2008. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁴⁰ The accused person has the right “to defend himself in person”, “to examine or have examined witnesses” and “to have the free assistance of an interpreter if he cannot understand or speak the language used in court”, and – as the European Court pointed out – it would be difficult to see how the defendant could exercise all these rights without being present. See: *Case of Colozza v. Italy* (application № 9024/80) : judgement of the ECHR of February 12, 1985. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁴¹ *Case of Winterwerp v. the Netherlands* (application № 6301/73) : judgement of the ECHR of October 14, 1979. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁴² *Case of Helmers v. Sweden* (application № 11826/85) : judgement of the ECHR of October 29, 1991. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

There are some unique features regarding the above mentioned in the Russian legal practice. Thus, in the case of “Galich v. Russia” (judgment of May 13, 2008)⁴³ the Court stated that “the requirements for a fair trial in civil cases are less stringent than in criminal cases. Nevertheless, civil proceedings must be fair, fairness implies the existence of an adversarial procedure, which, in turn, requires that the court does not base its decision on evidence that has not become available to one of the parties.”

At the same time, it follows from the fundamental positions of the ECHR that the establishment of requirements for real equality of arms in the consideration of a particular category of cases, as well as the ratio of the activity of the court and the parties in the field of proof, is within the scope of the national legislator. In addition, national procedural systems often establish non-adversarial procedures (various simplified proceedings, procedures for making judgments in absentia, analogues of Russian order proceedings, etc.), which in themselves are not incompatible with the Convention. The Court assesses the compatibility of these procedures with the criterion of fairness enshrined in the Convention. Equity is determined through the observance of the principle of procedural equality of the parties, including in the field of presentation of evidence, and the right to present their explanations in response to the arguments of the other party.

In particular, in the case of *Khuzhin v. Russia*: “In both criminal and civil matters, this principle provides that each party should be given a reasonable opportunity to know and comment on objections or evidence provided by the other party, and to present their case on terms that do not put one party at a substantially more disadvantageous position in comparison with her opponent”⁴⁴.

In regard to legislative implementation of the positions of the European Court the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation⁴⁵ (hereinafter – CAS RF), in our opinion, has been designed with a very high legal quality, using not only the main international and European standards in the field of ensuring human rights, but also modern methods and means of legal technology. So, in order to ensure the adversarial nature and equality of parties in administrative proceedings, occupying an unequal legal position in public relations and having, in connection with this, unequal opportunities in proving the circumstances in an administrative case, paragraph 7 of Art. 7 of the CAS RF provides “adversarial and equal rights of the parties to administrative proceedings with an active role of the court.” By implementing this principle, in accordance with part 2 of Art. 15 and part 1 of Art. 65 CAS RF, the domestic court, by analogy with the American quasi-judicial bodies (administrative agencies and administrative judges), has the right, on its own initiative, to demand the necessary evidence. When checking the legality of regulatory legal acts, decisions, actions (inaction) of the public administration, the court has the right to go beyond the requirements contained in the administrative statement of claim.

As the analysis of the practice of the Court in Russian cases shows, the violation of Article 6 of the Convention due to the failure to ensure the procedural equality of the parties is mainly ascertained by the European Court in relation to the consideration of criminal cases, in respect of which the Court has developed a true corpus juris.

The right of a person to be promptly notified of the commencement of a trial against him is one of the fundamental guarantees in the administration of justice. All parties must receive notice of any court hearing to be held,

⁴³ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=94453#8LgmwrStpmWMHsF6>

⁴⁴ URL: <https://base.garant.ru/12167514/>

⁴⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/

any document to be presented at the hearing, any witness summoned, any changes in the claims and objections of either party, and any other document that may be used in legal proceedings. A violation of this principle has been established by the Court in a number of Russian cases. They are mainly related to the failure to ensure the appearance of the defendants at the second instance in criminal proceedings, but the violation of Art. 6 in connection with non-observance of the right to due notification was also found by the Court in a number of civil cases (for example, *Yakovlev v. Russia*⁴⁶, *Groshev v. Russia*⁴⁷ and others). Thus, in the *Yakovlev* case, the summons for the cassation consideration of the case was sent to the applicant on the day of the court of the cassation instance, and was received 4 days after the hearing. In its judgment of July 6, 2005 the Court recalled that under Art. 6 § 1, the right to a public hearing necessarily implies the right to an “oral hearing”, but the right to a public hearing is not absolute.

DECISION “WITHIN A REASONABLE TIME”

The most important decision and also a judgment of high quality is not worth much as the concerned parties have to wait too long for the decision. The member states are obliged to provide court proceedings to be finalized within a reasonable time [7]: The defendant in a criminal proceeding should not kept in uncertainty for too long. Also, a civil proceeding must not take so much time so that the applicant does not need the decision any more.

The requirement of “consideration of the case within a reasonable time” estab-

lished by Article 6 of the Convention reflects the change in public requests for the administration of justice, which are no longer limited to the observance of the rights of the parties during the trial. This requirement also presupposes the effectiveness of justice, i.e. assessment of its results not only from the point of view of the process itself and the correctness (legality, validity) of the decision, but also from the point of view of the timely resolution of the case, which is no less important.

The European Court stated in many cases that Article 6 ECHR was violated by the length of the proceeding regardless of whether the final judgement was lawful or not. There is no fixed time limit for a proceeding, and in general the reasonableness of the duration of proceedings covered by Art. 6 § 1 must be assessed in each case according to its circumstances. The Court examines the entirety of the proceedings in question, including appeal proceedings⁴⁸. In its case-law the European Court generated certain criteria to assess the length of the proceedings, namely the degree of *complexity of the case*, the *behaviour of the applicant*, the *conduct of the competent courts* and the overall assessment, *what was at stake for the applicant* in the dispute⁴⁹.

The more important the outcome of a proceeding is for the applicant the less it is accepted a long period of time for the proceeding: A special importance for the applicant will be taken in criminal proceedings when the defendant is imprisoned or in civil litigations when the livelihood of the applicant is affected⁵⁰. For example,

⁴⁶ URL: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/yakovlev-protiv-rossii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>

⁴⁷ URL: <https://base.garant.ru/2563877/>

⁴⁸ *Case of König v. Germany* (application № 6232/73) : judgement of the ECHR of June 28, 1978. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁴⁹ *Case of Deumeland v. Germany* (application № 9384/81) : judgement of the ECHR of May 29, 1986 ; *Case of Comingersoll S.A. v. Portugal* (application № 35382/97) : judgement of the ECHR of April 6, 2000. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁵⁰ *Case of Frydlander v. France* (application № 30979/96) : judgement of the ECHR of June 27, 2000. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

a proceeding relating an employment dispute lasting more than 6 years was qualified as excessive because the case affected the formalisation of the applicant's dismissal without which he was seriously disadvantaged in finding a new employment⁵¹. Even the high age of the applicant can be a relevant aspect for the assessment of the length of the proceedings⁵². The factual or legal complexity of a case or even the behaviour of the applicant can justify a long proceeding: Concerning a criminal procedure that took more than 4 years, the European Court took into account that the proceedings went through three levels of jurisdiction, that the applicant was also responsible for certain delay, three accused persons were involved and the examination of many witnesses and voluminous documentary material was necessary⁵³. In contrast, an action of the applicant against his former employer to pay outstanding emoluments, discharge and leave allowances was qualified as an ordinary employment dispute without any complexity so that it could not justify the length of the proceeding⁵⁴.

A temporary backlog of court business is accepted by the European Court as a reason for a long proceeding, but only if the contracting state takes appropriate remedial action with the requisite promptness [8, p. 72]⁵⁵. A chronic overload cannot justify an excessive length of proceedings⁵⁶. The European Court stated that the member

states are obliged to organise their legal systems in such a way that their courts can guarantee to everyone the right to a final decision within a reasonable time⁵⁷.

As the reasonable length of proceeding has been exceeded, an infringement of Art. 6 is not constituted by the European Court when the national authorities have acknowledged in a sufficiently clear way the failure to observe the reasonable time requirement and have afforded *redress* by reducing the sentence in an express and measurable manner⁵⁸.

THE RIGHT OF ACCESS TO A TRIBUNAL

The European Court of Human Rights emphasized in his jurisdiction the requirement that the provisions of the EHRC must be interpreted in a way to give practical and effective protection to individuals. Although the first sentence of Article 6 does not state a right of access to a court or tribunal in express terms, the European Court came to the conclusion that Art. 6 §1 secures to everyone the right to have any claim relating to his civil rights and obligations brought before a court or tribunal. The “right of access” would only constitute one aspect of the “right to a court” embodied by Art. 6⁵⁹.

Further more, the right of access to a court shall not be “*theoretical or illusory*” but “*practical and effective*”, as the European Court repeated in its settled case law

⁵¹ *Case of Kormacheva v. Russia* (application № 53084/99) : judgement of the ECHR of January 29, 2004. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁵² *Case of Süßmann v. Germany* (application № 20024/92) : judgement of the ECHR of September 16, 1996. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁵³ *Case of Zaprianov v. Bulgaria* (application № 41171/98) : judgement of the ECHR of September 30, 2004. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁵⁴ *Case of Kormacheva v. Russia* (application № 53084/99) : judgement of the ECHR of January 29, 2004. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁵⁵ *Janice M., Kay R., Bradley F.* European Human Rights Law (practice and commentary). M., 1997. P. 486–487.

⁵⁶ *Case of Klein v. Germany* (application № 33379/96) : judgement of the ECHR of October 26, 2000. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁵⁷ *Case of Kormacheva v. Russia* (application № 53084/99) ...

⁵⁸ *Mitterbauer v. Austria* (application № 2027/06) : decision of the ECHR of February 12, 2009. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁵⁹ *Case of Golder v. the United Kingdom* (application № 4451/70) : judgement of the ECHR of February 21, 1975. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

for many times⁶⁰. The member states have to require a legal protection system to ensure that persons within its jurisdiction can really enjoy before a court the fundamental guarantees in Art. 6⁶¹. Unlike the wording of Art. 6 § 3 (c), which guarantees the right to free legal assistance on certain conditions in criminal proceedings, there is no *general* obligation under the Convention to make legal aid available for *all* disputes in civil proceedings⁶². The decision in the case *Airey v. Ireland* concerned the situation of the wife of an alcoholic who frequently threatened her and occasionally subjected her to physical violence: Mrs. Airey had been endeavouring to obtain a decree of judicial separation on the grounds of her husband's alleged physical and mental cruelty to her and their four children, but she had been unable, in the absence of legal aid and not being in a financial position to meet herself the costs involved, to find a solicitor willing to act for her. The consequence that Mrs. Airey had to remain wife of her husband, led to the decision that Ireland infringed the right of access because she did not receive legal aid for the purpose of petitioning for a decree of judicial separation⁶³.

In general the member states have a free choice of the means to be used to ensure an effective right of access to the courts and Article 6 only compels to provide for the assistance of

a lawyer when such assistance proves indispensable for an effective access to court either because legal representation is rendered *compulsory* or by reason of the *complexity* of the procedure or of the case⁶⁴. Although the decision in the case of *Airey v. Ireland* has been passed by the Court many decades ago, the judgement still has a lasting effect: In 2015 the Austrian Constitutional Court abolished legal provisions avoiding legal aid to be granted in administrative court procedures dealing with "civil rights and obligations": referring to the decision in the case of *Airey v. Ireland*, the Constitutional Court conceded that in many cases the procedural obligations of the Administrative Courts to establish facts *ex officio* will be sufficient to meet the guarantees of Article 6 EHRC, but the *total* prohibition without to grant legal aid even in extraordinary cases with a high complexity of the case would breach Article 6.

The right of access to the courts is not absolute and may be subject to limitations that do not restrict or reduce the access left to the individual in such a way or to such an extent that the very essence of the right is impaired⁶⁵. The European Court of Human Rights accepted legal provisions limiting the access to a court when their aim was the protection against abusive litigations or against overburdening the courts by cases of minor significance⁶⁶. Generally a limitation will not be

⁶⁰ *Case of Tolstoy Miloslavsky v. the United Kingdom* (application № 18139/91) : judgement of the ECHR of July 13, 1995 ; *Case of Hornsby v. Greece* (application № 18357/91) : judgement of the ECHR of March 19, 1997 ; *Case of Del Sol v. France* (application № 46800/99) : judgement of the ECHR of February 26, 2002 ; *Case of Bertuzzi v. France* (application № 36378/97) : judgement of the ECHR of February 13, 2003 ; *Case of Starosczyk v. Poland* (application № 59519/00) : judgement of the ECHR of March 22, 2007 ; *Case of Ibrahim and others v. the United Kingdom* (application № 50541/08) : judgement of the ECHR (Grand Chamber) of September 13, 2016. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁶¹ *Case of Del Sol v. France* (application № 46800/99) ...

⁶² *Case of Airey v. Ireland* (application № 6289/73) : judgement of the ECHR of October 9, 1979. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁶³ *Case of Airey v. Ireland* (application № 6289/73) ...

⁶⁴ *Case of Gnahre v. France* (application № 40031/98) : judgement of the ECHR of September 19, 2000. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁶⁵ *Case of Ashingdane v. the United Kingdom* (application № 8225/78) : judgement of the ECHR of May 28, 1985 ; *Case of Khamidov v. Russia* (application № 72118/01) : judgement of the ECHR of November 25, 2007 ; *Case of Baka v. Hungary* (application № 20261/12) : judgement of the ECHR (Grand Chamber) of June 23, 2016. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁶⁶ *Case of Bayar and Gürbüz v. Turkey* (application № 37569/06) : judgement of the ECHR of November 27, 2012. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

compatible with Art. 6 § 1 if it does not pursue a legitimate aim and if there is not a reasonable relationship of proportionality between the means employed and the aim sought to be achieved⁶⁷. In that sense the European Court qualified procedural requirements or the obligation to be represented by a lawyer usually as proportional⁶⁸. The rules on time-limits for lodging an appeal have also been accepted by the Court when they were designed to ensure the proper administration of justice and legal certainty, providing that the applicant could foresee the end of the time-limit and had enough time to prepare the remedy⁶⁹. The inadmissibility of applications because of clerical errors the applicant could not be held liable for was, however, qualified as excessively formalistic and as a denial of the right of access to a court in respect of the applicant's claim⁷⁰.

For example, the payment of court fees as a condition of admissibility of a legal action does not breach Article 6 § 1 as long as the level of the fee is not unproportional: In the case *Kreuz v. Poland* the applicant suing a Municipality for damages had to pay procedure fees which were equal to an average annual salary in Poland. Bearing in mind that the applicant could not pay the fee and had to desist from his claim the European Court concluded that excessive court fees impaired the very essence of the right to access to a court⁷¹. In the recent past the "right of access" became more and more a universal instrument to review all kind of factual obstacles to the access to courts, like for example even technical barriers, illustrated by a Slo-

vakian case: The ordinary courts refused to register several actions recorded on DVD on the ground of a lack of technical equipment to process the actions by the courts although the possibility of electronic filing had been incorporated in Slovakian law some years before⁷².

Thus, in the case of "Sergey Smirnov v. Russia" (judgment of December 22, 2009)⁷³ the European Court found a violation of Art. 6 § 1 of the Convention in the context of the applicant's right to access a court. It was expressed in the fact that the courts of general jurisdiction (first and second instance) refused to accept for consideration the statements of claim filed by Mr. Smirnov due to his lack of registration at the place of residence. This case demonstrates a vacuum of legal protection for individuals who do not have registration at their place of residence in Russia. The applicant in this case tried to perform ordinary actions (rent property, register a mobile phone number), which he was denied due to lack of registration. Complaints filed in court against such a refusal were also not accepted due to the lack of registration at the place of residence.

In this case, the European Court noted that "the right to initiate legal proceedings in a civil case constitutes only a part of the right to a court, however, it is this part that makes it possible to use the additional guarantees that are laid down in paragraph 1 of Art. 6 (see the judgment in the case of "Teltronic-CATV company v. Poland", dated

⁶⁷ *Case of Markovic and Others v. Italy* (application № 1398/03) : judgement of the ECHR (Grand Chamber) of December 14, 2006 ; *Case of Stanev v. Bulgaria* (application № 36760/06) : judgement of the ECHR of January 17, 2012 ; *Case of Baka v. Hungary* (application № 20261/12) ... URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁶⁸ *Grabenwarter C., Pabel K.* Op. cit. P. 500.

⁶⁹ *Case of Melnyk v. Ukraine* (application № 23436/03) : judgement of the ECHR of March 28, 2006. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁷⁰ *Case of Zwazek Nauczycielstwa Polskiego v. Poland* (application № 42049/98) : judgement of the ECHR of September 21, 2004. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁷¹ *Case of Kreuz v. Poland* (application № 28249/95) : judgement of the ECHR of June 19, 2001. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁷² *Case of Lawyer Partners, A.S. v. Slovakia* (application № 54252/07) : judgement of the ECHR of June 16, 2009. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁷³ URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22002-3217%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22002-3217%22]})

January 10, 2006⁷⁴”). The court noted that “the requirement to indicate the place of residence of the plaintiff does not in itself violate Article 6 § 1. It pursues the legitimate aim of the proper administration of justice, since it allows the courts to keep in touch with the plaintiff and serve him summons or court decisions. However, in this case the applicant, who did not have a definite place of residence, could not comply with the court’s requirements, but he offered an alternative – he named the address for correspondence.”

Noting that the rules of jurisdiction did not prevent the courts from accepting the claim, since it was brought at the location of the defendant, the Court pointed out that “the domestic courts not only punished the applicant for failing to comply with the formal requirement, but also imposed significant restrictions on him, preventing consideration... his claims. ... This violated the very essence of the right of access to a court ... Such a strict application of a procedural norm without considering special circumstances cannot be considered compatible with the provisions of paragraph 1 of Article 6.”

If the indication of the place of residence of the plaintiff in the statement of claim is necessary mainly for the purposes of communication between the court and the plaintiff, then certain steps are also possible to establish alternative mechanisms for such communication, as is done, for example, in the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, article 125 of which as amended, entered into force from November 1, 2010, requires the indication of the plaintiff’s email address in the statement of claim. This creates an alternative to the traditional method of sending court notices in courts of general jurisdiction – in cases similar to those considered in the case of Sergei

Smirnov. This case demonstrates the formal approach of the courts to the application of procedural norms, when law enforcement practice is guided not by their initial goal (in this case, the communication of the court with the plaintiff), but only by following the letter of the law.

THE ENFORCEMENT OF JUDGEMENTS

It would be inconceivable if Article 6 § 1 described in detail procedural guarantees afforded to litigants in order to be granted a fair proceeding without protecting the implementation of judicial decisions. The restriction of Article 6 exclusively to the aspect of the access to a court would lead to situations incompatible with the principle of the Rule of Law, as the European Court stated⁷⁵. The execution of a judgement given by any court must be regarded as an integral part of the trial for the purposes of Art. 6.

The principle of unconditional execution of a judicial act is mentioned not only in the Convention, but also in the recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe of September 9, 2003 № 17 “On Compulsory Execution”. In accordance with this recommendatory act, the enforcement procedures must be proportionate to the claim, the amount of the claim and the interests of the defendant.

In the very first decision of the European Court concerning the Russian Federation, the applicant Mr. Burdov was awarded compensation for his poor health as a result of his involvement in emergency operations at the site of the Chernobyl nuclear plant disaster, but although his legal actions against the Social Security Service succeeded before the Shakhty City Court, the compensation had not been paid on the ground that the Social Security Service and the Regional Ministry of Labour and Social Development were under-

⁷⁴ URL: <https://sip.lex.pl/orzeczenia-i-pisma-urzedowe/orzeczenia-sadow/48140-99-teltronic-catv-v-polska-decyzja-europejskiego-520244762>

⁷⁵ *Case of Hornsby v. Greece* (application № 18357/91) ... ; *Case of Burdov v. Russia* (application № 59498/00) : judgement of the ECHR of May 7, 2002. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

funded⁷⁶. The European Court noted that the Shakhty City Court's decisions remained unenforced wholly or in part for many years and underlined that it would not be open to a state authority to cite lack of funds as an excuse for not honouring a judgment debt. By failing for years to take the necessary measures to comply with the final judicial decisions, the European Court came to the conclusion that the state authorities deprived the provisions of Art. 6 § 1 of all useful effect.

Several Russian cases concerned the fact that a judicial decision by a Russian Court that had become *final* and *binding*, was subsequently quashed or even amended by a higher court on an application by a state official⁷⁷. The European Court ruled out that one of the fundamental aspects of the Rule of Law is the principle of *legal certainty*, which requires, among other things, that where the courts have finally determined an issue, their ruling should not be called into question but enforced without any unreasonable delay. As the European Court ruled out legal certainty presupposes respect for the principle of *res judicata*, i.e. the principle of the finality of judgments. No party should be entitled to seek a review of a final and binding judgment merely for the purpose of obtaining a rehearing and a fresh determination of the case. Higher courts' power of review should be exercised to correct judicial errors and miscarriages of justice, but not to carry out a fresh examination. The review should not be treated as an appeal in disguise, and the mere possibility of there being two views on the subject is not a ground for re-examination. A departure from that principle is justified only when made necessary by circumstances of a substantial and compelling character.

In the Russian national legislation, this principle has also found its confirmation.

So, in the Federal Law of October 2, 2007 № 229-FZ "On Enforcement Proceedings" (Part 5 of Art. 4)⁷⁸, one of the principles of enforcement proceedings is the correlation between the volume of claims of the claimant and enforcement measures.

CONCLUSION

On the one hand, many critics articulate the view that the impact of the jurisdiction of the European Court of Human Rights on the legal system of the member states has been emerged too strong and the Court would smash decade-long traditions of the member states with no or with very little restraint. This might be true and can be observed in particular on the basis of the case law concerning the guarantees of Art. 6. But on the other hand, there is no doubt that the influence of the jurisdiction of the European Court after all has improved enormously the standards of the legal protection systems of all member states. The continuous optimization of the effectivity of the legal system dealing with such issues is strengthening the rule of law and is the most important accomplishment of the EHRC. Definitely, nobody would like to return to the lower standards before the EHRC came into force. This will be true above all for the concept of a "fair trial" as an ideal to be treated as an individual by the state authorities when decisions will be issued about his most important subjects, namely the individual's "civil rights and obligations" and any "criminal charge against him". In the end, the procedural guarantees of Article 6 have no other purpose than to ensure that a just and fair judgment is passed, in other words that a proceeding leads to a correct decision.

⁷⁶ Case of Burdov v. Russia (application № 59498/00) ...

⁷⁷ Case of Ryabaykh v. Russia (application № 52854/99) : judgement of the ECHR of July 24, 2003 ; Case of Sardin v. Russia (application № 69582/01) : judgement of the ECHR of February 12, 2004 ; Case of Pravednaya v. Russia (application № 69529/01) : judgement of the ECHR of November 18, 2004 ; Case of Gladyshev and others v. Russia (application № 20430/04) : judgement of the ECHR of February 7, 2008 ; Case of Magomedov v. Russia (application № 20111/03) : judgement of the ECHR of December 4, 2008. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/>

⁷⁸ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/

References

1. Leanza P., Pridal O. *The Right to a Fair Trial: Article 6 of the European Convention on Human Rights*. Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer; 2014. 276 p.
2. Spielmann D. The European Convention on Human Rights. The European Court of Human Rights. In: Oliver D., Fedke J. (Eds.). *Human Rights and the Private Sphere. A Comparative Study*. London, New York: Routledge-Cavendish, 2007. P. 427–464.
3. Zupančič B. M. On the Interpretation of Legal Precedents and of the Judgments of the European Court of Human Rights. In: Miller R. A., Zumbansen P. C. (Eds.). *Annual of German and European Law. Vol. II/III (2004/2005)*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2007. P. 156–170.
4. Mosler H. Problems of Interpretation in the Case Law of the European Court of Human Rights. In: Kalshoven F. (Ed.). *Essays on the Development of the International Legal Order. In Memory of Haro F. Van Panhuys*. Alphen aan den Rijn: Sijthoff & Noordhoff, 1980. P. 149–167.
5. Buyse A. The Pilot Judgment Procedure at the European Court of Human Rights: Possibilities and Challenges. *Nomiko Vima (The Greek Law Journal)*. 2009;57:1890–1902.
6. Føllesdal A., Peters B., Ulfstein G. (Eds.). *Constituting Europe: The European Court of Human Rights in a National, European and Global Context*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 442 p.
7. Ksenofontova N. G. “Reasonable time” in the Judgments of the European Court of Human Rights. In: *Russian and European Human Rights Systems: Correlation and Problems of Harmonization*. Nizhny Novgorod: Open Society Institute; 2003. P. 403–410.
8. Neshataeva T. N. Consideration of a Dispute About Civil Rights Within a Reasonable Time. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 1999;7:72.

ABOUT THE AUTHORS

David T. Karamanukyan, Provost of Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3401-9298>; e-mail: davo_lawyer@mail.ru;

Peter Chvosta, Judge of the Austrian Federal Administrative Court (192-196 Erdbergstraße, Vienna, 1030, Republic of Austria), Doctor of Law; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1902-4128>; e-mail: peter.chvosta@bvwg.gv.at

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давид Тониевич Караманукян, первый проректор Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3401-9298>; e-mail: davo_lawyer@mail.ru;

Петр Квоста, судья Федерального административного суда Австрии, (Эрдбергштрассе, 192-196, Вена, 1030, Австрийская Республика), доктор права; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1902-4128>; e-mail: peter.chvosta@bvwg.gv.at

Поступила | Received
04.02.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
04.02.2022

Принята к публикации | Accepted
07.02.2022

УДК 342.92

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-109-123

EDN: DКЕНАJ

Оригинальная научная статья

Административно-процессуальное право России: состояние, проблемы и перспективы

В. Е. Севрюгин *Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация*

✉ 17041945@mail.ru

Аннотация. На основе анализа нормативных правовых актов, работ российских и зарубежных ученых, результатов современных исследований в статье дается характеристика современного состояния отрасли административно-процессуального права России. С учетом доктринальных положений российского и зарубежного административного и административно-процессуального законодательства исследуются понятие, содержание, структура и система построения административного процесса и административно-процессуального права России. Цель – сформулировать обобщенные рекомендации законодателю для устранения имеющихся пробелов в правовом регулировании, определить направления и тенденции построения и развития отраслевой концепции теории административного процесса и административно-процессуального права, выработать предложения по совершенствованию механизма правового регулирования. Автор опирался на современные методы познания, выявленные и разработанные юридической наукой и апробированные практикой. Общеметодологическую основу составили метод материалистической диалектики и концептуального анализа правовой действительности, позволяющие рассмотреть и раскрыть проблематику категориального понимания административного процесса и административно-процессуального права комплексно, в неразрывном единстве с другими правовыми явлениями и категориями. В ходе исследования применялись частнонаучные и специальные методы познания: формально-логический, аналогии и обобщения (при изложении всего материала исследования и формировании выводов); методы системного и сравнительно-правового анализа (при изучении нормативных правовых актов и иных источников); исторический и статистический методы (в процессе ретроспективного изучения правовых актов, специальной литературы по исследуемой проблематике); контент-анализа (в процессе выборки и анализа отдельных положений законодательных и иных нормативных правовых актов, статистических данных, монографий, научных публикаций). С помощью метода правового моделирования были сформулированы и обоснованы предложения по современной трактовке административно-процессуального права в механизме правового регулирования, его роли и месте в структуре российского права. В рамках настоящего исследования предлагается соответствующий юридический инструментарий для разрешения наиболее важных на сегодня задач в сфере административно-процессуальных правоотношений. По этой причине ядром современной доктрины административно-процессуального права, по нашему убеждению, способна выступить концепция административного процесса как сложного нормативного образования, строго регламентированного законодательством установленного порядка деятельности его участников по разрешению судебно-административных дел и дел об административных правонарушениях, урегулированных нормами административно-процессуального права. Резюмируется, что в современном цивилизованном гражданском обществе невозможно только по наличию норм и отраслей материального права судить о развитости и демократичности правовой системы государства. Важную и все более значимую роль в обеспечении законности, защите прав, свобод и законных интересов граждан и организаций от противоправных посягательств играют процессуальные нормы. Без фундаментальных научных исследований юридического процесса и теории процессуального права в целом и административно-процессуального права в частности невозможно оценить реальное

состояние механизма правового регулирования. А следовательно, и реальное состояние законности в стране и степень защищенности прав, свобод и законных интересов ее граждан, организаций и бизнеса от противоправного вмешательства в их законную деятельность органов и должностных лиц официальной администрации.

Ключевые слова: материальное право; процессуальное право; административный процесс; административно-процессуальное право; процессуальный институт; отрасль права; отрасль законодательства; понятие; сущность; предмет; система права.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-411-72000.

Для цитирования: Севрюгин В. Е. Административно-процессуальное право России: состояние, проблемы и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 1. С. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-109-123>. EDN: <https://elibrary.ru/dkehaj>

Original scientific article

Administrative Procedural Law in Russia: Status, Problems and Prospects

V. E. Sevryugin

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

✉ 17041945@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of legal acts, with the involvement of the works of Russian and foreign scientists, the results of modern research, this article describes the current state of the branch of administrative procedural law in Russia. On the basis of the doctrinal provisions of Russian and foreign administrative and administrative procedural legislation, the concept, content, structure and system of building the administrative process and administrative procedural law in Russia are studied. The purpose of the study is to formulate generalized recommendations for the legislator to eliminate existing gaps in legal regulation, to determine the directions and trends in the construction and development of the sectoral concept of the theory of administrative process and administrative procedural law, to develop proposals for improving the mechanism of legal regulation. In achieving the goal of the study, the Author relied on modern methods of cognition, identified and developed by legal science and tested by practice. The general methodological basis was the method of materialistic dialectics and conceptual analysis of legal reality, allowing to consider and reveal the problems of categorical understanding of the administrative process and administrative procedural law in a complex, inseparable unity with other legal phenomena and categories. In the course of the study, private scientific and special methods of cognition were used: formal-logical, analogies and generalizations (when presenting the entire research material and drawing conclusions); methods of systematic and comparative legal analysis (when studying normative legal acts and other sources); historical and statistical methods (in the process of retrospective study of legal acts, special literature on the issues under study); content analysis (in the process of sampling and analysis of certain provisions of legislative and other regulatory legal acts, statistical data, monographs, scientific publications). Using the method of legal modeling, proposals were formulated and substantiated for the modern interpretation of administrative procedural law in the mechanism of legal regulation, its role and place in the structure of Russian law. Within the framework of this study, appropriate legal tools are proposed for resolving the most important tasks today in the field of administrative procedural legal relations. For this reason, the core of the modern doctrine of administrative procedural law, in our opinion, can be the concept of the administrative process as a complex normative formation, strictly regulated by the legislation of the established procedure for the activities of its participants in resolving judicial administrative cases and cases of administrative offenses regulated by the norms of administrative procedural law. the rights. It is summarized that in a modern civilized civil society it is impossible

© Sevryugin V. E., 2022

only by the presence of norms and branches of substantive law to judge the development and democracy of the legal system of the state. Procedural norms play an important and increasingly significant role in ensuring the rule of law, protecting the rights, freedoms and legitimate interests of citizens and organizations from unlawful encroachments. Without fundamental scientific research on the legal process and the theory of procedural law in general and administrative procedural law in particular, it is impossible to assess the real state of the mechanism of legal regulation. And, consequently, the real state of law in the country and the degree of real protection of the rights, freedoms and legitimate interests of its citizens, organizations and businesses from unlawful interference in their legitimate activities by bodies and officials of the official administration.

Keywords: substantive law; procedural law; administrative process; administrative procedural law; procedural institute; branch of law; branch of legislation; concept; essence; thing; system of law.

Funding. The research was funded by RFBR and Tyumen Region, project number 20-411-72000.

For citation: Sevryugin V. E. Administrative Procedural Law in Russia: Status, Problems and Prospects. *Siberian Law Review*. 2022;19(1):109-123. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-109-123>. EDN: <https://elibrary.ru/dkehaj> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В российской дореволюционной правовой науке во второй половине XIX в., в научных трудах отдельных групп ученых-юристов высказывалась идея о необходимости формирования административной юстиции и административно-процессуального права как самостоятельной отрасли права. Хотя данные факты не были единичными, эти идеи были разрозненными и не носили системного характера. В целом теории административного процесса уделялось недостаточное внимание. При этом научные исследования административного процесса велись преимущественно в рамках материального административного права и за его границы не выходили. Исходя из данного понимания строился предмет и система административно-процессуального права дореволюционной России. Поэтому в этот период приемлемых теоретических концепций административного процесса не было сформулировано.

Новый импульс своего развития учение об административно-процессуальном пра-

ве получило в конце XIX и начале XX вв. благодаря научным исследованиям российских ученых В. А. Гагена¹, В. Ф. Дерюжинского [1], Б. А. Кистяковского, Н. М. Коркунова [2], С. А. Корфа [3], Н. Н. Розина [4], Н. И. Лазаревского, А. И. Елистратова², В. Кобалевского, М. Д. Загряцкого [5], И. Т. Тарасова, В. А. Рязановского³, И. В. Михайловского [6], М. Шпилевского и др. Научные труды этих русских, российских и ряда зарубежных ученых использованы при проведении настоящего исследования.

Большой вклад в осуществление глубокой правовой реформы в царской России принадлежит видному государственному деятелю М. М. Сперанскому. Последний считал возможным и необходимым создание в России административных судов и формирование для этих целей нормативной базы для обращения с жалобами в вышестоящие органы царской администрации, правительственные, губернские и иные административно-судебные учреждения.

Исследованием проблем административного процесса, административной

¹ Гаген В. А. Административная юстиция : конспект лекций. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д. : Тип. С. С. Сивожапелова и Ко, 1916. 114 с.

² Елистратов А. И. Административное право : лекции. М. : Тип т-ва И. Д. Сытина, 1911. 235 с.

³ Рязановский В. А. Единство процесса : учеб. пособие / вступ. ст. М. К. Треушников. М. : Городец, 2005. 80 с.

юстиции, административно-процессуального права в этот период занимались не только представители административно-правовой науки и науки полицейского права (В. А. Гаген⁴, В. Ф. Дерюжинский [2], А. И. Елистратов⁵, М. Д. Загряцков [5], В. Кобалевский, Н. И. Лазаревский, С. А. Корф [3, с. 446], И. Т. Тарасов, М. Шпилевский и некоторые другие), сформировавшие основные направления и пути развития науки административной юстиции и административно-процессуального права России, но и теоретики права (Н. М. Коркунов [2, с. 629–642], Б. А. Кистяковский), ученые процессуалисты (В. А. Рязановский⁶, И. В. Михайловский [6]). В работах этих ученых уже на рубеже XX в. была разработана целостная теоретическая концепция административной юстиции, отражающая ее сущность, правовую природу и предназначение. Данная концепция содержала прогрессивный для того времени, сложившийся в западноевропейском (главным образом в немецком и французском) административном праве и законодательстве юрико-позитивистский подход к проблеме административной юстиции. Концепция административной юстиции содержала обоснованные, аргументированные положения, во-первых, о предмете административного иска и его специфических особенностях, во-вторых, об отличительных признаках административного иска от исков гражданского и уголовного, в-третьих, о необходимости и полезности создания в российской империи независимых от исполнительной власти административных судов, отличных от судов по гражданским и уголовным делам.

Административно-процессуальное право России рассматриваемого периода исследовалось в трудах российских ученых в рамках прогрессивных моделей

организации административной юстиции, характерных для правовых систем ведущих европейских стран (Англии, Франции, Германии) и научных взглядов зарубежных ученых [2, с. 629].

К сожалению, прогрессивные идеи и передовые научные разработки русских ученых по проблемам административной юстиции, административного процесса и административно-процессуального права не были востребованы и воплощены в практическую деятельность судебно-административных учреждений царской России. Не нашли они своего применения и в эпоху «развитого социализма». Частично эти идеи, взгляды и наработки стали использоваться в постсоветский период, уже в новой России, провозгласившей своей конституционной целью построение демократического социального правового государства и создание современного гражданского общества.

О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ПРОЦЕССА КАК ЮРИДИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Разработке единого подхода к пониманию и характеристике процесса как юридической категории в современной правовой литературе уделялось и уделяется достаточно большое внимание. Однако однозначного определения понятия «процесс», как и понятия «юридический процесс», «административный процесс», ни в общей теории права, ни в процессуальных и непроцессуальных отраслях права, ни в административно-процессуальном праве не выработано.

Известно, что наука процессуального права в континентальной Европе, а позднее в России, возникла и стала формироваться в качестве самостоятельной области правового знания лишь в XIX в., т. е. гораздо позднее самого предмета. В процессе длительного исторического

⁴ Гаген В. А. Указ. соч. С. 97.

⁵ Елистратов А. И. Указ. соч. С. 49.

⁶ Рязановский В. А. Указ. соч.

развития процессуальное право как отрасль права (совокупность правовых норм, регулирующих юрисдикционную и иную охранительную деятельность государственных и иных специально уполномоченных органов) стало приобретать относительно самостоятельное значение лишь в XX в. и оформилось в рамках концепции судебного права [1].

Действующее российское законодательство закрепляет разные по своему содержанию виды юридических процессов: гражданский, уголовный, административный, арбитражный, конституционный, законодательный, избирательный, налоговый, бюджетный, нормотворческий, регистрационный, контрольно-надзорный, исполнительный, наградной и ряд других. В связи с этим в научной и учебной литературе по общей и отраслевой теории права получило широкое распространение ошибочное мнение о том, что каждому виду государственно-властной деятельности соответствует свой вид юридического процесса и, соответственно, свои собственные подходы к определению его понятия и сущности. Во-первых, юридический процесс – это юрисдикционная и иная охранительная деятельность органов правосудия (деятельность направленная на разрешение споров о праве и осуществлении правового принуждения). В данном контексте процессуальное право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе осуществления правосудия, в связи с ним или в связи с деятельностью, подготавливающей осуществление правосудия. Во-вторых, юридический процесс – это юрисдикционная и иная охранительная деятельность уполномоченных органов государства и других субъектов. Под процессуальным правом в данном случае понимается совокупность правовых норм, регулирующих деятельность, направленную на разрешение споров о праве, и осуществление правового

го принуждения. В-третьих, юридический процесс – это вся правоприменительная и правотворческая деятельность компетентных органов государства. В связи с таким пониманием процесса процессуальное право призвано регулировать общественные отношения, складывающиеся в процессе правотворчества и процессе применения норм материального права. В-четвертых, юридический процесс – это процесс реализации материально-правовых норм безотносительно к формам такой реализации. В этом случае процессуальное право представляет собой «инструкцию» по реализации права материального. Данный подход не позволяет определить предмет процессуального права и провести четкую границу между материальными и процессуальными явлениями в праве. В-пятых, юридический процесс – это вся юридическая деятельность государственных органов (правотворческая, правоисполнительная, учредительная, контрольно-надзорная, исполнительно-распорядительная). Под процессуальным правом понимается вся совокупность правовых норм, регулирующих эту деятельность [7, с. 41–42; 8].

Предпринятый сравнительно-правовой анализ существующих в общеправовой и отраслевой процессуальной теории различных подходов и точек зрения к определению понятия юридического процесса свидетельствует о том, что сущность юридического процесса по-прежнему остается неясной и рассматривается процессуальной наукой как форма осуществления разных по содержанию видов государственно-властной деятельности с их безбрежно расширяющимся перечнем. Отсутствие общепризнанного определения юридического процесса серьезно тормозит выработку единого подхода к его толкованию, определению его роли и места в структуре права, в механизме правового регулирования. В результате чего в науке административного права,

так же, как и в ряде других отраслевых наук, за последние сто лет так и не выработано единого мнения о сущности, содержании, правовой природе административного процесса и соответствующей отрасли административно-процессуального права. Развитие теории административного процесса остановилось на уровне понимания его в качестве процессуальной деятельности, приспособленной для рассмотрения индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления и применения мер административного принуждения.

Оригинальную, логически последовательную конструкцию основных свойств процесса и его понятийного аппарата как юридической категории во второй половине XX в. предложил В. Д. Сорокин. Свою позицию он аргументировал в докторской диссертации «Вопросы теории советского административно-процессуального права», защищенной в 1968 г. на юридическом факультете Ленинградского государственного университета.

Суть его доктринальной концепции состоит в следующем. Во-первых, юридический процесс, если его рассматривать в целом, представляет собой ярко выраженную государственно-властную деятельность, с помощью которой решения органов государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной) облекаются в предусмотренную законом юридическую форму – правовые акты (нормативные и индивидуальные). Во-вторых, единство властной природы всех видов юридического процесса не только не исключает, но, напротив, предполагает известные различия чисто технического характера. Законодательный процесс как юридическая форма реализации одной из ветвей государственной власти находится в сфере «своей» материальной отрасли – конституционного права – и не выходит за ее пределы. Гражданский и уголовный процессы выражают власт-

ную природу правосудия и участвуют в реализации норм практически всех материальных отраслей российского права. Административный процесс (как бы его не рассматривать – узко или широко) является процессуальной формой исполнительной ветви власти. В-третьих, определяющая роль в отправлении юридического процесса принадлежит органам соответствующих ветвей единой государственной власти. У каждого вида юридического процесса есть свой властный источник – соответствующая ветвь государственной власти. Согласно принципу разделения властей, закрепленному в ст. 10 Конституции Российской Федерации, этот вывод имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Впервые в конституционной норме (п. «к» ч. 1 ст. 72) административно-процессуальное право и административно-процессуальное законодательство получили свое закрепление, что позволяет более четко определить место административно-процессуального права и законодательства в системе российского права. В-четвертых, главной особенностью процесса является то, что это не любая властная деятельность, а исключительно юридическая, как по своей цели, так и по результатам. Смысл и назначение юридического процесса любого вида (законодательного, гражданского, уголовного, административного, бюджетного) – достижение предусмотренного законом юридического результата, модель которого заложена в соответствующей материальной норме, оформленного в виде соответствующего юридического акта – закона, постановления, решения, приговора, определения суда, акта органа исполнительной власти, его должностного лица. В-пятых, любой вид юридического процесса – это не застывшее понятие, а развивающееся динамичное явление, представляющее собой достаточно сложную деятельность соответствующих органов государственной власти, посредством

которой реализуются их функции – законодательные, исполнительные, судебные, контрольно-надзорные, правоохранительные. Поскольку задачи и содержание деятельности этих органов различны, то, соответственно, разнообразны и процессуальные формы реализации этой деятельности. Для административного, гражданского и уголовного процессов характерно то, что они объединяют ряд производств, предусмотренных соответствующим процессуальным законодательством. В то же время такие виды процессов, как законодательный и бюджетный, производств не имеют. Каждый вид процесса (вне зависимости от наличия или отсутствия в его структуре производств) представляет собой деятельность, проходящую определенные стадии, логически следующие одна за другой, этапы, в пределах которых законодательством предусмотрено совершение процессуальных действий. Количество таких стадий, их содержание и последовательность специфичны для каждого вида процесса. В-шестых, процесс как деятельность юридическая (и по своему содержанию, и по конечным результатам), объективно нуждается в специальном правовом регулировании. Такое регулирование с разной степенью детализации охватывает все стороны процессуальной деятельности различных государственных органов и осуществляется с помощью процессуальных норм, играющих важную роль в системе российского права. В-седьмых, юридический процесс, как и его органическая составная часть – административный процесс, является совершенно необходимым элементом механизма правового регулирования, который наряду с предметом и методом правового регулирования действует на уровне всей системы российского права [9–12]. Таким образом, процесс как юридическая категория представляет собой установленный действующим процессуальным законодательством порядок властной деятельности

его участников, нацеленный на достижение предусмотренного нормами материального права требуемого юридического результата.

ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Административный процесс как вид юридического процесса в научной и учебной литературе по административному праву выделяется по отраслевому признаку. Представляет собой самостоятельный вид процессуальной деятельности, урегулированный нормами административно-процессуального права, призванный обеспечить надлежащую реализацию материальных норм различных отраслей российского права по достижению предусмотренного этими нормами требуемого юридического результата. Характерными признаками административного процесса как отраслевого вида юридического процесса являются следующие: 1) субъектами административного процесса выступают органы и должностные лица публичной администрации; 2) в рамках административного процесса рассматриваются и разрешаются в соответствии с установленными законом административными и судебными процедурами подведомственные данным субъектам административные и судебно-административные дела, возникающие из административно-правовых отношений; 3) юридическая сущность административного процесса и его единое понимание безотносительно к узкому или широкому трактованию. Об этом свидетельствуют, во-первых, одна общая цель – правильное и законное разрешение конкретного дела, во-вторых, общее основание возникновения – административное дело. В данном случае понятием «административный процесс» охватывается не только деятельность органов публичной администрации по разрешению подведомственных административных

дел (административно-процедурный и административно-юрисдикционный процессы), но и деятельность судов по рассмотрению в рамках административного судопроизводства судебных дел, возникающих из административных правоотношений (судебный административный процесс). Что позволяет в итоге объединить в один, единый административный процесс два самостоятельных вида правоприменительного процесса (судебный и не-судебный). В этом состоит идея нового перспективного интегративного подхода к пониманию сущности административного процесса [13, с. 17; 14]. Существуют и другие концептуальные подходы к пониманию юридической сущности административного процесса.

Так, под административным процессом в широком смысле понимается деятельность органов исполнительной власти в сфере государственного управления по разрешению всех категорий подведомственных индивидуально-конкретных дел как связанных, так и не связанных с разрешением споров и конфликтов (управленческий подход)⁷. Административный процесс в узком смысле — это регламентированная законом «деятельность по разрешению споров, возникающих между сторонами административного правоотношения, не находящимися между собой в отношениях служебного подчинения, а также по применению мер административного принуждения (юрисдикционный подход)» [15, с. 16]. В юстиционном понимании под административным процессом понимается деятельность только судов (судей) по рассмотрению и разрешению административных дел, возникающих из материальных административных правоотношений [16, с. 44–67]. В данном случае административный процесс сводится только к административному судопроизводству. Упомянутый выше интегра-

тивный подход к пониманию сущности административного процесса заключается в том, что последний трактуется как властная деятельность органов и должностных лиц публичной администрации, а также судов (судей) по разрешению в соответствии с установленной законом административной и судебной процедурами подведомственных им административных и судебно-административных дел. В рамках интегративного подхода в структуре административного процесса в зависимости от его места и назначения в механизме административно-правового регулирования предлагается выделить два отдельных подвида процесса: «1) исполнительно-административный, осуществляемый органами и должностными лицами публичной администрации в целях первичного полного или частичного разрешения подведомственных им административных дел; 2) судебно-административный, осуществляемый судами (судьями) в целях продолжения и завершения разрешения административных дел, возбужденных и частично разрешенных органами и должностными лицами публичной администрации, либо в целях проверки законности принятых данными органами и должностными лицами по рассмотренным ими административным делам решений (правовых актов), совершенных ими в рамках этих дел действий (бездействия)» [17, с. 94–98].

Из данного понимания сущности административного процесса, его социальной роли, многообразия связей с государственным управлением, осуществляемых системой органов государственной исполнительной власти и их должностных лиц, вытекает объективная необходимость признания административно-процессуальных норм в качестве самостоятельной отрасли российского права, а не процессуального института в рамках материального

⁷ Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право : учеб. для юрид. вузов. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 203.

административного права. Административно-процессуальное право по объему регулируемых отношений охватывает потребности многих материальных отраслей российского права, а не только своей одноименной отрасли. Для данной группы однородных административно-процессуальных норм характерна высокая степень внутренней организации, соответствующая уровню самостоятельной отрасли российского права. Таким необходимым, принципиальным требованием в настоящее время отвечают лишь три группы процессуальных норм: гражданско-процессуальные, уголовно-процессуальные и административно-процессуальные. Что дает веские и объективные основания рассматривать обособившуюся группу однородных административно-процессуальных норм в качестве самостоятельной отрасли российского права. Таким образом, предпринятый нами краткий сравнительно-правовой анализ точек зрения ученых и существующих подходов к пониманию и сущности административного процесса позволяет утверждать, что административный процесс – это установленный административно-процессуальным законодательством порядок властной деятельности его участников по разрешению подведомственных административных дел, в ходе осуществления которой складываются правоотношения, регулируемые нормами административно-процессуального права.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО КАК САМОСТЯТЕЛЬНОЯ ОТРАСЛЬ РОССИЙСКОГО ПРАВА⁸

Ретроспективный анализ действующего административного и административно-процессуального законодательства, как и устаревших советских доктрин и теорий о руководящей роли комму-

нистической партии в государственном управлении и советском строительстве, свидетельствуют о том, что большинство из них оказались несостоятельными и потерпели крах, а современное административное и административно-процессуальное право и законодательство не соответствуют ни стандартам демократического социального правового государства, ни запросам современного гражданского общества.

Закрепленные в ст. 1 Конституции Российской Федерации демократические принципы и стандарты правового государства все еще не действуют в системе административно-правовых отношений, поскольку в нормах административного и административно-процессуального права и законодательства не нашли еще необходимой и соответствующих их высокому статусу, адекватной институализации. До настоящего времени остается открытым вопрос о месте и роли процессуальных норм в структуре российского права, как и проблема существования административно-процессуального права в качестве самостоятельной отрасли права. В российской правовой науке дискуссионным является вопрос о количестве отраслей права, правовых институтов, составляющих систему российского права. Предпринятый краткий ретроспективный обзор существующих в юридической науке точек зрения на проблему построения системы процессуального права России, как и административно-процессуального права, показывает далеко не однозначный подход к ее решению.

Видный российский теоретик права С. С. Алексеев утверждал, что на предмет любой процессуальной отрасли права существенное влияние оказывает характер предмета той материальной отрасли, с которой данная процессуальная отрасль

⁸ За основу построения современной концепции и современной модели административного процесса и административно-процессуального права России взяты научные труды и наработки профессора В. Д. Соколина [9–12].

наиболее тесно связана. Подобная обусловленность определяется прежде всего назначением любой процессуальной отрасли обеспечить реализацию правовых норм материальных отраслей и, главным образом, своей одноименной материальной отрасли [18, с. 159]. Поэтому не нуждается в доказательствах и не вызывает возражений статус уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права. Сходной позиции придерживаются представители общей теории права В. М. Горшенев, П. Е. Недбайло, А. С. Пиголкин и некоторые ученые правоведы [19, с. 9–10]. Представители отраслевых наук, в основном административного и государственного права, вполне обоснованно полагают, что кроме гражданского и уголовного процессов в системе материальных отраслей права существуют многочисленные процессуальные нормы и институты, которые осуществляют деятельность по применению материальных норм любых отраслей. К их числу относятся такие видные российские ученые, стоящие у истоков этой концепции, как С. С. Студеникин, Г. И. Петров, А. Е. Лунев, А. И. Ким, И. А. Галаган, А. П. Коренев, В. С. Основин, И. Н. Пахомов, Ю. М. Козлов, Н. Г. Салищева, Л. Л. Попов, Д. Н. Бахрах, В. И. Попова, Ю. А. Тихомиров, В. А. Юсупов. Так, административно-процессуальное право имеет своей задачей реализацию не только своей одноименной материальной отрасли – административного права, но и тесно связанного с ним целого ряда иных материальных отраслей: конституционного, муниципального, земельного, налогового, финансового, таможенного, бюджетного, экологического и др. Поэтому не случайно административное право проявляет свою регулятивную роль там, где действуют нормы других материальных отраслей российского права, т. е. там, где складываются управ-

ленческие по своей сути отношения, входящие в предмет других материальных отраслей, что, однако, не исключает их из механизма административно-правового регулирования⁹.

Принципиальную, последовательную и достаточно аргументированную точку зрения на проблему построения системы процессуального права России занимал В. Д. Сорокин еще полвека назад. Мы ее полностью разделяем. Он полагал, что система процессуального права состоит из трех самостоятельных отраслей – уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и административно-процессуального права. В качестве критериев, определяющих возникновение новых процессуальных отраслей российского права, выделил три принципиально значимых системных признака вместо традиционных «предмета и метода». Во-первых, это наличие своего предмета правового регулирования (т. е. наличие соответствующей, отличающейся от иных групп общественных отношений, сложившихся в социально-правовой среде). Во-вторых, наличие соответствующей степени внутренней организации, позволяющей данной группе норм выступать элементом системы права в целом (т. е. наличие определенной внутренней структуры, элементами которой являются процессуальные институты). В-третьих, способность взаимодействовать с иными отраслями как системами одного и того же уровня. Этот признак в полной мере присущ только трем группам процессуальных норм, образующим, соответственно, три процессуальные отрасли – гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное и административно-процессуальное право [9, с. 51–77].

Что касается отраслевого метода правового регулирования в предложенной концепции, то по мнению В. Д. Сорокина, его отсутствие обусловлено единым

⁹ *Административное право* : учеб. для вузов / [К. С. Бельский и др.] ; под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. М. : Юрист, 2000. С. 19–21.

предметом правового регулирования. Поэтому метод правового регулирования не может «принадлежать» каждой отрасли в отдельности, а является достоянием всей системы права в целом, поскольку отражает особенности права как социального регулятора отношений социально-правовой среды.

Следовательно, говорить о самостоятельном существовании отрасли российского права можно лишь в том случае, когда рассматриваемая совокупность большой группы однородных правовых норм имеет свой собственный специфический предмет регулирования, представляет собой логически выстроенную систему, позволяющую данной группе норм выступать в этой системе права автономно, и формально может быть обособлена от норм других смежных отраслей.

Представляется, что данные характеристики в полной мере применимы к административно-процессуальному праву и позволяют констатировать развитие института административно-процессуального права в самостоятельную отрасль российского права.

Что касается других групп процессуальных норм, не обладающих перечисленными выше системными признаками, то они продолжают действовать в границах соответствующих материальных отраслей российского права, не выходя за их пределы.

За последние два десятилетия в современной России, особенно в связи с зарождением рыночных отношений, появлением частной собственности и, соответственно, рыночного законодательства, принятием Государственной Думой Российской Федерации большого количества нормативных актов сомнительного качества, стали появляться новые отрас-

ли процессуального права. Так, возникло арбитражное процессуальное право. Оно неожиданно приобрело характер самостоятельной процессуальной отрасли в связи с принятием арбитражно-процессуального кодекса и созданием системы арбитражных судов. Хотя, по сути, арбитражно-процессуальное право дублирует однородные правоотношения, имеющие гражданско-процессуальный характер и вынуждено повторять нормы гражданского процессуального права. В настоящее время арбитражно-процессуальное право воплощает в себе двойной стандарт, не имеющей права на отдельное самостоятельное существование, но реально существующее в системе российского права [20, с. 29–30].

Другим примером странного обособления от гражданско-процессуального права с претензией на самостоятельное, автономное существование как отрасли российского права является исполнительное право. Его появление связано с вступлением в силу в 1997 г. двух федеральных законов: «Об исполнительном судопроизводстве» и «О судебных приставах». В действительности исполнительное производство является лишь заключительной стадией гражданского процесса, в которой происходит реальное восстановление субъективных прав участников гражданского оборота¹⁰. Процессуальными институтами исполнения уголовного и административного наказаний в рамках уголовно-процессуального и административно-процессуального права реально являются, соответственно, Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Кодекс об административных правонарушениях РФ.

Аналогичным образом на автономное существование как отдельной

¹⁰ *Гражданский процесс* : учеб. для вузов / под ред. М. К. Треушников. 2-е изд., испр. и доп. М. : Спарк : Городец, 1998. С. 376–377.

¹¹ *Витрук Н. В.* Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс : учеб. пособие. М. : Закон и право : Юнити, 1998. С. 39–45.

самостоятельной отрасли российского права претендуют конституционное процессуальное право (судебный конституционный процесс)¹¹, судебно-административное право [21, с. 35–52], налоговое процессуальное право и ряд других отраслей.

Вопрос о месте конституционного процессуального права, как и налогового процессуального права, в системе процессуального права России во многом является спорным, что предопределяется их слабой научно-теоретической разработанностью. Что касается существования судебного права в качестве самостоятельной комплексной отрасли российского права, то юридическая конструкция, в свое время предложенная ее авторами, не соответствует сложившемуся в общей теории права и российской юридической науке определению отрасли права [22, с. 3–5]. Поскольку сама природа отрасли права исключает возможность существования комплексных отраслей права в отличие от комплексных отраслей законодательства. Известно, что право и закон, отрасли права и отрасли законодательства – разные по смыслу и содержанию правовые явления, смешивать и отождествлять которые нельзя. Подобное отождествление упрощает и вульгаризирует представление о праве и законе, писал Ю. А. Тихомиров. Первое как явление и понятие богаче и шире второго. Оно отражает и передовые теории, и концепции, и правосознание, и правовые нормы, и акты. Не следует законам поспешно присваивать ранг права, а отрасли законодательства механически объявлять отраслями права.

Для появления новой отрасли права,, помимо нормативного акта, регулирующего соответствующие правоотношения, необходимо фактическое существование большой группы правовых норм, регулирующих не обособленный (узкий), а достаточно широкий, объемный круг общественных отношений. Совокупность

межотраслевых комплексных правовых институтов только тогда может квалифицироваться как новая самостоятельная отрасль права, когда она приобретает качественно новые свойства и, следовательно, утрачивает признак комплексности [23, с. 18–19]. По этой причине у судебного права отсутствует как единый предмет правового регулирования, так и метод. Кроме того, судебное право стирает весьма существенные различия между уголовным, гражданским и административным процессами, каждый из которых имеет свой предмет, задачи и самостоятельные процессуальные формы

Возросший интерес ученых как общей, так и отраслевой теории права и процесса к изучению и освоению новых областей правового знания – явление положительное и ожидаемое. Но он выявил опасную новомодную тенденцию последних лет, направленную на «отпочкование», отсечение от традиционных базовых, профилирующих отраслей российского права все новых и новых «комплексных» отраслей права без серьезных теоретических исследований и достаточных научных обоснований. Поверхностно проанализировав правовые основы той или иной отраслевой либо межотраслевой деятельности и опираясь при этом на принятые для обслуживания этой деятельности один или два федеральных закона, такие авторы «ничтожно сомнящиеся» заявляют об очередном «открытии» новой самостоятельной отрасли российского права. Подобные «научные» открытия наносят непоправимый вред юридической науке, серьезно ослабляют ее методологическую базу, игнорируют принципы классической юриспруденции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый анализ современного состояния отрасли административно-процессуального права на предмет ее автономного существования в системе

российского права свидетельствует о нижеизложенном.

1. Попытка придать новый импульс развитию административного процесса и, соответственно, административно-процессуальному праву и адаптировать его к новым условиям и потребностям развития правового государства и гражданского общества связана с острой потребностью в административно-правовой защите прав и свобод человека и гражданина от неправомерных посягательств органов и должностных лиц публичной власти, строгого обеспечения законности в сфере публичного управления.

2. Вновь возобновившиеся поиски места административно-процессуального права в системе и структуре российского права, широко обсуждавшиеся юридической наукой, теоретиками права, практическими работниками на рубеже 60–70-х гг. прошлого века, вновь стали актуальными и востребованными в России.

3. В современном гражданском обществе, закрепившем в Конституции Российской Федерации высшей ценностью человека его права и демократические свободы, именно развитое административно-процессуальное право, опосредуя взаимодействие государства и личности, является надежным гарантом ее гражданских прав и свобод.

4. Научная разработанность и востребованность норм процессуального права

в целом и административно-процессуальных норм в частности в правовом государстве относится к числу важных показателей цивилизованного развития демократических институтов гражданского общества. Даже если формально законодательство РФ совершенно и справедливо само по себе, его эффективность может быть ничтожно мала, если оно будет применяться неверно, субъективно, предвзято, без строгого соблюдения необходимых и обязательных процессуальных правил и процедур.

5. Поиск и создание современной российской базовой модели административного процесса и соответствующей отрасли административно-процессуального права является важным и необходимым научным стимулом при научных разработках новых, оригинальных и нестандартных концептуальных подходов в доктринальном осмыслении целей, задач и перспектив административно-правового регулирования.

Данный вывод исследования представляется наиболее ценным, поскольку позволяет инициировать поиск и обсуждение новых современных подходов и взглядов на юридическую сущность, содержание, свойства и объем административного процесса, важного и значимого правового института в формировании современного административно-процессуального права как самостоятельной отрасли российского права.

Список литературы

1. Дерюжинский В. Ф. Административные суды в государствах Западной Европы. СПб. : Сенат. тип., 1906. 146 с.
2. Коркунов Н. М. Русское государственное право : в 2 т. 6-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. Т. 2. Часть Особенная / под ред. и с доп. М. Б. Горенберга. 749 с.
3. Корф С. А. Административная юстиция в России : в 2 т. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1910. Кн. 2. Очерк действующего законодательства. Кн. 3. Очерк теории административной юстиции. 507 с.
4. Розин Н. Н. Процесс как юридическая наука // Журнал министерства юстиции. 1910. № 8. С. 24–45.
5. Загряцков М. Д. Административная юстиция и право жалобы в теории законодательства (Развитие идеи и принципов административной юстиции. Административный процесс и право жалобы в советском законодательстве. Административно-финансовое распоряжение и финансовая жалоба). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Право и жизнь, 1925. 244 с.
6. Михайловский И. В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука // Право. 1908. № 32. С. 1733–1741.
7. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М. : Норма, 2003. 240 с.

8. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М. : Юрид. лит., 1991. 143 с.
9. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. М. : Юрид. лит., 1972. 240 с.
10. Сорокин В. Д. Проблемы административного процесса. М. : Юрид. лит., 1968. 144 с.
11. Сорокин В. Д. Административно-процессуальные отношения. Л. : ЛГУ, 1968. 75 с.
12. Сорокин В. Д. Административный процесс и административно-процессуальное право. СПб. : Изд-во С.-Петерб. юрид. ин-та, 2002. 474 с.
13. Зеленцов А. Б., Кононов П. И., Стахов А. И. Административный процесс и административно-процессуальное право России: концептуальные проблемы современного развития // Административное право и процесс. 2013. № 12. С. 3–15.
14. Кононов П. И. Основные категории административного права и процесса : моногр. М. : Юрлитинформ, 2013. 416 с.
15. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. М. : Юрид. лит., 1964. 158 с.
16. Старилов Ю. Н. Административная юстиция: проблемы теории. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. 197 с.
17. Кононов П. И. Современные проблемы понимания и законодательной регламентации административного процесса // Проблемы административного процесса в государственном управлении : тез. докл. участников междунар. науч.-практ. конф. (3 апр. 2015 г., Москва) / отв. ред. С. А. Старостин. М. : Издат. центр Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2015. С. 94–98.
18. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы советского права. М. : Госюриздат, 1961. 187 с.
19. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Н. В. Виртук, В. М. Горшенев, Т. Н. Добровольская, И. А. Иконичкая [и др.] ; под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М. : Юрид. лит., 1976. 279 с.
20. Фурсов Д. А. Понятие отрасли арбитражно-процессуального права // Государство и право. 1999. № 1. С. 25–33.
21. Зеленцов А. Б. Административная юстиция как судебное административное право: концептуальные проблемы : моногр. М. : Буки-Веди, 2014. 180 с.
22. Проблемы судебного права : моногр. / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников ; под ред. В. М. Савицкого. М. : Наука, 1983. 224 с.
23. Тихомиров Ю. А. Общая концепция развития российского законодательства // Журнал российского права. 1999. № 1 (26). С. 25–31.

References

1. Deryuzhinskii V. F. *Administrative Courts in the States of Western Europe*. St. Petersburg: Senate Printing House; 1906. 146 p. (In Russ.).
2. Korkunov N. M. *Russian State Law. Vol. 2. Part Special*. 6th ed. St. Petersburg: Stasyulevich Printing House; 1909. 749 p. (In Russ.).
3. Korf S. A. *Administrative Justice in Russia. Book 2. Essay on Current Legislation. Book 3. Essay on the Theory of Administrative Justice*. St. Petersburg: Trenke and Fyusno Printing House; 1910. 507 p. (In Russ.).
4. Rozin N. N. Process as a Legal Science. *Journal of the Ministry of Justice*. 1910;8:24-45. (In Russ.).
5. Zagryatskov M. D. *Administrative Justice and the Right of Complaint in the Theory of Legislation (Development of the Idea and Principles of Administrative Justice. Administrative Process and the Right of Complaint in Soviet Legislation. Administrative-Financial Order and Financial Complaint)*. 2nd ed. Moscow: Pravo i zhizn' Publ.; 1925. 244 p. (In Russ.).
6. Mikhailovskii I. V. Judicial Law as an Independent Legal Science. *Law*. 1908;32:1733-1741. (In Russ.).
7. Luk'yanova E. G. *Theory of Procedural Law*. Moscow: Norma Publ.; 2003. 240 p. (In Russ.).
8. Protasov V. N. *Fundamentals of General Legal Procedural Theory*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1991. 143 p. (In Russ.).
9. Sorokin V. D. *Administrative Procedural Law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1972. 240 p. (In Russ.).
10. Sorokin V. D. *Problems of the Administrative Process*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1968. 144 p. (In Russ.).
11. Sorokin V. D. *Administrative Procedural Relations*. Leningrad: Leningrad State University Publ.; 1968. 75 p. (In Russ.).
12. Sorokin V. D. *Administrative Procedure and Administrative Procedural Law*. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute Publ.; 2002. 474 p. (In Russ.).
13. Zelentsov A. B., Kononov P. I., Stakhov A. I. Administrative Procedure and Administrative-Procedure Law in Russia: Conceptual Problems of Contemporary Development. *Administrative Law and Procedure*. 2013;12:3-15. (In Russ.).
14. Kononov P. I. *Main Categories of Administrative Law and Process*. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2013. 416 p. (In Russ.).

15. Salishcheva N. G. *Administrative Procedure in USSR*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1964. 158 p. (In Russ.).
16. Starilov Yu. N. *Administrative Justice: Theory Problems*. Voronezh: Voronezh State University Publ.; 1998. 197 p. (In Russ.).
17. Kononov P. I. Modern Problems of Understanding and Legislative Regulation of the Administrative Process. In: Starostin S. A. (Ed.). *Problems of the Administrative Process in Public Administration*. Moscow: Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Publishing Centre; 2015. P. 94–98. (In Russ.).
18. Alekseev S. S. *General Theoretical Problems of Soviet Law*. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1961. 187 p. (In Russ.).
19. Virtuk N. V., Gorshenev V. M., Dobrovol'skaya T. N., Ikonitskaya I. A. *Legal Procedural Form: Theory and Practice*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1976. 279 p. (In Russ.).
20. Fursov D. A. The Concept of the Branch of Arbitration Procedural Law. *State and Law*. 1999;1:25-33. (In Russ.).
21. Zelentsov A. B. *Administrative Justice as Judicial Administrative Law: Conceptual Problems*. Moscow: Buki-Vedi Publ.; 2014. 180 p. (In Russ.).
22. Polyanskii N. N., Strogovich M. S., Savitskii V. M., Mel'nikov A. A. *Problems of Judicial Law*. Moscow: Nauka Publ.; 1983. 224 p. (In Russ.).
23. Tikhomirov Yu. A. The General Concept of the Development of Russian Legislation. *Journal of Russian Law*. 1999;1:25-31. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Егорович Севрюгин, профессор кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета (ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2868-3678>; e-mail: 17041945@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Victor E. Sevryugin, Professor of the Department of Administrative and Financial Law at the University of Tyumen (6 Volodarskogo st., Tyumen, 625003, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2868-3678>; e-mail: 17041945@mail.ru

Поступила | Received
16.02.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
24.02.2022

Принята к публикации | Accepted
24.02.2022

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском и (или) английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению рукописи научной статьи, направляемой в журнал

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf). Приоритетной формой представления рукописи является заполнение формы на сайте журнала <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. Рукопись статьи для публикации с лицензионным договором в 2 экземплярах и заявкой автора может быть также направлена на электронную почту редакции (nauka@siblu.ru).

Рукопись принимается на русском и английском языках, при этом она должна соответствовать профилю журнала и отражать результаты оригинальных научных исследований.

Общий объем рукописи (всех ее структурных элементов) должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста или 40–45 тыс. знаков с учетом пробелов.

При наборе текста необходимо использовать шрифт Times New Roman. Размер шрифта для основного текста рукописи – 14 пт, сноска – 12; нумерация сноска сквозная. Межстрочный интервал – полуторный. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается **УДК**.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие **структурные элементы**:

- название статьи;
- сведения об авторах и их аффилиации;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- финансирование (при наличии);
- введение;
- основную часть статьи, состоящую из трех и более разделов, каждый из которых должен иметь собственное наименование;
- заключение;
- благодарности (данный раздел включается по усмотрению автора);
- список литературы на русском языке;
- список литературы на английском языке (References);
- информацию об авторах.

Наименования структурных элементов статьи «Аннотация», «Ключевые слова», «Финансирование», «Введение», «Заключение», «Благодарности», «Список литературы», «References» должны быть воспроизведены в тексте статьи. Структурные элементы статьи не нумеруются.

Название статьи (не более 10 слов) должно содержать основные ключевые слова, характеризующие содержание статьи. Указывается на русском и английском языках. Располагается в левой верхней части листа.

Авторы и их аффилиация указываются в следующей строке после названия статьи с выключкой влево. Данные приводятся без сокращений, на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы (название организации, соответствующее указанному в ее уставе, город, страна), адрес электронной почты).

В обязательном порядке указываются идентификаторы (ORCID iD, Researcher ID и др.). Если таковые отсутствуют,

авторам необходимо предварительно зарегистрироваться на <https://orcid.org>.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Авторы могут указываться в алфавитном порядке, если их вклад в исследование равноценен.

Аннотация (объем 250–300 слов) – самостоятельный источник информации о статье, краткая характеристика работы, представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть логичной и отражать основное содержание статьи (предмет, цель, методы и выводы исследования). Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание публикации, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. Рекомендуется составлять аннотацию в соответствии со структурой ее основной части, выбирая из каждого раздела самые важные сведения, дающие в совокупности полное представление о содержании статьи.

Аннотацию рекомендуется составлять после завершения работы над статьей. Особое внимание следует уделить качеству перевода.

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Финансирование – факультативный структурный элемент, включающийся в статью при наличии финансовой поддержки исследования юридическими и физическими лицами. Здесь может содержаться указание на то, за счет каких грантов, контрактов, стипендий удалось провести исследование.

Введение должно содержать обоснование актуальности и новизны темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку исследовательской проблемы, формулирование гипотезы исследования, описание методов, которые использовались для получения результатов, указание на цели и задачи исследования.

Основная часть статьи, состоящая из трех и более разделов, включает в себя фактические результаты исследования, их интерпретацию, в том числе оценку соответствия полученных результатов гипотезе исследования, обобщение его итогов, сравнение с результатами других исследователей, предложения по практическому применению результатов исследования, а также по направлению будущих исследований.

Заключение содержит главные идеи статьи, итоги исследования без дословного воспроизведения формулировок, содержащихся в основной части статьи.

Благодарности. Данный структурный элемент включается в статью по усмотрению автора в целях выражения признательности коллегам за помощь в подготовке статьи, критические комментарии, которые позволили улучшить содержание рукописи, благодарности за поддержку исследования людям и организациям.

Список литературы должен содержать ссылки на все научные источники информации, упомянутые в тексте статьи.

Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикации как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Список приводится в конце статьи, выстраивается по порядку упоминания источников в тексте, а не по алфавиту, независимо от названия и языка источника, и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяется.

В списке литературы сведения об используемом издании должны обязательно содержать указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер.

Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным.

По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]).

Обязательные параметры списка литературы:

- не менее 10–12 источников, из них: не менее 25 % источников – зарубежные (из которых 10 % – статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии, опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);
- не более 15 % источников – монографии;
- ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 г., должны быть единичными, кроме исследований, отражающих исторический аспект проблемы;
- не допускается самоцитирование. В случае невозможности избежать упоминания о ранее опубликованных автором трудах следует указать лишь на то, что автор уже рассматривал данный вопрос, при этом ссылки на опубликованные труды в тексте статьи не делаются, и в списке литературы они не приводятся.

Не включаются в список литературы следующие внеаучные источники информации:

- диссертации, авторефераты диссертаций;
- учебники, учебные пособия;
- нормативные правовые акты и комментарии к ним, судебные акты;
- правила, стандарты, патентные документы;
- словари, энциклопедии, другие справочники;
- доклады, отчеты, протоколы, данные статистики;
- средства массовой информации, интернет-ресурсы.

Ссылки на перечисленные внеаучные источники информации приводятся в подстрочных сносках.

Подстрочные сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

В списке литературы на английском языке (**References**) порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы. Ссылки на источники оформляются в формате Vancouver. После описания источника необходимо указать язык издания, например, если оно было опубликовано на русском языке – (In Russ.). Для англоязычных источников это правило не применяется. Если источник написан на латинице (на немецком, французском и проч.), он должен быть процитирован в оригинальном виде.

При переводе русскоязычных источников и источников на других кириллических языках рекомендуется проверять наличие официального опубликованного перевода.

Транслитерация производится по стандарту BSI и применяется в следующих случаях:

- для обозначения фамилии, имени, отчества (при наличии) авторов источника;
- для собственных названий издательств, например: Nauka, Yurlitinform;
- если нет информации об использовании журналом англоязычного названия (рекомендуется проверить на официальном сайте данного журнала).

При подготовке списка литературы можно обратиться к автоматическим системам подготовки списка литературы (EndNote, Mendeley, Zotero и др.)

В блоке «**Информация об авторах**» для каждого автора указываются: полные фамилия, имя, отчество (при наличии), должность, место работы и его полный юридический адрес, ученая степень, ученое звание, почетное звание, все имеющиеся идентификаторы автора, адрес электронной почты, а также контактный номер телефона, который будет использован только для связи редакции с автором и не будет публиковаться в журнале и (или) на его сайте.

Формулы, таблицы и рисунки, приводимые в статье, должны быть пронумерованы, а рисунки и таблицы также и названы, к ним должны быть отсылки в тексте статьи. В таблицах не должно быть пустых граф. Простые внутрострочные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы также прилагаются к статье отдельными файлами в формате JPEG с разрешением не менее 300 dpi.

Не допускаются во всех структурных элементах статьи:

- набор шрифтом «все прописные»;
- полужирное начертание;
- наличие двух и более пробелов подряд;
- знаки табуляции;
- абзацный отступ пробелами и (или) знаком табуляции;
- мягкий перенос;
- разреженный и (или) уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и (или) содержанию решением редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность приведенных в статье сведений ответственность несут ее авторы.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the “Antiplagiat” system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements to the formatting of the scientific article submitted to the journal

The manuscript of the scientific article (hereinafter referred to as the manuscript/article) shall be submitted in electronic version, in the format supported by Microsoft Word 2007 or higher (doc, docx, rtf). The priority form of the Article submission is the filling of the form at our web-site <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. The manuscript of the article to be published with the license agreement (in duplicate) and the Author's request enclosed may also be sent to the editorial office's e-mail nauka@siblu.ru.

The manuscript shall be accepted in Russian and English, hereby it should comply with the Journal's profile and highlight the results of the original scientific research.

The total volume of the article (including all the article elements) must be 20 to 40 type-written pages or 40,000–45,000 characters (blank spaces included).

For the text typing use Times New Roman font. Font size for the body of the Article – 14 pt, footnotes – 12; footnote numbering – consecutive. Line spacing – 1.5. No hyphenation.

UDC Code before the text of the Article is mandatory.

The Article must include the following **structural elements**:

- Title of the Article;
- The Authors and Their Affiliation;
- Abstract;
- Keywords;
- Funding (if any);
- Introduction;
- the body of the Article consisting of three or more sections each having its own title;
- Conclusion;
- Acknowledgements (to be included at the Author's discretion);
- References (in Russian)
- References (in English);
- Information about Authors.

The titles of the structural elements (“Abstract”, “Keywords”, “Funding”, “Introduction”, “Conclusion”, “References”) must be stated in the text of the Article. The Article structural elements shall not be numbered.

Title of the Article (maximum 10 words) must contain the main key words. Shall be provided in Russian and English. Left-aligned in the top of the page.

The Authors and their affiliation are indicated on the line right after the title of the article (research paper), aligned to the left. The data is given without abbreviations, in Russian and English (last name, first name, patronymic (if any), place of work (name of the organization corresponding to that specified in its charter, city, country), e-mail address).

Authors must state their identifiers (ORCID iD, Researcher ID). If they have no identifiers the Authors should first sign in at: <https://orcid.org>.

The sequence of the enumeration of the Authors is based on their contribution to the work completed. If the contribution to the research is equal the Authors may be listed alphabetically.

Abstract (250–300 words) – independent source of information of the Article, brief characteristic of the Work, shall be

provided in Russian and English. The Abstract must be logical and highlight the main contents of the Article (subject, objective, methods and conclusions of the study). The data contained in the title of the Article must not be repeated in the text of the Abstract. Avoid excessive introductory phrases, like “the Author of the article reviews...”. Historical data (unless they are the main contents of the Article), description of the previously published works and commonly known provisions shall not be included into the Abstract. We recommend to make up the Abstract in accordance with the structure of the body of the Article selecting the most important data from each section to provide in aggregate the comprehensive idea of the contents of the Article.

The Abstract should be made up after the completion of the work on the Article. Special emphasis should be given to the quality of the translation.

Keywords (5–10 words or word-combinations) should highlight the specific features of the topic, object and findings of the study. The Keywords must be separated with a semi-colon.

Funding is an optional structural element included in the article if there is financial support for the study by legal entities and (or) individuals. This may contain an indication of what grants, contracts, scholarships were used to conduct the study.

Introduction shall include the substantiation of the topicality and novelty of the study, review of the literature on the study subject-matter, study problem setting, definition of the study hypothesis, description of the methods used to obtain the findings, definition of the study objectives and tasks.

The body (main part) of the Article consisting three or more sections, contains the actual findings of the study, interpretation thereof, including compliance of the findings obtained with the study hypothesis, limitations of the study and generalization of its outcomes, comparison with the findings of other researchers, proposals on the future practical application of the future studies.

Conclusion contains the main ideas of the body of the Article, outcomes of the study without verbatim repetition of the definitions included in the body of the Article.

Acknowledgements. This structural element shall be included into the Article at the Author's discretion to express appreciation to the colleagues for the help with the Article preparation, including critical comments which enabled the manuscript improvement, gratitude for the financial support of the study by people and institutions.

References section shall contain references to all the scientific information sources mentioned in the text of the Article.

The literature used for the Article writing shall highlight the present-day state of the problem and include publications in both Russian and international journals and editions.

The Reference list is provided at the end of the Article and made up in the order the sources are referred to in the text, not alphabetically, regardless of the original title and language, the listed references shall be numbered. One list item shall include only one information source.

The *references in Russian* shall be made up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making” and carefully checked.

The list of references must state the publishing house, total number of pages in the edition used, or specific pages containing the relevant materials if the edition is periodical.

If the reference has a DOI it must be stated.

In the text of the Article references to the specific number of the bibliographic record from the list shall be provided in square brackets. If the reference to the information source in the text of the Article is made several times, the source number from the list shall be repeated in the square brackets (without any changes in the List of References itself). In case of direct citation the page number must be provided (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]).

Mandatory parameters of the List of References:

- minimum 10–12 sources, including: minimum 25 % sources – international (out of which 10 % – articles from the journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French published in the scientific periodicals (not supplementary issues!) as well as articles in the collections of proceedings of the conferences and monographs published in the reputable publishing houses);

- maximum 15 % sources – monographs;
- references to the literature published before 2009 must be single, except studies containing historical aspect;
- avoid self-citation. If it is impossible to mention the previously published works, just mention in the Article that the Author has already reviewed this issue, in this case no references to the published works should be included into the list of references.

The following extrascientific information sources shall not be included into the list of references:

- dissertations, author's abstracts of the dissertations;
- text books, workbooks;
- statutes and regulatory acts, judicial acts;
- rules, standards, patents;
- dictionaries, encyclopedias, other reference books;
- reports, statements, protocols, statistics data;
- mass media, the Internet resources.

References to the extrascientific information sources above shall be provided in the footnotes.

The footnotes shall be made as notes to the text provided at the bottom of the page, consecutively numbered as per GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making”.

In the “**References**” (in English), the order of sources should correspond to the Russian-language list of references. References to sources are made in Vancouver format. After describing the source, it is necessary to indicate the language of the publication, for example, if it is published in Russian – (In Russ.). For English-language sources, this rule does not ap-

ply. If the source is written in Latin (German, French, etc.), it must be quoted in its original form.

When translating Russian-language sources and sources in other Cyrillic languages, it is recommended to check the availability of an official published translation.

Transliteration shall be applicable in the following cases:

- to provide the surname, given name and patronymic (if applicable) of the Authors of the reference;
- for the proper names of the publishing houses, for example, Nauka, Yurlitinform;
- if the information of the use of the English title by the Journal it not available (check by the journal official web-site is recommended).

The transliteration shall be provided as per BSI standard.

To prepare the list of references automatic systems for the preparation of the list of references may be used (EndNote, Mendeley, Zotero, etc.)

In the “**Information about Authors**” section, for each Author, the following is indicated: full surname, first name, patronymic (if any), position, place of work and its full legal address, academic degree, academic title, honorary title, all available identifiers of the Author, e-mail address, as well as a contact phone number, which will be used only for communication between the Editorial office and the Author and will not be published in the journal and (or) on its website.

Formulae, figures, table. All the formulae, tables and figures must be numbered, and the figures and tables – also titled, there must be references to them in the body of the Article. The tables must not have blank columns. Simple inline and single-line formulae as well as figures and tables must be typed without using special editor software. Figures and formulae shall be attached to the Article as separate files in JPEG-format, resolution – min. 300 dpi.

In the Article elements above the following shall not be admissible:

- using Caps Lock,
- bold font,
- two or more consecutive blank spaces,
- tabulation symbols,
- paragraph indent using blank spaces and tabulation character,
- soft hyphens,
- sparse or condensed font.

If the Article does not comply with the requirements to the lineup and/or contents above the editorial board shall decline the Article and notify the Author by e-mail.

The reliability of the data used in the texts shall be the Authors' responsibility.

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»

Редактор: *О. В. Арефьева*

Редактор текстов на английском языке: *Д. Т. Караманукян*

Компьютерная верстка и оформление: *Л. А. Зарубина*

Дизайн обложки: *О. Ю. Шелихов*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 19 апреля 2019 г. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-75350

Индекс в подписном каталоге «Почта России» – ПП812

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала «Сибирское юридическое обозрение», 2022

Адрес издателя и редакции: ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 04.05.2022

Подписано в печать 14.04.2022

Тираж 200 экз.

Формат 70 x 100 / 16. Усл. печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 11,43.

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»

Адрес типографии: ул. Жукова, 107, Омск, 644046, Россия

Scientific journal “Siberian Law Review”

Editor *O. V. Aref'eva*

Text editor in English *D. T. Karamanukyan*

Desktop publishing and design *L. A. Zarubina*

Cover desing *O. Yu. Shelikhov*

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) at April 19, 2019. Registration certificate PI № FS 77-75350

Index in the subscription catalog “Russian Post” – PP812

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal “Siberian Law Review” reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal “Siberian Law Review”, 2022

Address of the publisher and the editorial office: 12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 04.05.2022

Signed print 14.04.2022

Circulation 200 copies.

Format 70 x 100 / 16. Cond. pr. pg. 10,4. Edit. pr. pg. 11,43

Printed in LLC “Printing Center “Tatyana”

Printing office address: 107 Zhukova st., Omsk, 644046, Russia